

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО Science. Culture. Society

№ 3 / 2024

Том 30

DOI: 10.19181/nko.2024.30.3

EDN: XTBJNY

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издаётся с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в перечень ВАК (К2). Включён в Российский индекс научного цитирования
(РИНЦ).

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва
2024

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН).

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, чл.-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Буланова Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и государственного управления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, РГГУ.

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет

Дудина Виктория Ивановна, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, профессор, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (Казахстан).

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Константинова Лариса Владимировна, доктор социологических наук, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, доцент, РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор, РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, доцент, Воронежский филиал РАНХиГС.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladmir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marina B. Bulanova, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS; RSUH.

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Galina S. Denisova, Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University

Victoria I. Dudina, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Miroљub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, Professor, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan).

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University; North-Western Institute of Management – Branch of RANEPА.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPА.

Larisa V. Konstantinova, Doctor of Sociology, Professor, Plekhanov Russian University of Economics.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPА.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPА.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPА Voronezh branch.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franс E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Иванов Д. В., Асочаков Ю. В., Гулькина К. П.

Социология в XXI веке: между фрагментацией и интеграцией 6

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Голосеева А. А., Хохлов А. А.

В лабиринте идейных поисков: способы конструирования памяти
о неудобном прошлом (на примере событий революции 1917 г.
и Гражданской войны) 26

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Подлесная М. А., Шевченко О. К.

Фактор фронтирности в формировании образа героя в российском обществе . . . 42

Сорокин О. В.

Социокультурные девиации в регуляции социальных взаимодействий
молодёжи 61

Медведева Е. И., Крошилин С. В.

Мотивация на «тату» или чем оправданы затраты на самовыражение
индивида 78

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРАХ ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДА

Буланова М. Б.

Проблемы и перспективы трудоустройства и занятости
молодых российских педагогов 94

ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Воробьева И. Н., Мехова А. А.

Проявление национальной идентичности
в социально-политических ценностях студенческой молодёжи 114

Анищенко А. В.

Особенности политического участия российской молодёжи в условиях
цифровизации 130

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Гаджимурадова Г. И., Сумин К. О.

Миграционная политика как фактор влияния
на президентские выборы в США. 142

Зверев Е. В.

Особенности социальной структуры электората левых партий
в странах Евросоюза 155

THEORY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL SCIENCE

Ivanov, D. V., Asochakov, Yu. V., Gulkina, K. P.

Sociology in the 21st century: between fragmentation and integration. 6

SOCIOLOGICAL DIMENSION OF HISTORICAL MEMORY

Goloseyeva, A. A., Khokhlov, A. A.

In the labyrinth of ideological search: ways to construct a memory of an uncomfortable past (on example of events of the 1917 Revolution and the Civil War) 26

RESEARCH OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN CIVIL SOCIETY

Podlesnaia, M. A., Shevchenko, O. K.

The frontier factor in the formation of the hero's image in Russian society 42

Sorokin, O. V.

Socio-cultural deviations in the regulation of social interactions of young people 61

Medvedeva, E. I., Kroshilin, S. V.

Motivation for "tattoo" or what justifies the costs of self-expression of an individual 78

CURRENT PROBLEMS OF MANAGEMENT IN THE FIELDS OF EDUCATION AND LABOR

Bulanova, M. B.

Problems and prospects for employment of young Russian teachers 94

POLITICS AND SOCIAL SPHERE OF SOCIETY

Vorobeva, I. N., Mekhova, A. A.

Manifestation of national identity in the socio-political values of student youth 114

Anishchenko, A. V.

Features of political participation of Russian youth in the context of digitalization 130

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

Gadzhimuradova, G. I., Sumin, K. O.

Migration policy as a factor influencing the USA presidential election 142

Zverev, E. V.

Peculiarities of the social structure of the electorate of left-wing parties in the EU countries 155

Научная статья
DOI 10.19181/nko.2024.30.3.1
EDN PDRADD
УДК 316.2

Д. В. Иванов¹, Ю. В. Асочаков¹, К. П. Гулькина¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия

СОЦИОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕЖДУ ФРАГМЕНТАЦИЕЙ И ИНТЕГРАЦИЕЙ

Аннотация. Состояние и перспективы развития современной социологии рассматриваются в контексте чередования в её истории периодов фрагментации и интеграции. Первая интегративная волна в истории социологии была в 1920–1950-х гг., проявившись в создании «больших» теорий П. Сорокина, Т. Парсонса, Франкфуртской школы, которые связали разнородные идеи классиков в моделях общества как системы. После парадигмального кризиса 1960–70-х гг. и распространения постмодернистского дискурса возникла вторая интегративная волна, воплотившаяся в преодолевающих разрывы между концепциями детерминирующих структур и конструирующих действий теориях Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, П. Бурдьё и в метатеоретизировании Дж. Ритцера, П. Штомпки, Дж. Александера. Сегодняшняя фрагментация в социологии в условиях метапарадигмального кризиса и постглобализации вызвана ростом влияния постколониального дискурса, попытками стигматизировать западную классику и создать теоретические альтернативы доминированию «глобального Севера» в производстве знания, а также распространением концепций, противопоставляющих классической социальности структур и действий социальную реальность сетей и потоков (Б. Латур, М. Кастельс, Дж. Урри, К. Кнорр-Цетина). В 2020-х гг. в социологии сложились условия для начала третьей интегративной волны, которая должна прийти на смену тенденциям дезинтеграции, дискриминации, возникновения разрывов и возведения барьеров. Актуальными становятся теории, создающие связную конфигурацию четырёх типов социальных структур: институтов, интеракций, сетей и потоков. Новый предмет теоретизирования конституируется их взаимосвязями в формах полей структурирования, скейпов ассембляжей, коммуникаций, платформ, проектов и инвентов. Метафора дополненной реальности интегрирует представления о разных типах социальной реальности и преодолевает конститутивные для социологии конца прошлого столетия разделения на систему и жизненный мир, локальное и глобальное, приватное и публичное, материальное и символическое, реальное и виртуальное, физическое и цифровое и т.д.

Ключевые слова: развитие социологии, метапарадигмальный кризис, интегративная волна, дополненная современность, постглобализация, институты, интеракции, сети, потоки

Для цитирования: Иванов Д. В., Асочаков Ю. В., Гулькина К. П. Социология в XXI веке: между фрагментацией и интеграцией // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 6–25. DOI 10.19181/nko.2024.30.3.1. EDN PDRADD.

Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00261, <https://rscf.ru/project/24-18-00261/>

Введение: дискурс кризиса и реальность развития социологии. Первые два десятилетия XXI века постоянным компонентом теоретико-методологических дебатов в социологии был дискурс кризиса, привнесённый знаменитой работой А. Гоулднера в 1970 г. [1] и существенно разросшийся за полвека. Однако применение этого дискурса очень различается среди исследователей, и их оценки

© Иванов Д. В., Асочаков Ю. В., Гулькина К. П., 2024

кризиса флуктуируют от констатации его вымышленности до пророчеств о грядущей смерти дисциплины [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Устойчивую популярность кризисного дискурса можно вслед за британским теоретиком Джерардом Деланти объяснить тем, что постоянная самопроблематизация вплоть до провозглашения «конца социологии» является частью её самокритичной природы [8]. Но эта концепция не объясняет флуктуаций дискурса. История социологии показывает, что они обусловлены тем, что научная дисциплина все-таки развивается и прогрессирует, но не линейно [9]. В истории современной социологии чередуются периоды резкого теоретико-методологического размежевания, фрагментации и периоды стремления к интегрированности, повышения связности. Периодические кризисы в итоге открывают путь и для обсуждений гипотетического конца социологии, и для реальных сдвигов к её новому развитию. Актуальные сейчас источники нового теоретизирования можно найти в этой волнообразной исторической динамике социологии. В данной статье делается попытка обрисовать позитивные перспективы развития на ближайшие годы, исходя из анализа периодов интеграции и фрагментации в истории социологии за два столетия.

Чередование периодов фрагментации и интеграции в истории социологии.

Начальные этапы истории социологии как современной науки были временем фрагментации, когда доминировал акцент на уходе от старого, на поиске различий, и нарастало разнообразие идей и подходов. В 1820–1870-х гг. позитивизм О. Конта, эволюционизм Г. Спенсера, исторический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса и другие подобные проекты науки об обществе провозглашали разрыв с философской традицией, фокусировались на конфликтном развитии промышленного общества, выдвигали альтернативные проекты лучшего общества. Несмотря на намеренно анти-философскую постановку проблемы создания науки об обществе и на заложенные ими концептуальные основы развития социологии, концепции Конта, Маркса, Спенсера и др. не были ещё собственно социологией. Их исследовательским подходом оставалось выведение универсального закона развития человечества в рамках мировоззренческой доктрины, охватывающей всё бытие и всё познание. Это была *протосоциология*, поскольку совокупность созданных в середине XIX века проектов науки об обществе и неразрывно связанных с ними утопических проектов «подлинно социальной» жизни оставалась на границе между научным знанием и философскими и мировоззренческими доктринами.

На протяжении **1880–1910-х гг.** период фрагментации продолжался, и в стремлении найти и продемонстрировать общие для социологов предмет и метод Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Теннис, В. Зомбарт, В. Парето, представители Чикагской школы А. Смолл, У. Томас, Ф. Знанецкий, Р. Парк, Э. Берджес создали работы, акцентирующие различия: разделение на реализм и номинализм, на теоретическую и эмпирическую социологию, между традиционностью и современностью в социальной жизни. Эти работы, многократно критиковавшиеся за схематизм и наивность теоретических построений и эмпирических обобщений, теперь ценятся за их вклад в формирование стандартов научной работы социологов и стали образцами, то есть классикой для последующих поколений исследователей. Это был этап *классической социологии*, поскольку совокупность исследований, созданных в конце XIX – начале XX века, предопределила развитие социологии как научной дисциплины, имеющей

собственную предметную область и собственные методы исследовательской работы. Благодаря классикам впервые возникли отчётливые признаки социологии, но и возникло разнообразие видов социологии, от которых ведут своё происхождение современные научные школы и направления. Разные виды социологии — результат разного видения предметной области и методологии. Дюркгейм с его социологизмом, Вебер с понимающей социологией, Зиммель и Теннис с формальной социологией, европейские школы теоретической социологии и Чикагская школа эмпирической социологии стремились сконструировать и легитимировать социологию разными путями.

Умножая разнообразие общих концепций предмета и методов в социологии и углубляя различия между ними, классики одновременно фрагментировали изучаемую социальную реальность в собственных исследованиях конкретных явлений. Классическая социология — это ещё и *классифицирующая* социология, превращающая исследование любого явления в дифференциацию его на типы, виды, классы, кластеры и т.п. Ныне этот исследовательский паттерн обеспечивает социологическим работам элементарный уровень научности и профессионализма, а введён этот паттерн в социологию был в образцовых работах рубежа XIX–XX вв., чтобы отделить современный тип социальности от традиционного. Это различие ожидаемо можно найти у пропагандиста собственно методологии идеальных типов Вебера в его противопоставлении традиционного и рационального действия и хозяйства, но есть он и у последовательного позитивиста Дюркгейма с его различением механической и органической солидарности, альтруистического и эгоистического самоубийства, и у волюнтариста Тенниса с его сопоставлением общины и общества, и даже у эмпириков Томаса и Знанецкого в их сравнительном анализе крестьянского быта в Европе и городской жизни в Америке. Таким образом, общество как целостность, как единый организм остался у протосоциологов и классиков социологии либо общей метафорой, либо утопическим горизонтом теоретизирования, а социальная реальность в исследованиях фрагментирована и предстаёт разрастающимся множеством структур и процессов, тяготеющим к контрастирующим типам социальности.

В 1920–1950-х гг. характер развития социологии кардинально переменялся: впервые в её истории период фрагментации сменился периодом интеграции. Дискуссии предшествующего периода о том, какой должна быть социология, что является её предметом и каковы методы, сформировали концептуальную традицию и определили специфику социологии, её автономное положение в ряду других социогуманитарных дисциплин — философии, истории, экономики, психологии. Но созданные первыми классиками типологии и классификации форм социального взаимодействия, социальной интеграции и солидарности, социальных общностей и т.д. не образовывали единой концептуальной системы, то есть теории. С другой стороны, в ходе эмпирических исследований шло накопление фактического материала, объем и разнообразие которого росли и требовали систематизации. Поэтому актуальной стала проблематика теоретического синтеза, ведущего к созданию общесоциологической теории, которая объединяла бы концептуальные достижения классиков и обобщала бы результаты, получаемые эмпирической социологией. В объединённых новой повесткой социологических работах доминировала ориентация на рост связности, акцентировались поиски общности и актуализация наследия. В результате эти работы образовали *первую интегративную волну* и стали *неоклассической социологией*.

Идеей создания общесоциологической теории, объясняющей весь комплекс социальных явлений и интегрирующей прежние и новые научные достижения, пронизаны самые выдающиеся теоретические работы середины прошлого века: «Современные социологические теории» и «Социальная и культурная динамика» П. Сорокина, «Структура социального действия» и «Социальная система» Т. Парсонса, «Традиционная и критическая теория» М. Хоркхаймера и его совместная с Т. Адорно «Диалектика просвещения» [10; 11; 12; 13; 14; 15]. В этом движении к «большой» теории участвовали даже те, кто скептически относились к всеохватным абстрактным схемам, как, например, Р. Мертон или П. Лазарфельд. Мертон предлагал развивать теории среднего уровня как эмпирически обоснованные теории отдельных социальных явлений и процессов для того, чтобы общесоциологическая теория сложилась «естественным путём» в результате интеграции уже верифицированных теорий среднего уровня [16]. Лазарфельд создавал изощренные техники операционализации и измерения, которые могли бы сделать «большую» теорию рабочим инструментом исследователя [17].

Результатом стремления к созданию концептуально интегрированной и методологически сильной социологии стали не только большие теории (Сорокин, Парсонс, Франкфуртская школа), но и большие эмпирические проекты, длившиеся по нескольку лет и генерировавшие гигантские массивы данных, использовавшихся для решения крупных практических задач в бизнесе, госуправлении, социальной политике. Среди первых «гигантов» эмпирической и прикладной социологии можно выделить социальное картографирование Чикаго под руководством Э. Берджеса, Хотгорнские эксперименты с участием Э. Мэйно, исследование массмедиа П. Лазарфельдом, проект «Авторитарная личность», возглавляемый Т. Адорно.

Интегративная логика, характерная для больших теорий и больших эмпирических проектов середины XX в., отчётливо проявилась и в подходах к социальным изменениям. На смену концепциям, рисуящим разные траектории развития общества как пути разрыва с прошлым, исходя из разных образов будущего, пришли концепции единой современности (Modernity). Эта общая модель социальной динамики представлена в теориях модернизации М. Леви и Т. Парсонса, в идее П. Сорокина о конвергенции «западного» и «восточного» социокультурных типов, в концепции единого индустриального общества Р. Арона, в критике общей для развитых стран технологической рациональности у Г. Маркузе [18; 19; 20; 21; 22].

В 1960–1970-х гг. произошёл *парадигмальный кризис*, положивший конец первой интегративной волне в развитии социологии. Новый период фрагментации открылся взрывным ростом критики господствовавших макросоциологических, позитивистских и объективистских представлений о предмете, методах и предназначении социологии. А с созданием множества альтернативных концепций, претендующих на статус парадигмы, исследовательская деятельность социологов стала развиваться не в направлении ожидавшегося в перспективе теоретико-методологического консенсуса, а в направлении дробления социологического сообщества на группы, придерживающиеся альтернативных подходов.

Эта тенденция противоречила образу «нормальной» науки, закрепившемуся в сознании социологов под влиянием концепции Т. Куна [23]. Поэтому обострение теоретико-методологических дебатов, отдаляющих социологию от создания

одной объединяющей научное сообщество парадигмы, традиционно представляется началом затяжного кризиса социологии. Однако если принять во внимание, что, вопреки Куну, в любой науке всегда есть множество альтернативных теорий, не редуцируемых одна к другой и адекватных только в областях, определённых их граничными условиями, то тенденции 60–70-х гг. прошлого века предстают не фундаментальным кризисом научной дисциплины, а скорее переломом тренда, удалявшего социологию от нормальности. Рост микросоциологических, интерпретативных и активистских концепций в этот период фрагментации перевёл научную дисциплину на этап *постклассической социологии*, увеличив теоретико-методологическое разнообразие и при этом восстановив баланс, нарушенный на этапе *неоклассической социологии* экспансией макросоциологических и позитивистских подходов.

Присутствовавшая в социологии ещё со времён Дж. Г. Мида, М. Вебера, А. Шюца идея изучения человеческого действия в 1960-х гг. была превращена новым поколением исследователей в орудие борьбы против больших теорий, обличаемых за сосредоточенность на макроуровне социальной реальности и за неспособность объяснить элементарное взаимодействие людей. Дж. Хоманс с теорией социального обмена, А. Турен с социологией действия, Г. Блумер с символическим интеракционизмом, П. Бергер и Т. Лукман с феноменологической социологией, И. Гофман с драматургическим подходом, Г. Гарфинкель с этнометодологией пытались реконструировать социологию, сделав её наукой на микроуровне человеческого действия [24; 25; 26; 27; 28; 29]. И обращение всё большего числа исследователей к такого рода микросоциологическим подходам подорвало господство макросоциологических теорий.

В это же время излюбленным объектом критики стала так называемая квантофрения социологии. Это саркастическое определение стремления все социологические данные и выводы сводить к статистическим выкладкам, а социологический анализ к манипулированию цифрами, было введено ещё в 1930-х гг. П. Сорокиным. Но лишь в 1960–70-х гг. такого рода критика получила широкую поддержку в социологическом сообществе и превратилась в идейную основу развития в противовес позитивистским, «жёстким» количественным методам «мягких» качественных методов. Качественные методы, построенные на интерпретации не подвергаемых статистическим процедурам данных о смыслах, которые люди придают событиям, больше отвечают той концепции социологии как науки о взаимодействиях людей, которую продвигали Г. Блумер, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель, И. Гофман и их последователи. С этого времени большие исследовательские проекты, основанные на уверенности в объективности структур, формирующие гигантские массивы данных и представляющие социальную реальность на формальном языке статистического анализа, стали всё чаще замещаться исследованиями, сконцентрированными на субъектности людей и реализуемыми в столь популярном ныне формате обоснованной теории (*grounded theory*), сводящемся к созданию нарратива — предания о социальном на обыденном языке.

Позитивизм подвергался критике не только за неадекватность методов исследовательской работы, но и за объективистскую позицию исследователя как независимого наблюдателя социальных процессов. Критика традиционной теории, предпринятая Франкфуртской школой ещё в 1930-х гг., нашла отклик в социологическом сообществе только через три десятилетия. Обличение «конформизма» традиционной теории, ориентированной на согласование своих положений с существующим положением дел (фактами) и на позитивную оценку

равновесия социальной системы, стало трендом. В те годы концепции «критически-рефлексивной» социологии, развенчивающей объективистские притязания больших теорий, развивали такие исследователи нового поколения, как Ч. Р. Миллс и Э. Гоулднер, не связанные непосредственно с неомарксизмом, но явно испытавшие его влияние. А наиболее радикальной версией не объективистской, но активистской позиции социолога стала созданная А. Туреном концепция социального акционализма [25]. Её сторонники в 1970-х гг. активно участвовали в деятельности социальных движений, в том числе экстремистских, применяя, тем самым, метод социологической интервенции — вмешательства в социальные процессы с целью выявить и развить «историчность» социальных движений.

Три тенденции — рост числа микросоциологических теорий с претензиями на парадигмальность, рост популярности антипозитивистской качественной методологии, рост внимания к активистским доктринам критической социологии, — образуют общее движение к гуманизации социологии. Именно повестка этого движения, требующая сделать социологию наукой о людях, создаваемую для людей и силами самих людей, мотивировала социологов возобновить дебаты о предмете (объективные структуры или интеракции в повседневной жизни) и методе («жёсткие» количественные или качественные «мягкие») и вновь обострить расхождение позиций, которые за полвека до этого уже проявились как «реализм» и «номинализм» и давно не считались антагонистическими. Как следствие, в ходе развернувшихся дискуссий о том, что, как, для чего и для кого должны изучать социологи, сложилась ситуация множественности парадигм. Каждая из конкурирующих парадигм претендовала в глазах своих сторонников на роль общесоциологической теории и методологии, но объединяла вокруг определённого видения предмета и методов исследования лишь часть социологического сообщества.

Тенденции фрагментации в период парадигмального кризиса, помимо внутрисоциологических разделений по линиям «макро/микро» и «структура/действие», «количественное/качественное», выразились в стремлении к радикальному разрыву с социологической традицией в целом. Постмодернистская теория, созданная М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Бодрийяром [30; 31; 32] и предлагающая идеи «децентрации субъекта», «исчезновения человека», «конца социального» и т.п., подводит к выводам о полном исчезновении предмета всех микро- и макро-теорий, и о симуляционном характере современных социальных наук. В теоретическом манифесте Лиотара «Состояние постмодерна» [31] уходящей вместе с XX веком современности как эпохе доминирования в общественной жизни и в науке системности и целостности противопоставляется постсовременность с характерными для неё распадом социальных агрегатов, эклектичностью, умножением разнонаправленных малых нарративов. Постмодернизм оказался очень сильным вызовом, открыв одновременно и разнообразные перспективы исследовать привычный предмет социологии совершенно по-новому, и угрожающую перспективу диссоциации предметности и утраты исследователями привычного научного статуса.

В период **1980–1990-х гг.** после «битвы парадигм» двух прошлых десятилетий в социологии набрала силу *вторая интегративная волна*. С конца 1970-х гг. ослабло стремление к поиску принципиально новой, наилучшей парадигмы социологического знания и распространились идеи создания единой парадигмы путём согласования между собой уже существующих альтернативных подходов. Общая

тенденция к теоретико-методологической интеграции отчётливо видна в таких трендах конца прошлого века, как распространение теорий, призванных стать объединительными парадигмами, возникновение такого специфического направления как метатеоретизирование, мода на новое прочтение теоретического наследия, породившая целый ряд «ренессансов» классиков, а также бум концепций глобализации и связанных с ними проектов глобальной социологии, преодолевающей все национально-государственные и национально-культурные барьеры.

Стремлением к интеграции структуралистских и агентностных, позитивистских и интерпретативных, объективистских и активистских подходов, ранее считавшихся взаимоисключающими, отмечены наиболее значительные теоретические разработки 1980-х гг.: теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теория структурации Э. Гидденса, конструктивистский структурализм П. Бурдьё [33; 34; 35]. Эти интегративные парадигмы на базе релятивизации и увязки разнородных теорий стали «мягкой» формой постмодернизма в социологии, иногда даже вопреки интенциям самих авторов, как, например, в случае Хабермаса, яростно отрицавшего наступление постмодерна. Но ироничная логика постмодернизма проявилась в том, что, несмотря на популярность, которую приобрели в социологическом сообществе теории Хабермаса, Гидденса, Бурдьё, их усилия по разрешению дилеммы «структуры или действия» и тем самым по интеграции теоретической социологии привели лишь к усугублению ситуации мультипарадигмальности. Прежде созданные парадигмы не утратили влияния, просто к макросоциологическим и микросоциологическим теориям теперь добавились ещё и межуровневые или мезосоциологические теории.

Другим проявлением «мягкого» постмодернизма в теоретической социологии стали ренессансы классиков, новое прочтение которых стало трендом, благодаря распространению в научном сообществе типично постмодернистской установки на релятивизацию и уравнивание значимости «современного» и «архаичного». Ярким проявлением таких устремлений стал так называемый веберовский ренессанс. В конце 1970–1980-х гг. новое прочтение, раскрывающее актуальность идей Макса Вебера, не просто породило большое число научных публикаций, но превратилось в особую разновидность профессиональной деятельности [36]. Под влиянием веберовского ренессанса в конце 1980 – начале 1990-х гг. интенсивному новому прочтению были подвергнуты труды другого классика социологии – Зиммеля [37]. А затем начался ренессанс даже главного объекта критики 1960-х Парсонса, ставшего источником вдохновения для неофункционализма [38].

Ренессансы классиков и практика построения интегративных теорий на основе выявления взаимодополнительности уже ставших традиционными концепций способствовали превращению реинтерпретации в основной тип теоретической работы. Она позволяет выявить неочевидные логические структуры, лежащие «глубже» авторского уровня анализа, а интеграция этих логических структур в единый концептуальный порядок позволяет создать общесоциологическую теоретическую систему, логические связи в которой перекрывают привычные расхождения между существующими теориями. Этот подход к теоретизированию хорошо просматривается в серии работ, определивших видение социологами своей дисциплины после дебатов 1960–70-х гг.: «Социология: мультипарадигмальная наука» Дж. Ритцера, «Структура социологической теории» Дж. Тернера, «Социологические дилеммы» П. Штомпки, «Теоретическая логика в социологии» Дж. Александера [39; 40; 41; 42]. Здесь наиболее отчётливо проявилась установка

«мягкого» постмодернизма на плюрализм и релятивизм — относительную ценность и взаимодополнительность альтернативных теоретико-методологических позиций, на легитимацию мультипарадигмальности в социологии.

Новый тип теоретической работы, названный Дж. Ритцером метатеоретизированием [43], с начала 1980-х гг. постепенно стал преобладающей формой в социологии, где теперь создаётся меньше принципиально новых теорий и больше концептуальных схем, по-новому объясняющих сложившуюся теоретическую ситуацию. Согласно Ритцеру, метатеоретизирование является рефлексивной концептуализацией, направленной не на развитие собственно(й) теории, а на создание «комфортной среды» в теоретической социологии в целом путём 1) прояснения оснований и логики уже созданных теорий, 2) создания предпосылок для развития теорий, 3) установления межтеоретических отношений, задающих общую перспективу «поверх» различий и противоречий среди отдельных теорий. Метатеоретизирование в исполнении Ритцера, Александра, Штомпки и др. представило фрагментацию, раздробленность социологии в позитивном свете: как логичную структуру общего «пространства возможностей», где есть исследовательские ниши для сторонников всех социологических школ и направлений.

Та же логика открытия или конструирования общего пространства возможностей, а заодно проблем, конфликтов и путей их разрешения, обнаруживается и самом популярном среди социологов тренде конца прошлого столетия — исследованиях глобализации. Концепции глобализации Р. Робертсона, Л. Склэра, М. Алброу, Э. Гидденса, У. Бека, представляющие макроструктуры как связанную систему планетарного масштаба, а микроструктуры как открытый и мультикультуральный жизненный мир, поглотили постмодернистскую перспективу социальных изменений и заменили её новой, предполагающей движение к глобальной современности [44; 45; 46; 47; 48]. Возникновение новой общей предметности, независимо от того, воспринималась ли глобализация в качестве новой реальности, как в работах Р. Робертсона и М. Алброу, или критиковалась как всего лишь новый дискурс, как в работах Дж. Ритцера и И. Валлерстайна [49; 50], стало основанием для перехода научного сообщества к новому этапу существования и развития дисциплины. Это был переход на этап *глобальной социологии*, всеохватной, единой, мультикультуральной, открытой и избавленной от прежних барьеров между исследователями из разных стран.

Этап глобальной социологии, вопреки ожиданиям, оказался очень недолгим, и сменился новым периодом дезинтеграции и фрагментации уже в **2000–2010-х гг.** В это время в социологии развился *метапарадигмальный кризис*, вызванный сдвигом от стабилизационного метатеоретизирования в духе Дж. Ритцера, упорядочивающего множество структуральных и агентностных теорий, к трансформационному, нацеленному на концептуальную «революцию» и на открытие в сетях и потоках новых объектностей для социологии. Этот кризис обострился в условиях обозначившегося во втором десятилетии XXI в. поворота к постглобализации [51], когда глобализационная метапарадигма не выглядит уже надёжной концептуальной платформой для исследований, а наблюдаемый рост разрывов, барьеров и конфликтов в «общем пространстве возможностей» побуждает всё большее число социологов развивать постколониальный дискурс, стигматизировать западную классику, создавать теоретические альтернативы доминированию «глобального Севера» в производстве знания.

Трансформационное метатеоретизирование рубежа XX–XXI вв. переориентировалось с рефлексивной работы с другими теориями на работу с другой реальностью. Б. Латур, М. Кастельс, Дж. Урри, А. Аппадурай, К. Кнорр-Цетина акцентировали концептуальный разрыв между классической социальностью структур и действий и постсоциальной реальностью сетей и потоков [52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59]. Латур и последователи его акторно-сетевой теории противопоставляют прежней «социологии социального» свои исследования гибридной реальности. Актор-сети являются одновременно и социально-материальными структурами, объединяющими разнородные объекты, включая людей и вещи, и формами агентности, превращающими и тех и других в «актантов». Режим существования этой реальности — интеробъективность, что выводит её за привычные рамки теоретико-методологического выбора между объективностью институтов как тотальных нормативных структур и интересубъективностью смыслов, конструируемых (взаимо)действующими агентами.

Концептуализация мобильностей и потоковых структур в работах Урри и Кнорр-Цетины вводит представление ещё об одном режиме существования реальности «постсоциальных отношений» между людьми и материальными объектами. Это трансобъективность мобильностей и потоков, чья реальность воспринимается и переживается только в движении сквозь привычные структуры, через территориальные, институциональные, групповые, культурные и символические границы. Традиционные для социологического взгляда предметности — социальные структуры представляют собой разграничения, фиксирующие зоны и диапазоны разных взаимодействий. Через эти границы, структурирующие привычную социальность, и идёт привлекающее внимание исследователей движение — перемещение вещей, людей, идей и т.д.

В то время как в западной социологии, на «глобальном Севере» метатеоретизирование направлено на поиск концептуальных схем для новой гибридной и темпоральной реальности — актор-сетей, потоков, мобильностей, ассембляжей и т.п., на «глобальном Юге» возникла совершенно иная разновидность трансформационного метатеоретизирования, которое фрагментирует социологию посредством постколониального дискурса. Это интеллектуальное движение развивает критику доминирования западных теорий, неадекватности и нерелевантности западных концептов в контексте незападных обществ и культур [60; 61; 62; 63]. Проекты постколониальной теории варьируются от создания специфических инструментов изучения аборигенных социокультурных феноменов, выражающих опыт сообществ в бывших колониях, до превращения «южной теории» в инструмент концептуального противостояния и в альтернативный ресурс развития мировой социологии, призванный изменить баланс глобального производства знания в пользу «Юга» [62; 64].

Идеи создания особых теорий, объясняющих локальные феномены и порывающих с зависимостью от западного социологического канона, созвучны критике европоцентризма и претензий на универсальность и объективность социальной теории, получившей распространение среди европейских и американских исследователей с конца 1990-х гг. [63; 65]. Такая релятивизация концептуальных основ «северной теории», а затем дистанцирование от классических форм академической и прикладной науки в проекте публичной социологии [66] стимулировали появление радикального дискурса «отмены» классической социологии. Теоретическое наследие сторонниками этой идеи представляется как отжившие дискурсы, Маркс, Вебер, Дюркгейм обличаются как «расисты»

и «империалисты», как носители европоцентристского и патриархально-маскулинного подхода, превращающего теорию в идеологию дискриминации, подавления социокультурного разнообразия и исключения меньшинств [67; 68; 7].

В русле метапарадигмального кризиса, ведущего к общей фрагментации представлений о социальном мире, сменился доминирующий подход к социальной динамике. Заложенные в теориях глобализации ожидания прихода консолидированного и открытого всемирного общества или глобальной социальности не оправдались. В контексте постглобализации на смену идеи глобальности пришла идея множественности, и социологи стали практиковать подход, предложенный Ш. Айзенштадтом ещё в конце прошлого века [69; 70], но обретший второе дыхание именно сейчас. Концепция множественных современностей предполагает, что современность (*Modernity*) как тип социальной жизни может и должна принимать различные формы. Поэтому обнаруживаемые в разных странах расхождения с классическими паттернами индустриализации, демократизации, секуляризации, индивидуализации социологам следует трактовать не как отставание в развитии или отклонение от общей модели, а как цивилизационную специфику одной из множественных современностей.

Сегодняшняя фрагментация в социологии в условиях постглобализации — это кризис на пути предшествующего развития, но и открытие возможностей на новом пути. Новые социальные онтологии, постколониальная теория, разделения по линиям «Север/Юг» и «академическая/публичная», концепции множественных современностей ничуть не отменяют прежнюю социологию, а лишь расширяют, усложняют предметное поле и структуру социологии и мотивируют совладать с этой разноречивой сложностью. В ситуации метапарадигмального кризиса логично ожидать в ближайшие годы прихода следующей интегративной волны. Первая интегративная волна в истории социологии была в 1920 – 1950-х гг. и ярче всего проявилась в «больших» теориях П. Сорокина, Т. Парсонса, Франкфуртской школы, связавших разнородные идеи классиков в моделях общества как системы. После парадигмального кризиса 1960–70-х гг. и распространения постмодернистского дискурса возникла вторая интегративная волна, воплотившаяся в связавших макро- и микро-социологические подходы теориях Хабермаса, Гидденса, Бурдьё и в метатеоретизировании Ритцера, Штомпки, Александра. Третья интегративная волна должна к середине века по-своему решить те же проблемы устранения разрывов и создания связности в концептуальном и инструментальном многообразии современной социологии.

Новая интегративная повестка для теоретической социологии. Третья интегративная волна, преодолевая нынешние тенденции дезинтеграции, дискриминации, возникновения разрывов и возведения барьеров в первую очередь должна обеспечить движение к связности представлений о формах социальности — типах и уровнях социальной реальности, представленных в конкурирующих концепциях социальных институтов, интеракций, сетей и потоков. После модного в последние 20–30 лет противопоставления сетей и потоков привычным институтам и интеракциям приходит время для теорий, продолжающих логику интегративных моделей габитуса и структуриации. Предметом этих постбурдьёвистских и постгидденсовских теорий должны стать формы взаимообусловленности и взаимопроникновения всех четырёх типов социальности, а не только макроструктур и микроагентностей. Нужны теоретические модели, соз-

дающие связность в сложившейся конфигурации четырёх разных типов социальных структур: институтов, интеракций, сетей и потоков.

Конфигурация предметного поля теоретической социологии накануне третьей интегративной волны выглядит так: есть четыре главных типа структур, образующих четыре разных типа социальности — тотальную социальность институтов, частную и ситуативную социальность интеракций, относительную социальность сетей, альтерсоциальность потоков. Институты традиционно предстают как идеально социальные структуры. Они интегрируют множество индивидуальных объектов (будь то люди, их действия или их вещи) в большие общности и обеспечивают скоординированность объектов в общностях за счёт постоянных и единых для всех норм. Интеракции являются не столь социальными структурами, как институты. Интеракции интегрируют объекты в ситуативную общность, и их координация гарантируется не универсальной нормативностью, а креативностью попавших в данную ситуацию участников, которые вырабатывают адаптивные решения в зависимости от того, как прочитывают (или просчитывают) действия и атрибутику друг друга, создавая частную социальность здесь и сейчас.

Социальность сетей можно назвать относительной, поскольку основой координации объектов является не интеграция их всех, а осуществляемая в ходе коммуникации селекция тех из них, которые идентифицируются как «свои» на фоне «остальных». Наличие этого фона исключаемых, обусловленность доступа в сеть идентичностью и коммуникативность как гарантия социальности являются характерными чертами любых сетевых структур. Потоки, как и сети, представляют собой тип координации объектов на основе селекции. Но отбор объектов в поток происходит не в силу их фиксированной идентичности, а в силу их подвижности — пространственной, культурной, физической, интеллектуальной и т.п. Координация объектов в потоке обеспечивается постоянным движением через пространственные, институциональные и групповые границы — генерированием новых трендов, ивентов, проектов и т.д. Социальность в потоках обеспечивается не повторяемостью паттернов или устойчивостью связей, а совместной мобильностью. Движения и изменения создают другую, альтернативную социальность.

Фокусируясь на разных формах социальности — на нормативности, выделяемой в институтах, креативности — в интеракциях, коммуникативности — в сетях, мобильности — в потоках, социологи создали конкурирующие представления о социальной реальности. Четыре разных режима существования социальной реальности — это её объективность в работах Дюркгейма, интерсубъективность у последователей Шюца, интеробъективность по Латуру, трансобъективность в русле идей Урри. Конфигурация четырёх разных социальностей образует ту общую реальность, с которой теперь приходится иметь дело социологическому сообществу.

От второй интегративной волны сегодняшняя социология унаследовала теории, связавшие первый и второй типы социальности — институты и интеракции. Интегративные парадигмы, создававшиеся с конца 1970-х гг. Ю. Хабермасом, Э. Гидденсом, М. Арчер, П. Бурдьё [33; 34; 71; 35], были нацелены на установление взаимообусловленности и связности структур и действий, то есть на объединение тотальной социальности институциональных, нормативных порядков и частной, ситуативной социальности порядков интеракций. Совмещение структурного и агентного взглядов на социальную реальность сформировало специфическую оптику, в которой и институты, и интеракции

видятся одинаково: как поля структуриаций — объективно существующие комплексы интересубъективно конструируемых отношений. При всех терминологических различиях между концепциями коммуникативного действия, структуриации, морфогенезиса, габитуса, все они предлагают модели того, как взаимно (вос)производятся локализованные в пространстве-времени условия (ресурсы и нормы, капиталы и символическое насилие и т.п.) и разнообразные по степени рефлексивности процессы освоения и (пере)оформления имеющихся условий (действия, практики и т. п.). Поэтому связка из бурдьевистского термина «поле» и гиденсовского термина «структуриация» вполне уместна, поскольку она адекватно представляет исследованный в интегративных теориях второй волны общий предмет: поля структуриаций.

Решение проблемы объединения структурного и агентного подходов, макро- и микроуровней социальности по формуле «институты + интеракции = поля структуриаций» сейчас выглядит лишь частичным. Проблематика теоретической интеграции выглядит иной в контексте поисков, начиная с 1990-х гг., новых объектностей и разработки новых метафор и концептуальных схем М. Кастельсом, Дж. Урри, Б. Латуром, А. Аппадурай, К. Кнорр-Цетинной. Противопоставляя старым формам социальности — институтам и интеракциям, новые — сети и потоки, Кастельс, Латур, Урри, Аппадурай, Кнорр-Цетина и их последователи релятивизировали результаты, достигнутые в интегративных теориях Хабермаса, Гиденса, Арчер, Бурдьё.

Сейчас, в 2020-х гг., уже понятно, что представления об иных фундаментальных типах социальности — сетевых и потоковых структурах не отменяют классические представления и прежнюю социологию. Кастельс, Латур, Урри, Аппадурай, Кнорр-Цетина не конституировали «постсоциальную науку», но расширили предметное поле социологии и дополнили её теоретическую проблематику новыми вопросами соотношения привычных и новых форм социальности. Поскольку вновь открытыми структурами не устраняются и не заменяются полностью прежде освоенные структуры, актуальной становится новая теоретическая повестка: продолжить интегративное теоретизирование и дополнить поля структуриаций другими формами связности ещё по пяти линиям сопряжения и взаимообусловленности разных типов социальностей (Рис. 1).

Наряду с интегративной формулой **«институты + интеракции = поля структуриаций»**, релевантной для сопряжения привычных структур (закрашенные зоны на Рис. 1), нужны аналитические решения, которые связывают старые и новые формы социальности. Взаимообусловленность интеракций и сетевых структур проявляется в коммуникациях. Развитие и влияние сетей побуждает индивидов превращать обмен действиями в режиме «лицом к лицу» в дистанционный обмен сообщениями, но в то же время сети воспроизводятся и расширяются за счёт креативности коммуникативных действий, нацеленных на поддержание межиндивидуальных и внутригрупповых отношений. Участие в коммуникациях от лица множества виртуальных персонажей, эксперименты с множественными и изменчивыми идентичностями, создание ботов (алгоритмов симуляции общения с реальным человеком) становятся распространёнными практиками в социальных сетях. Формула **«интеракции + сети = коммуникации»** не только раскрывает логику взаимодополнительности на стыке двух типов социальности, но и объясняет популярное среди социологов, исследующих современный феномен коммуникаций, совмещение микросоциологических, конструкционистских подходов и формально-структуралистского сетевого анализа.

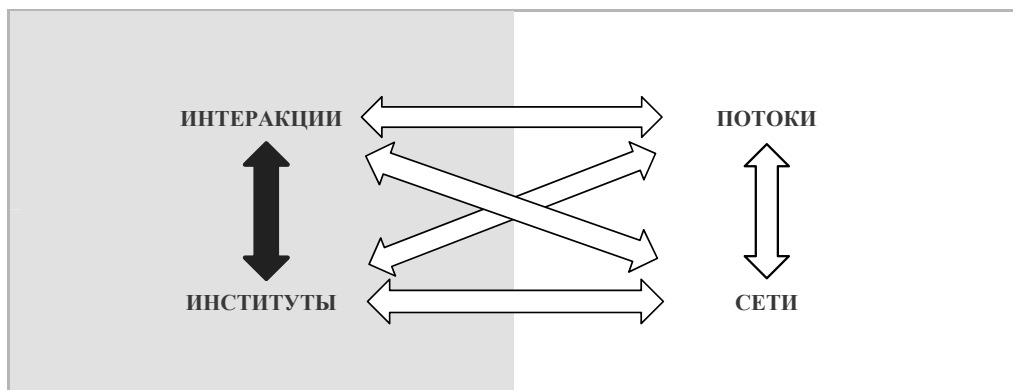

Рисунок 1. Аналитическое пространство социальных структур в актуальной социологии

Анализ структурных эффектов на стыке институтов и сетей показывает, что в конце прошлого века развитие сетевых структур с их селективной социальностью релятивизировало тотальную социальность институтов, снизило роль их нормативности, сформировало свободное от институтов виртуальное пространство и вызвало виртуализацию самих институтов [55; 72]. Однако в начале нынешнего столетия виртуализация институтов пошла в направлении создания цифровых платформ, которые путём алгоритмизации нормируют сетевые структуры, коммерциализируют и бюрократизируют сетевые связи. Коммуникации в социальных сетях и мессенджерах, на маркетплейсах и агрегаторах, в мобильных приложениях и на порталах различных фирм и учреждений всё в большей степени подчинены обезличенным нормам, обуславливаются предоставлением персональных данных и жёстко регулируются. Виртуализация институтов оборачивается платформизацией сетей. Перевод большей части интернет-коммуникаций на подконтрольные крупным корпорациям и государству платформы — это тенденция конвергентного развития социальных структур, которое идёт по формуле **«институты + сети = платформы»**.

На линии сопряжения между институтами и потоковыми структурами определённая и упорядоченность социальных процессов все чаще обеспечивают проекты, в которых свойственное институтам повторение привычных образцов (паттернов) заменяется характерным для потоковых структур непрерывным обновлением целей, перемещением ресурсов, сменой зон активности. Проектная логика жизни характерна теперь не только для бизнесменов, но для большинства людей, вовлечённых в диктуемую культурой потребления — консюмеризмом — гонку за показателями успешности. Проекты, как ограниченные по времени целевые программы деятельности, быстро сменяют один другой и задают тот режим краткосрочных фаз активности и вовлечённости, в котором индивиды и группы стремятся к результатам в карьере, образовании, отдыхе, развлечениях и даже в семейной жизни. На общественно-политических аренах проектная логика, ранее отличавшая социальные движения от рутинного функционирования правительств, министерств, бюрократических структур всех уровней, теперь всё больше проникает в государственную власть и в публичное управление. Их перевод в формат проектов, варьирующихся по масштабам от национальных программ развития до муниципального благоустройства, является наглядной реализацией формулы взаимообусловленности структур: **«ин-**

ституты + потоки = проекты». В проектах институты динамизируются потоками, а потоки нормализуются институтами.

Сопряжение структур на линии интеракции–потоки проявляется в буме ивентов. Вместо регулярных и рутинных контактов между индивидами в постоянных по составу и месту функционирования группах соприсутствие и сопричастность обеспечиваются сериями разовых, но зато креативных и интенсивных событий. Насыщенные разнообразными активностями ивенты объединяют людей и обеспечивают сильную идентичность в условиях постоянных трансформаций технологий и паттернов интеракций. Двигаясь в потоках ивентов, люди компенсируют дефицит социальности, возникший в результате виртуализации привычных интеракций, и групп, функционировавших в режиме «лицом к лицу». Таким образом, организуемые для работников компаний мероприятия по поддержанию корпоративного духа, тематические встречи друзей, фестивали, конкурсы, выставки, концерты, коллективные перформансы, флешмобы и даже brutальные акции протеста и устрашения превращаются в особую разновидность структур, реализующих формулу **«интеракции + потоки = ивенты».**

Взаимообусловленность структур по линии сети–потоки изначально концептуализирована в теориях Кастельса, Латура, Аппадурои, Урри [55; 53; 56; 54]. Нужно лишь обобщить их представления о том, что сети и потоки являются двумя аспектами одной реальности. Сети задают топологию процессов, обеспечивают направления для потоков, а потоки придают сетям процессность, обеспечивают соединение узлов. Соединяемые в целостности сети и потоки предстают как интеробъективно существующие гибридные комплексы трансобъективно формирующихся текучих сборок. Упрощённо это сопряжение сетевых и потоковых структур можно передать формулой: **«сети + потоки = скейпы ассембляжей».**

Неологизм скейп (*scape*), введенный А. Аппадурои [73] для обозначения пространств-потоков и подхваченный Дж. Урри, М. Уотерсом [54; 74] и другими исследователями, отсылает сразу к двум значениям — пространственной определённости ландшафта, местности (по-английски *landscape*) и текучести, ускользания через границы мест (по-английски *escape*). Популяризированный Б. Латуром и его последователями термин «сборка» (по-французски *assemblage*) создаёт коннотации и с техническими операциями соединения деталей, и с социальными процессами организации собраний и формирования объединений.

Скейпы ассембляжей, поля структуриаций, коммуникации, платформы, проекты, ивенты в совокупности образуют актуальный предмет для теоретической социологии и перспективный полигон для эмпирических исследований. Взаимопроникновение структур, которые раньше противопоставлялись или по крайней мере разграничивались, позволяет сегодня называть социальную реальность дополненной. Метафора дополненной реальности (по-английски *augmented reality*), взятая из IT-технологий, где цифровые объекты встраиваются в одно пространство с физическими, хорошо схватывает те гибридные реальности, которые возникают на стыках институтов, интеракций, сетей и потоков. Дополненная социальная реальность — не замена прежним концепциям, но интегральный итог развития теоретических представлений о социальной реальности со времён Дюркгейма до наших дней.

Единая и объективная реальность, представленная Э. Дюркгеймом, уже к середине прошлого века стала выглядеть недостаточной. Предложенная А. Шюцем иерархия множественных реальностей с выделенным особым статусом по-

вседневной реальности выглядела хорошим решением вплоть до конца XX столетия. Затем пришло время для концепций дезагрегирования: исчезновение объективной реальности и рост медийной гиперреальности по Ж. Бодрийяру и плюралистичность реальностей в версиях Ш. Айзенштадта, У. Бека, Р. Коннелл. С развитием в начале XXI века идей Б. Латура, Дж. Урри, К. Кнорр-Цетинны о гибридности и темпоральности реальностей оформились предпосылки для интегральной концепции дополненной реальности, в которой взаимно проникают и взаимно обуславливают одна другую объективная реальность институтов, интерсубъективная реальность интеракций, интеробъективная реальность сетей, трансобъективная реальность потоков.

Наряду с достижением связности представлений о формах социальности (типах и уровнях социальной реальности), концепция развития структур на стыках институтов, интеракций, сетей и потоков открывает перспективу теоретической интеграции в исследованиях социальной динамики. Эту же логику можно применить и при рассмотрении социальных изменений и развития. Различия между конкурирующими теориями изменений и образами современности вызваны фокусировкой на неодинаковой динамике разных структур. Теории модернизации и концепции единой современности (*Modernity*) сфокусированы на развитии институтов, обеспечивших рост массового производства и потребления, формирование массовой демократии и массовой культуры. Альтернативные теории изменений — рефлексивной модернизации, постмодерна, глобальной современности, текучей современности, множественных современностей и т.д., — сфокусированы на обозначившихся на рубеже веков остановке институционального развития и росте других типов структур, создающих не тотальную социальность в виде унифицированных норм, а частную и ситуативную социальность интеракций, избирательную социальность сетей, мобильную социальность потоков.

Поскольку в основе разнообразия теорий социальных изменений и конкурирующих концепций современности лежит совместная (пусть и не одинаковая) динамика институтов, интеракций, сетей, потоков, напрашивается интегративное решение — концепция дополненной современности (*augmented Modernity*). Нужно соединить разные версии теорий модернизации, постмодерна, глобализации, а также виртуализации, макдональдизации и т.п., исходя из того, что новейшие тенденции изменений возникают на стыках четырёх типов социальности. Их гибридизация и взаимопроникновение создают эффекты дополненной социальной реальности, в которой смешиваются и взаимно проникают традиционные и современные, модернистские и постмодернистские, глобальные и локальные, реальные и виртуальные компоненты жизни людей.

Наряду с привнесением связности в теоретические представления о социальной реальности и социальной динамике, важнейшей задачей является движение к связности концептуальных и инструментальных составляющих в том многообразии методов сбора и анализа данных, которое сложилось в современной социологии. Здесь от уже привычного противопоставления «жестким» количественным методам (массовым опросам, статистическому анализу, контент-анализу и т.д.) «мягких» качественных (глубинных интервью, включённого наблюдения, дискурс-анализа и т.д.) исследователи быстро перешли к противопоставлению обеим стратегиям инновационной стратегии «больших данных» (*big data*). Вместе с тем проводятся исследования, совмещающие разные стратегии и конструирующие смешанные методы (*mix method*), вырабатываются инструменты одновременного сбора и анализа числовых, текстовых, визуальных данных.

Эти разнонаправленные методологические тренды приобретают общий смысл и образуют связанное единство, если понять, что количественные методы наиболее эффективны в изучении институтов, качественные — интеракций, методы работы с большими данными — сетей и потоков. А на стыках четырёх типов социальности лучше работают смешанные методы и гибридные инновационные решения. Напрашивающееся общее решение проблем методологической фрагментации в социологии лежит в том же интегративном русле: для проведения исследований дополненной социальной реальности в условиях дополненной современности нужен инструментарий, обеспечивающий объединение и гибридизацию разнородной и разноуровневой информации в виде обогащённого комплекса — дополненных данных (*augmented data*).

Заключение: интегративная перспектива развития социологии. Исходя из представленного в статье чередования периодов фрагментации и интеграции в социологии, можно рассчитывать на приход новой интегративной волны к середине нынешнего века. Предлагаемая здесь метафора дополненной реальности позволяет придать связность и общую логику современным представлениям о социальной реальности, социальной динамике, методологии социологических исследований. Но теоретико-методологическая интеграция возможна и на другой концептуальной основе. Накануне интегративной волны социологи абсолютно свободны в выборе решающих метафор и других концептуальных средств, которые помогут решить задачи достижения связности в развитии теорий и методов.

Приход третьей интегративной волны логичен, но она не придёт автоматически. Всё зависит от интенций и усилий множества теоретиков и исследователей-практиков, которые осознают эту перспективу развития социологии. Третья интегративная волна не решит раз и навсегда все проблемы социологии. Представленная выше краткая история социологии показывает, что в ней ничего не бывает навсегда и ничто не принимает повсюду одинаковые формы. Возможная в ближайшем будущем интегративная волна со временем, скорее всего, сменится следующим периодом фрагментации. Но это будет продолжением развития социологии уже на ином достигнутом уровне. Так что смена нынешней фрагментации интегративной волной — это безусловно позитивная перспектива движения. На это и следует ориентироваться тем, кто от положительного решения общего вопроса об актуальности теоретико-методологической интеграции переходит к детальным вопросам о том, как именно интегрировать представления о разных структурах, процессах, методах.

Библиографический список / References

1. Гоулднер А. У. Наступающий кризис западной социологии. СПб. : Наука, 2003. 575 с. ISBN 5020268283.
Gouldner A. W. The coming crisis of western sociology. St. Petersburg: Nauka; 2003. (In Russ.). ISBN 5020268283.
2. Дудина В. И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии // Социологические исследования. 2013. № 10(354). С. 13–21. EDN RDRNSV.
Dudina V. I. Fictitious crisis of sociology and a new shape of epistemology. *Sociological Studies*. 2013;(10):13–21. (In Russ.).
3. Vandenberghe F, Fuchs S. On the coming end of sociology. *Canadian Review of Sociology*. 2019;56(1):138–143. DOI [10.1111/cars.12238](https://doi.org/10.1111/cars.12238).
4. Campbell C. Has sociology progressed? Reflections of an accidental academic. Cham: Palgrave Macmillan; 2019. DOI [10.1007/978-3-030-19978-4](https://doi.org/10.1007/978-3-030-19978-4).

5. House J. S. Culminating crisis in American sociology and its role in social sciences and public policy: an autobiographical, multimethod, reflexive perspective. *Annual Review of Sociology*. 2019;45(1):1–26. DOI [10.1146/annurev-soc-073117-041052](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073117-041052).
6. Бэр П. Социология остановилась // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 3–15. DOI [10.31857/S013216250010090-2](https://doi.org/10.31857/S013216250010090-2). EDN [LKJWLE](https://www.edn.ru/LKJWLE).
Baehr P. The arrest of sociology. *Sociological Studies*. 2020;(9):3–15. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250010090-2](https://doi.org/10.31857/S013216250010090-2).
7. Go J. Race, empire, and epistemic exclusion: or the structures of sociological thought. *Sociological Theory*. 2020;38(2):79–100. DOI [10.1177/0735275120926213](https://doi.org/10.1177/0735275120926213).
8. Delanty G., Mascareno A. Social theory: legacies and future directions – An interview with Gerard Delanty. *European Journal of Social Theory*. 2023;26(3):408–423. DOI [10.1177/13684310231179145](https://doi.org/10.1177/13684310231179145). EDN [GAEMMB](https://www.edn.ru/GAEMMB).
9. Иванов Д. В. Ворчание «стариков», нытье «молодых» и прогресс социологии // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 3–11. DOI [10.31857/S013216250018033-9](https://doi.org/10.31857/S013216250018033-9). EDN [REPXXB](https://www.edn.ru/REPXXB).
Ivanov D. V. Grumbling ‘oldies’, whining ‘youngsters’, and progress of sociology. *Sociological Studies*. 2022;(2):3–11. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250018033-9](https://doi.org/10.31857/S013216250018033-9).
10. Sorokin P. Contemporary sociological theories. New York: Harper & Brothers; 1928.
11. Sorokin P. Social and cultural dynamics. Vol. 1. New York: American Book Company; 1937.
12. Parsons T. The structure of social action. New York: Free Press; 1937.
13. Parsons T. The social system. Glencoe: Free Press; 1951.
14. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie. *Zeitschrift für Sozialforschung*. 1937;6(2):245–294. DOI [10.5840/zfs19376265](https://doi.org/10.5840/zfs19376265).
15. Adorno T., Horkheimer M. Dialektik der Aufklärung. Amsterdam: Querido Verlag; 1947.
16. Merton R. Social theory and social structure. Glencoe: The Free Press; 1957.
17. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The people’s choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign. New York: Columbia University Press; 1944.
18. Levy M. Modernization and the structure of societies. Princeton: Princeton University Press; 1966. ISBN 978-0691093208.
19. Parsons T. Societies: evolutionary and comparative perspectives. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1966.
20. Sorokin P. Russia and the United States. New York: Literary Classics; 1944.
21. Aron R. Trois essais sur l’age industriel. Paris: Plon; 1966.
22. Marcuse H. One-dimensional man. Boston: Beacon; 1964. ISBN 978-0807015759.
23. Кун Т. Структура научных революций. М. : АСТ, 2003. ISBN 5-17-008289-4. EDN [QWFEIT](https://www.edn.ru/QWFEIT).
Kuhn Th. The structure of scientific revolutions. Moscow: ACT; 2003. (In Russ.). ISBN 5-17-008289-4.
24. Homans G. Social behavior: its elementary forms. New York: Harcourt, Brace & World Inc.; 1961.
25. Touraine A. Sociologie de l’action. Paris: Editions du Seuil; 1965.
26. Blumer H. Symbolic interactionism. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1969. ISBN 9780138799243.
27. Berger P., Luckmann T. Social construction of reality. New York: Anchor Books; 1966. ISBN 978-0-385-05898-8.
28. Gofman E. The presentation of self in everyday life. New York: The Overlook Press; 1959. ISBN 978-0385094023.
29. Garfinkel H. Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1967. ISBN 978-0138583811.
30. Foucault M. Les mots et les choses. Paris: Gallimard; 1966. ISBN 9782070224845.
31. Lyotard J.-F. La condition postmoderne. Paris: Minuit; 1979. ISBN 2707302767.
32. Baudrillard J. À l’ombre des majorités silencieuses ou la fin du social. Paris: Les Cahiers d’Utopie; 1978. ISBN 978-2910170431.
33. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1, 2. Frankfurt a. M.: Suhrkamp; 1981. ISBN 978-3518287750.
34. Giddens A. The constitution of society. Outline of the theory of structuration. Cambridge; 1984. ISBN 978-0520057289.
35. Bourdieu P. Choses dites. Paris: Minuit; 1987. ISBN 978-2707311221.
36. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М. : Политиздат, 1991. 367 с. ISBN 5-250-00757-0. EDN [SHJSLI](https://www.edn.ru/SHJSLI).

- Gaidenko P. P., Davydov Yu. N. History and rationality: Max Weber's sociology and Weberian renaissance. Moscow: Politizdat; 1991. ISBN 5-250-00757-0.
37. Weinstein D., Weinstein M. Postmodern(ized) Simmel. London: Routledge; 1993. DOI [10.4324/9781315823348](https://doi.org/10.4324/9781315823348).
 38. Alexander J. (Ed.) Neo-Functionalism. Newbury Park: Sage Publ.; 1985. ISBN 978-0803924970.
 39. Ritzer G. Sociology: A multiple paradigm science. *The American Sociologist*. 1975;10(3):156–167.
 40. Turner J. The structure of sociological theory. Homewood, IL: Dorsey Press; 1978. ISBN 978-0256034080.
 41. Sztompka P. Sociological dilemmas: toward a dialectic paradigm. New York: Academic Press; 1979.
 42. Alexander J. Theoretical logic in sociology. London: Routledge; 1982. ISBN 9780415723770.
 43. Ritzer G. Metatheorizing in sociology. *Sociological Forum*. 1990;5(1):3–15. DOI [10.1007/bf01115134](https://doi.org/10.1007/bf01115134). EDN LZUZYU.
 44. Robertson R. Globalization: social theory and global culture. London: SAGE Publications; 1992.
 45. Sklair L. Sociology of the global system. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 1991.
 46. Albrow M., King E. Globalization, knowledge and society. London: Sage; 1990. ISBN 978-0803983236.
 47. Giddens A. The Consequences of modernity. Cambridge: Polity Press; 1990. ISBN 978-0745607931.
 48. Beck U. Was ist Globalisierung? Frankfurt a. M.: Suhrkamp; 1997. ISBN 978-3518458679.
 49. Ritzer G. The globalization of nothing. London: Sage; 2004.
 50. Wallerstein I. Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world system. *International Sociology*. 2000;15(2):249–265. DOI [10.1177/0268580900015002007](https://doi.org/10.1177/0268580900015002007). EDN JMVUJX.
 51. Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55. DOI [10.31857/S013216250009397-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009397-9). EDN KJDUDV.
Ivanov D. V. Augmented modernity: Effects of post-globalization and post-virtualization. *Sociological Studies*. 2020;(5):44–55. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250009397-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009397-9).
 52. Latour B. On Interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity*. 1996;3(4):228–245. DOI [10.1207/s15327884mca0304_2](https://doi.org/10.1207/s15327884mca0304_2).
 53. Latour B. Reassembling the social: an introduction to actor-network theory. Oxford University Press, 2005. ISBN 978-0199256051.
 54. Urry J. Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century. London: Routledge; 2000.
 55. Castells M. The rise of the network society. Oxford, UK: Blackwell; 1996. ISBN 978-1557866172.
 56. Appadurai A. Modernity at large: cultural dimensions of globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1996. ISBN 978-0816627936.
 57. Knorr Cetina K. Sociality with objects: social relations in postsocial knowledge societies. *Theory, Culture & Society*. 1997;14(4):1–30. DOI [10.1177/026327697014004001](https://doi.org/10.1177/026327697014004001). EDN JQDKPB.
 58. Knorr Cetina K. The synthetic situation: Interactionism for a global world. *Symbolic Interaction*. 2009;32(1):61–87. DOI [10.1525/si.2009.32.1.61](https://doi.org/10.1525/si.2009.32.1.61).
 59. Knorr Cetina K., Preda A. The temporalization of financial markets: From network to flow. *Theory, Culture & Society*. 2007;24(7-8):116–138. DOI [10.1177/0263276407084700](https://doi.org/10.1177/0263276407084700). EDN JTTRDR.
 60. Akiworo A. Indigenous sociologies: Extending the scope of the argument. *International Sociology*. 1999;14(2):115–138. DOI [10.1177/0268580999014002001](https://doi.org/10.1177/0268580999014002001). EDN JMVTVB.
 61. Alatas S. Alternative discourses in Asian social science: Responses to eurocentrism. New Delhi: Sage; 2006. ISBN 978-0761934400.
 62. Connell R. Southern theory. The global dynamics of knowledge in social science. Cambridge: Polity; 2007.
 63. McLennan G. Sociology, eurocentrism and postcolonial theory. *European Journal of Social Theory*. 2003;6(1):69–86. DOI [10.1177/1368431003006001561](https://doi.org/10.1177/1368431003006001561). EDN JRJXJX.
 64. Comaroff J., Comaroff J. Theory from the South, or how Euro-America is evolving toward Africa. Boulder: Paradigm Publ.; 2012. DOI [10.4324/9781315631639](https://doi.org/10.4324/9781315631639).

65. Wallerstein I. Eurocentrism and its avatars: the dilemmas of social science. *New Left Review*. 1997;226:93–107.
66. Burawoy M. For public sociology. *American Sociological Review*. 2005;70(1):4–28. DOI [10.1177/000312240507000102](https://doi.org/10.1177/000312240507000102).
67. Go J., Lawson G. *Global historical sociology*. Cambridge University Press; 2017. DOI [10.1017/9781316711248](https://doi.org/10.1017/9781316711248).
68. Patil V. The heterosexual matrix as imperial effect. *Sociological Theory*. 2018;36(1):1–26. DOI [10.1177/0735275118759382](https://doi.org/10.1177/0735275118759382).
69. Eisenstadt S. *Patterns of modernity*. Vol. 1, 2. New York: Basic Books; 1987.
70. Eisenstadt S. Multiple modernities. *Daedalus*. 2000;129(1):1–29.
71. Archer M. *Culture and agency: The place of culture in social theory*. Cambridge University Press; 1988.
72. Иванов Д. В. *Виртуализация общества*. СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. 96 с. ISBN 5-85803-154-4. EDN [RQCRDJ](https://www.edn.ru/RQCRDJ).
Ivanov D. V. *Virtualization of society*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; 2000. ISBN 5-85803-154-4.
73. Appadurai A. Disjuncture and difference in the global cultural economy. In: *Global culture: Nationalism, globalization, and modernity*. London: Sage; 1990. P. 295–310.
74. Waters M. *Globalization*. London: Routledge; 1995. ISBN 9780415105750.

Поступила: 15.07.2024. Принята: 06.08.2024.

Сведения об авторе:

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

dvi1967@gmail.com

Author ID РИНЦ: 74706; ORCID: 0000-0002-7622-4022

Асочаков Юрий Валентинович, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

yasochakov@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 263559

Гулькина Ксения Павловна, магистр (социология), младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

c0067@yandex.ru

D. V. Ivanov¹, Yu. V. Asochakov¹, K. P. Gulkina¹

¹ St Petersburg University. St. Petersburg, Russia

SOCIOLOGY IN THE 21ST CENTURY: BETWEEN FRAGMENTATION AND INTEGRATION

Abstract. The article is analyzing current sociology in the context of fragmentation and integration periods in the discipline history. The first integrative wave in the history of sociology was in the 1920s – 1950s. It appeared in grand theories by P. Sorokin, T. Parsons, the Frankfurt school which united heterogeneous ideas from classics in models of society as system. After the paradigm crisis of the 1960s – 1970s and following spread of postmodernist discourse, the second integrative wave arose in form of theories overcoming gaps between concepts of determinist structures and constructivist agency (J. Habermas, A. Giddens, P. Bourdieu) as well as in form of metatheorizing (G. Ritzer, P. Sztompka, J. Alexander). Today's fragmentation of sociology under conditions of metaparadigm crisis and post-globalization is provoked by the rising postcolonial discourse, by attempts to stigmatize western classics and to create theoretical alternatives to the 'global North' domination in knowledge production as well as by spread of conceptions opposing social reality of networks and flows to classical sociality of structures and agency (M. Castells, B. Latour, J. Urry, K. Knorr Cetina). The

third integrative wave is expected to come in the 2020s displacing tendencies of disintegration, discrimination, growing gaps and rising barriers. Now theories are relevant as they create a coherent configuration of four types of structures: institutions, interactions, networks, and flows. The new subject matter for theorizing is constituted by their interconnections in forms of fields of structurations, scapes of assemblages, communications, platforms, projects, and events. A metaphor of augmented reality is integrating different concepts of social reality and it is overcoming constitutive distinctions in the last century sociology: between system and lifeworld, locality and globality, the private and public, the material and symbolic, the real and virtual, the physical and digital, etc.

Keywords: development of sociology, metaparadigm crisis, integrative wave, augmented modernity, post-globalization, institutions, interactions, networks, flows

For citation: Ivanov D. V., Asochakov Yu. V., Gulkina K. P. Sociology in the 21st century: between fragmentation and integration. *Science. Culture. Society*. 2024;30(3):6–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.1>

Acknowledgements: This work is based on research supported by Russian Science Foundation, grant # 24-18-00261, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00261/>

Received: 15.07.2024. Accepted: 06.08.2024.

Information about the author:

Dmitriy V. Ivanov, Doctor of Sociology, Professor, St Petersburg University.
St. Petersburg, Russia. dvi1967@gmail.com
ORCID: [0000-0002-7622-4022](https://orcid.org/0000-0002-7622-4022)

Yuri V. Asochakov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, St Petersburg University.
St. Petersburg, Russia. yasochakov@yandex.ru

Kseniia P. Gulkina, Master of Arts (Sociology), Junior Researcher, St Petersburg University.
St. Petersburg, Russia. c0067@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.2)
EDN [SCLRPD](https://www.edn.ru/SCLRPD)
УДК 323.2

А. А. Голосеева¹, А. А. Хохлов²

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

² Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия

В ЛАБИРИНТЕ ИДЕЙНЫХ ПОИСКОВ: СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПАМЯТИ О НЕУДОБНОМ ПРОШЛОМ (НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)

Аннотация. Статья посвящена проблеме конструирования коллективной памяти о неудобном прошлом современными элитами России на примере событий революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны. Рассмотрены конфликтные аспекты коммеморации (установка памятников и мемориальных знаков) в процессе конструирования официального исторического нарратива. Прослеживаются изменения в официальном историческом нарративе в отношении трудного прошлого в разные периоды времени.

Сохранение исторической памяти во многом зависит от политических задач актуальной государственной власти, которая не только поддерживает коллективную память с помощью различных коммеморативных практик, но и конструирует современный исторический нарратив. Этот нарратив не предполагает реставрации советской историографии; он совмещает самые разные интерпретации событий революции и Гражданской войны в контексте выстраивания исторического континуитета российской государственности. Поэтому образы некоторых советских деятелей соседствуют с фигурами их противников, формируя у массовой аудитории представления о патриотическом служении государству российскому, невзирая на идеологические и политические взгляды.

Утраченная память не восстанавливается; нынешние поколения россиян не восприняли политический опыт сторонников демократического социализма, которые отвергли большевизм и не поддержали белое движение в Гражданской войне. Отношение к проигравшим в борьбе с большевиками сегодня – негативно, как к слабым и неспособным политикам. Рассматривая историческую память как составную часть коллективной памяти, делается вывод о том, что в структуру коллективного сознания интегрируются только те события прошлого, которые воспринимаются обществом как чрезвычайно полезные для современных поколений. Кроме того, инерция общественного сознания влияет на отбор событийного материала. По этой причине за весь постсоветский период не удалось полностью заместить прежние советские идеологические штампы и клише новым историческим нарративом.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, исторический нарратив, революция 1917 г., Гражданская война, войны памяти, коммеморация, мемориальная политика

Для цитирования: Голосеева А. А., Хохлов А. А. В лабиринте идейных поисков: способы конструирования памяти о неудобном прошлом (на примере событий революции 1917 г. и Гражданской войны) // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 26–41. DOI [10.19181/nko.2024.30.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.2). EDN [SCLRPD](https://www.edn.ru/SCLRPD).

Теоретико-методологические подходы к работе с прошлым. В современном мире активно развивается относительно новая отрасль социо-гуманитарно-

го знания — *memory studies*. В нашей стране данное направление исследований стало формироваться только в 90-е годы, преимущественно в среде историков. Однако сегодня можно с уверенностью констатировать, что изучение памяти требует участия специалистов самых разных отраслей гуманитарных наук, в том числе, социологов и политологов. События прошлого постоянно переосмысливаются новыми поколениями и оказывают влияние на коллективное сознание.

Например, споры и дискуссии о революции, Гражданской войне и Большом терроре ведутся в контексте современных политических реалий. В значительной степени разговоры о прошлом отражают противоречия в российском обществе XXI века в условиях «постправды» и постмодернистской неопределённости.

Социологический взгляд на данный феномен заключается в исследовании современных интерпретаций исторических событий и особенностей их актуализации в общественном сознании. Исследователи разделяют память «индивидуальную» и «коллективную». Индивидуальная память субъективна и не отражает весь масштаб исторического события. В воспоминаниях очевидцев и современников факты не просто искажаются, но и эмоционально окрашиваются. Фактически все события минувших дней препарируются сознанием современного человека и в большей степени содержат его оценки и отношение к актуальным событиям настоящего, но через призму истории. Можно предположить, что аутентичность воспоминаний на уровне индивидов не является безусловным фактором, определяющим выбор той или иной версии события большими группами.

В коллективной памяти сохраняются только те события, которые имеют значение для актуальной общественно-политической повестки. К тому же новые поколения и сами вносят существенные изменения в интерпретацию прошедших исторических событий.

Работа с прошлым является предметом научного интереса многих крупных учёных, причём каждый исследователь, работая в русле собственных теорий, стремился понять механизмы функционирования общественного сознания. Так, М. Хальбвакс задолго до современных учёных интересовался вопросом о природе коллективной памяти Нового времени [1]. Методологические подходы к изучению коллективной памяти разрабатывали социологи Дж. Олик [2; 3], И. Ирвин-Зарецка [4], Я. Ассман [5] и А. Ассман [6; 7; 8]. Среди работ российских исследователей интерес представляют коллективные монографии, посвящённые как исторической политике [9], так и политике памяти [10; 11].

Коллективная память трактуется исследователями по-разному. Джеффри Олик предлагает определять «коллективную память» как синтез «коллективных представлений (публично доступных символов, смыслов, нарративов и ритуалов), социальных рамок... и культурно и социально обусловленных индивидуальных воспоминаний» [3, с. 43]. Присутствует и более широкая интерпретация коллективной памяти как совокупности «общезначимых представлений и оценок об историческом прошлом сообщества и их репрезентаций в различных контекстах, можно рассматривать как объективно необходимый компонент общественных отношений» [12, с. 50].

Одна из признанных экспертов в области *memory studies*, социальный антрополог и социолог Алейда Ассман предложила заменить простую дихотомию индивидуальной и коллективной памяти на «четыре формации, которые различаются по критериям пространственно-временного диапазона, по размеру группы,

а также по её неустойчивости или стабильности: память индивидуума, социальной группы, политического коллектива нации и, наконец, памяти культуры» [6, с. 19]. Соответственно, понятие коллективной памяти включает в себя память «политическую» и «национальную» [6, с. 38] и, по сути, тождественно понятию «историческая память». Тут необходимо подчеркнуть, что в рамках *memory studies* собственно «память» и «история» являются разными концептами, поскольку в каждом историческом отрезке времени могут сосуществовать совершенно разные «памяти», сохраняемые представителями различных сообществ, организаций и социальных групп. Утвердившийся в отечественном общественно-политическом дискурсе термин «историческая память» мы будем использовать как синоним понятия «коллективная память».

К проблеме переработки в коллективной памяти культурной травмы обращались культур-социологи Дж. Александер [13], Р. Айерман [14], Б. Гизен [15] и др. При попытке справиться с особенно травматичными событиями, по мнению А. Ассман, «забвение является конститутивным элементом как индивидуальной, так и коллективной памяти» [6, с. 34], для этого эффективно применяются различные стратегий вытеснения [6, с. 182–190].

Поскольку человек живёт в контексте конкретной эпохи, то его восприятие прошлого обусловлено влиянием культурной среды и коллективных представлений, характерных для данного исторического момента. Следовательно, коллективная память должна коррелировать с историческим сознанием, которое Юрий Левада определил как «всё многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознаёт своё прошлое» [16, с. 191]. Историческое сознание определяется «духом времени», то есть ценностями, идеалами и политическими конструктами актуального настоящего. Безусловно, историческое сознание включает в себя множество воспоминаний и даже мемориальных политик, поскольку проецирует опыт прошлого на сегодняшний день и на день завтрашний, конструируя, тем самым, образ будущего.

Коллективная память не монолитна и не линейна. Примером избирательности коллективной памяти является полярность в оценках трагических страниц русской истории XX века, связанных с ГУЛАГом и массовыми политическими репрессиями. Несмотря на обилие опубликованных в эпоху перестройки и 90-е годы источников и свидетельств преступлений коммунистического режима, общая картина отношения к прошлому в нынешней России мало изменилось; идеологическое «противостояние» обнаруживается разве что в социальных сетях между представителями активных политических сообществ, которые замкнуты в собственных информационных пузырях и не оказывают существенного влияния на общественное мнение. Вероятно, всё, что служит помехой для формирования непротиворечивой картины прошлого, отмечается коллективным сознанием большинства. Устойчивый и позитивный миф о героическом прошлом необходим новым поколениям россиян для укрепления своей социальной и национальной идентичности. Травмирующие воспоминания предков воспринимаются как угроза целостности этой коллективной идентичности. В результате переосмысления прошлого давние конфликты и трагедии отдельных индивидов и целых социальных групп нивелируются под давлением актуальных проблем современного общества. Тогда прошлое и становится ресурсом для конструирования образа будущего, чем занимаются политические элиты.

В данной статье мы не ставим задачу рассмотреть механизмы функционирования коллективной памяти о драматических событиях российской истории.

Нас больше интересуют способы конструирования памяти о неудобном прошлом (на примере событий революции 1917 года и последующей за ней Гражданской войны) современными элитами Российской Федерации. Поэтому концепт «коллективная память» мы используем в Марксовом смысле, как «идеологию», которую конструирует власть, решая актуальные политические задачи. Представляет интерес и проблема выбора элитой политических идей 1917–1945 гг., которые могли бы послужить источником современных интерпретаций исторического пути России. Мы предприняли попытку раскрыть некоторые причины, которые, по нашему мнению, препятствуют реинтеграции в конструируемую сегодня коллективную память небольшевистских и антисоветских концепций образа России. В качестве примеров возможной символической репрезентации прошлого были отобраны идеи и события, связанные с лево-демократическими и право-консервативными альтернативами советскому проекту.

Конфликтное поле исторической памяти и его политические субъекты.

Очевидно, что политические элиты стремятся конструировать историческую память в собственных интересах. Так формируется государственный миф о прошлом народа и страны. Собственно, мифологизация истории является важным элементом политики памяти, осуществляемой с помощью политической пропаганды и культуры: кино, патриотические мероприятия, мемориальные практики. Как известно, в 2009 г. была создана Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Хотя данная комиссия была упразднена в 2012 г., её положения стали руководством к действию государственных органов. Активное вмешательство государства в сферу научных исторических исследований способствует политизации и академического дискурса.

Всё чаще появляются тексты, в которых одни авторы ведут борьбу с негативным и злонамеренным влиянием «коллективного Запада», стремящегося лишить нас исторической памяти [17], другие пытаются представить российскую историческую память исключительно как продукт политических манипуляций со стороны власти [18].

В результате публикации о конфликтном прошлом в Российской Федерации представляют собой сплошную «фронтную зону», где современные политические сообщества воюют между собой за возможность переформатирования исторического дискурса под собственный интерес. Не последнюю роль в конструировании «альтернативной реальности» играют СМИ. В этом же контексте можно рассматривать медийные всплески и угасания сообщений о роли западных союзников в период Второй мировой войны, предложения убрать из школьной программы произведения А. И. Солженицына и т.п. Битва за прошлое не прекращается никогда; она только усиливается по мере ослабления «живой» памяти, в результате ухода поколений очевидцев и участников исторических событий.

Следует отметить тот факт, что в разных странах политические элиты используют примерно одинаковые инструменты для осуществления контроля над коллективной памятью. В Польше и на Украине функционируют Институты национальной памяти. Эти общественные институты переняли опыт чешских политиков, которые ещё в 1991 г. приступили к массовым люстрациям коммунистических функционеров в рамках политики декоммунизации. Чешский Институт национальной памяти проверял биографии соотечественников, занимав-

ших руководящие посты в государственных учреждениях Чехословакии, и выдавал справки о праве этих граждан претендовать на должности начальников в новом административном аппарате и в бизнесе. Польский институт памяти проводит последовательную десоветизацию культурного и общественного пространства страны. Аналогичную позицию занимает руководство украинского Института национальной памяти, отстаивая идею борьбы украинцев против «колониальной политики России» [19]. В целом, мы наблюдаем образец типичной виктимизации национальной идентичности украинцев, поляков и чехов в деятельности подобных общественных мемориально-политических организаций [20]. Подобная виктимизация памяти рассматривается политиками как ресурс национальной консолидации. Образ «жертвы» является эффективным инструментом в руках современных восточноевропейских элит, формирующих актуальный политический нарратив в странах региона. Сторона «обвинения» в свою очередь, защищаясь от нападков и претензий соседей, с энтузиазмом разгоняет ресантимент в российском обществе. В результате такой конъюнктурной политики процесс проработки «трудного прошлого» и залечивание «исторических травм» идёт очень медленно и болезненно.

В Российской Федерации в формировании государственной интерпретации истории страны в XX веке активно участвует Военно-историческое общество (ВОИ), созданное в 2012 г. по распоряжению В. В. Путина и по инициативе бывшего министра культуры В. Р. Мединского. За время своего существования Военно-историческое общество активно участвовало в процессе коммеморации: устанавливало памятники и мемориальные таблички историческим персонажам, включённым в официальные государственные пантеоны героев, проводило научно-практические конференции, организовывало музеи и выставки, посвящённые военно-патриотической тематике, таким образом, актуализируя значимые культурно-исторические символы. Таким образом, ВОИ в тесном контакте с государственными структурами активно работает с историческими символами, встроенными в официальный политический дискурс.

Символы играют значимую роль в формировании национального самосознания, становясь этическими императивами для членов различных социальных групп и сообществ. «Образ того или иного события прежде всего воплощает в себе символ, героизирующий неких персонажей и событие. Символ становится некой схематизированной идеей», констатирует О. Дмитриева [21, с. 133]. Не случайно в нынешних спорах на исторические темы почти всегда речь заходит о символах, которые участники дискуссий стремятся девальвировать или, наоборот, чрезмерно идеализируют.

Коммеморативные практики в борьбе исторических нарративов. Коммеморативные технологии, которые использует государственная власть для мобилизации коллективной памяти о важных в политическом смысле событиях, имеют больше значение. Как пишет А. Ассман, коммеморация — это организованное воспоминание, которое закрепляется в коллективной памяти посредством годовщин. Ритуалы и символы делают воспоминания надёжными [6, с. 252]. Здесь большую роль играют функции партиципации событий истории и пригодность этих событий для усиления политического нарратива власти. При этом, если предпринимаются политические действия, направленные на переработку прошлого, то нет необходимости даже в долговременных институциях. Достаточно простого политического решения.

Тем не менее, практика показывает, что только «надёжные» воспоминания трансформируются в памятные даты, а «ненадёжные» вытесняются из коллективной памяти. Например, взятие Берлина советскими войсками в мае 1945 г. стало всенародным праздником, а День народного единства 4 ноября — нет, несмотря на все усилия власти провести рекоммеморацию переломного момента в прекращении Смуты в Московском царстве в XVII веке. Почему так происходит? Мы полагаем, что функций интерактивности и партиципации недостаточно для встраивания календарного события в общенациональный мифологический нарратив. Об этом пишет и А. Ассман, полагая, что событие должно подпадать под определённые архетипические парадигмы, чтобы стать частью настоящего [6, с. 253].

Ещё один конфликтный аспект коммеморации — установка памятников и мемориальных знаков. Вспомним, что российско-украинский конфликт начинался с разрушения памятников Ленину в украинских городах (так называемый «Ленинопад»), а сейчас мы видим, как уничтожают не только монументы советского периода, но и культурные символы исторического присутствия России на украинской земле. Меняется и современная топонимика. Причём переименованиями населённых пунктов и улиц активно занимаются все стороны военно-политического конфликта.

В последние годы в России отдельные группы энтузиастов и реконструкторов исторических событий неоднократно пытались вернуть в официальный пантеон героев лидеров белого движения. В частности, предпринимались попытки установить мемориальные знаки в память об адмирале Колчаке и полковнике Каппеле, однако они неоднократно демонтировались по требованию активистов КПРФ. В Петербурге несколько раз снимали памятную табличку с именем генерала Карла Маннергейма. Отдельные обращения граждан в профильные учреждения с предложением о реабилитации А. В. Колчака также встречали резкий отпор со стороны прокоммунистических сообществ.

В Ростовской области местный предприниматель и краевед создал музей и поставил на частной территории в станице Еланская памятник атаману Кубанского казачества, генералу Белой армии Петру Краснову. Коммунисты и ряд патриотических общественных организаций региона выразили возмущение реабилитацией «коллаборанта». Факт сотрудничества части белого казачества с Вермахтом во время Второй мировой войны стал поводом для эскалации войны памяти в социальных сетях. Как известно, общество «Мемориал»* было обвинено в реабилитации нацистских преступников и закрыто решением суда. Совсем недавно вспыхнул конфликт вокруг бюста генерала Врангеля на территории Второго Донского Императора Николая II кадетского корпуса в Ростове. Второй Донской кадетский корпус был учреждён в Крыму в 1920 г. по приказу барона П. Н. Врангеля, и в память о том событии Просветительское общество имени Александра III решило поставить памятник. Несмотря на то, что в числе инициаторов увековечения памяти белого генерала Врангеля значится казачья бригада «Дон», участвующая в СВО, активисты КПРФ решили добиваться демонтажа бюста, объявив факт его появления в Ростове идеологической диверсией. В результате протестов памятник убрали с территории кадетского корпуса.

* Общество «Мемориал» внесено Минюстом в список НКО, выполняющих функцию иностранного агента, позднее ликвидировано по решению Верховного суда.

Ещё один характерный пример мнемонических войн — скандалы, связанные с попытками установки памятников «белочехам» — легионерам Чехословацкого корпуса, национального добровольческого соединения в составе Русской армии, сформированного в годы Первой мировой войны. Прежде всего, стоит заметить, что закрепившийся в советские времена термин «белочехи», маркирующий их как представителей белого движения — не верный. Как известно, чешские легионеры поддержали Февральскую революцию, но не большевистский переворот и в 1918 г. присоединились к демократическим антибольшевистским правительствам Поволжья и Сибири (например, воевали в составе Народной армии Комуча под красными знамёнами), однако после захвата власти Колчаком в Омске всякое сотрудничество с ним прекратили и даже сыграли определённую роль в поражении белого движения в Сибири.

В ряде городов России памятники чешским легионерам все же были установлены. Самый первый памятник появился в Бузулуке, затем в Владивостоке, Екатеринбурге, Красноярске, Кутлуке. В 2012 г. памятник появился в Кунгуре, затем в Пензе, Пугачёве, Верхнем Услоне.

В 2015 г. памятник Павшим чехословацким легионерам также установили в Сызрани. Вначале была идея установить его на привокзальной площади, однако некоторые члены ассоциации международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы» выступили категорически против, и, в результате, памятник установили на старом кладбище в районе кирпичного завода.

Попытки установить памятник чешским легионерам в Самаре (столице Комуча) предпринимались с 2008 г., монумент был изготовлен на средства чешского Минобороны. Но когда в конце 2015 г. начались работы по его установке, в городе стали проходить акции протеста. Характерен комментарий С. Дороховой, второго секретаря Самарского горкома КПРФ: «Мы категорически против героизации памяти интервентов. В Самаре и Самарской области места такому памятнику нет. Кроме моральных факторов (белочехи убивали мирных граждан), существует также юридический аспект — у нас нет захоронений чехов. Следовательно, и установка памятников на самарской земле — излишнее действие»¹. Подготовленные для постамента плиты были повреждены неизвестными и установку отложили. Вопрос не решён до сих пор².

Установленный в 2011 г. памятник чехословацким легионерам в Челябинске, который является братской могилой 262 воинов-легионеров, был осквернён, что послужило поводом для протеста посольства Чехии³. Таким образом, мы видим, что актуальное состояние данного конфликта не объясняется исключительно резко обострившимися отношениями между Прагой и Москвой — конфликт начался задолго до нынешнего политического кризиса.

Можно сделать вывод о том, что мемориальная политика, даже если речь идёт лишь о памятниках, остаётся чрезвычайно конфликтной и сложной для достижения общенационального консенсуса в отношении исторических собы-

¹ Федоров М. В Самаре началась установка памятника белочехам // Другой город. 19.09.2017. URL: <https://drugoiгород.ru/beloczehi-pamyatnik-19-09-17> (дата обращения: 25.03.2024).

² Это компетенция мэрии: Кудряшов ответил на вопрос о земле под памятник белочехам // 63RU. Самара онлайн. 13.06.2023. URL: <https://63.ru/text/politics/2023/06/13/72393077/> (дата обращения: 25.03.2024).

³ Чехи возмущены осквернением памятника чехословацким легионерам в России // Репортер. 15.05.2020. URL: <https://topcor.ru/14658-chehi-vozmuscheny-oskverneniem-pamyatnika-chehoslovackim-legioneram-v-rossii.html> (дата обращения: 25.03.2024).

тий. Попытки решить актуальные политические противоречия с помощью сакрализации и десакрализации символов прошлого продолжают, несмотря на заверения политиков о недопустимости войны с памятниками. Подтверждением данного вывода является демонтаж символов советского идеологического наследия в государствах бывшего Варшавского договора и СНГ. Или свежий пример скандала вокруг «исчезновения» на Левашовском кладбище в Петербурге памятника полякам — жертвам политических репрессий⁴.

Этапы конструирования официального исторического нарратива о событиях революции 1917 г. и Гражданской войны. Если анализировать историческую память как структурный элемент государственной исторической политики, то встаёт вопрос о том, почему одни события включаются в государственный ритуал, а другие нет? Дело не только в прагматически обусловленных решениях действующей власти, но и в необходимости превращения конкретного события в устойчивый нарратив, в котором прошлое совмещено с настоящим.

Историческая память репрезентируется в различных формах, но нас интересуют только те, которые позволяют воспроизводить устойчивый национальный миф, в котором многое переосмыслено, какая-то часть событий забыта, а другие факты заново переписаны. Интересно проследить связь между актуальными политическими мифами и политикой формирования исторической памяти на примере отражения в коллективной памяти событий вокруг Октябрьского переворота и Гражданской войны.

Если относительно событий Великой отечественной войны у граждан России обнаруживается определённое согласие, то проблематика Гражданской войны 1918–21 гг. и отношение к политическим силам того времени, представлявшим антибольшевистскую позицию, вызывает противоречивые реакции в различных социальных группах современной России. По мнению политологов, «Для постсоциалистического российского общества характерна противоречивая, рассогласованная память о Гражданской войне» [22, с. 111]. Ослабление «живой» памяти о революции и последовавшей за ней Гражданской войне и целенаправленная политика советской власти по реинтерпретации истории в интересах КПСС, не полностью вытеснили из общественного дискурса тему идейной альтернативы советскому историческому мейнстриму.

Как известно, в СССР идеологическая политика подчинила своим стратегическим интересам историческую науку и была сосредоточена на героизации большевиков и демонизации их политических противников. Уже в 20-е годы, созданная новой властью Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (Истпарт) с филиалами по всей стране начала активную работу по сбору документов по истории революционного движения и увековечиванию памяти героев революции [23]. Создавались музеи, огромными тиражами выпускались пропагандистские материалы, в школах детей воспитывали как борцов за дело коммунизма. Новые поколения профессиональных историков-марксистов — И. И. Минц, М. В. Нечкина, Э. Б. Генкина, Н. Л. Рубинштейн и др. — формировали государственный нарратив Советской власти, в котором война с врагами большевиков была одной из главных тем. Выдающиеся кинематографисты — Дзига Вертов, Михаил Ромм, Сергей Эй-

⁴ Памятник полякам на Левашовском кладбище в Петербурге отправили на реставрацию // ТАСС. 23.07.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18342959> (дата обращения: 25.03.2024).

женштейн конструировали альтернативную реальность [24], предвосхитив появление жанра мокьюментари и политики переписывания истории. В кинематографе, помимо «демонизации», была создана ещё одна модель интерпретации новейшей истории, где враги революции представляли в крайне карикатурном виде.

Помимо усилий Советской власти окарикатурить образы политических соперников, создавался особый, упрощённый исторический дискурс, в котором не было места для тонких идеологических дискуссий и использовались чёткие оппозиции: «пролетариат — буржуи», «белые — красные». Как справедливо отмечал А. В. Баранов, «историческая политика всегда пропитана идеологией, она политизирует историю и оценивает её в системе дуальных оппозиций: «добро — зло», «наши — враги», «победа — поражение» [22, с. 110].

Что же касается политических сил, идейно близких большевикам, но представлявших демократическую альтернативу — меньшевики, эсеры и т.п., то они плохо вписывались в стройную и просто объяснимую картину торжества коммунистической идеи, как и концепты «демократического социализма», «многопартийности», «свободных выборов», «всенародно избранного Учредительного собрания» и т.д. Представители вышеупомянутых политических сил в советской массовой культуре обходились стороной или вообще замалчивались. Как пишет историк А. Ю. Сулов: «Важным фактором фиксации в общественном сознании образов социалистов можно считать фильм «Ленин в 1918 году» (1939 г., режиссёр М. Ромм; Сталинская премия 1941 г.), где Фанни Каплан в исполнении актрисы Н. Г. Ефрон запечатлелась в сознании миллионов советских граждан как эсерка, стрелявшая в вождя» [23, с. 16]. Другие образы эсеров найти довольно сложно, если они и есть, то крайне схематичны и в рамках той же схемы: жалкие, но опасные враги. Так, забавно размахивая руками, удаляется с трибуны Учредительного собрания посрамлённый В. Чернов после знаменитых слов матроса Железняка «Караул устал» (фильм «Выборгская сторона», 1938 г.). Ещё один редкий пример — эсер, появляющийся в третьей серии фильма «Рождённая революцией» (1974–75 гг.), способствовавший побегу из тюрьмы убийцы-уголовника, на основании того, что большевики «допустили НЭП» и «предали революцию», а уголовник «борется против вас [большеви-ков] по-своему».

Таким образом, через образы массовой культуры советская власть сформировала в общественном сознании устойчивые стереотипы и мифологемы о драматических событиях российской истории первой половины XX века.

Нынешний государственно-исторический нарратив формировался в течение нескольких десятилетий после распада СССР. На первых этапах формирования этого нарратива был сделан акцент на реинтеграцию в коллективную память «забытых» советской исторической наукой имён, так как перед новыми политическими элитами встала задача не допустить реванша старой советской номенклатуры. Поэтому много внимания в политике памяти уделялось несоветским периодам истории России.

После 1991 года в информационном поле появились и герои белого движения, анархисты, социалисты-революционеры и прочие представители альтернативных коммунистам политических партий и объединений. В немалой степени усложнению исторической памяти способствовали публикация архивных материалов и романтизация образа царской семьи в отечественном кино и массовой литературе.

Наряду с советской традицией героизации большевиков появилась альтернативная тенденция идеализации белого движения и сакрализации царской семьи. В обществе стало формироваться представление о Гражданской войне как о национальной трагедии, которая никогда не должна повториться.

Несмотря на то, что в период перестройки и после широкая аудитория получила доступ к мемуарной литературе и к исследованиям, в которых был представлен более объективный взгляд на нашу историю XX века, переломить устойчивые в общественном сознании шаблоны и клише прошлых лет оказалось невозможно.

Новая демократическая власть в России заняла нейтральную позицию, стараясь не вмешиваться в академические дискуссии и общественные споры. Но уже в «нулевые» годы власть всё более склонялась к советской историографической традиции. Антисоветская интерпретация исторической памяти стала подвергаться сознательной деформации современной политической элитой, которая видит в противниках большевизма слабых политиков, не удержавших страну от развала. В общественное сознание внедряется образ политических неудачников, на который накладывается интерпретированный в негативном ключе имидж президента СССР Михаила Горбачёва.

В десятые годы XXI века мы продолжаем наблюдать, как власти комплектуют текущую политическую повестку символами и образами советской эпохи. Следует подчеркнуть, что постсоветские элиты не демонстрируют намерения реставрировать советское наследие. Речь о создании абсолютно нового, гибридного нарратива, отвечающего задачам нынешней власти.

Современный официальный политический нарратив совмещает совершенно противоположные исторические концепты. В нём органично сосуществуют такие исторические фигуры, как Александр III, Серафим Саровский и Иосиф Сталин. Наши современники не видят противоречия в соседстве портретов православного императора Николая II и диктатора атеиста Сталина. Это подтверждают и опросы общественного мнения, по результатам которых количество респондентов, положительно оценивших последнего российского императора и его «убийцу» В. И. Ленина, оказалось практически одинаковым: Николай II — 53%, Ленин — 52%⁵. Эта постмодернистская логика при внимательном изучении обнаруживает вполне рациональные основания.

Довольно рыхлое в социально-политическом отношении пространство Российской Федерации власти хотят скрепить концептами единой и непрерывной истории государства, державности и цивилизационной самобытности России. Иными словами, историческая память остаётся инструментом в борьбе за утверждение в коллективном сознании важных для правящих элит интерпретаций событий прошлого. В этом идеологическом концепте советский период является лишь одной из форм политического развития государства, а не разрывом с исторической Россией. На укрепление в общественном сознании такого образа новейшей истории страны направлены и усилия политики памяти.

Символическая политика в России сегодня почти не включает в себя мобилизацию памяти о революции и Гражданской войне, поскольку актуальный политический нарратив нацелен на формирование в массовых аудиториях представления о великой истории государства, которое всегда побеждало врагов,

⁵ 1917–2017. Память о революции : Инфографика // ФОМ. 07.11.3017. URL: <https://fom.ru/Proshloe/13839> (дата обращения: 25.03.2024).

благодаря сильной централизованной власти, опирающейся на единство всего народа. Соответственно, идейное наследие «проигравших» в той войне меньшевистских сил, как право-консервативных «белых», так и лево-демократических (меньшевиков, эсеров, народных социалистов и т.д.) — репрезентируется в официальном историческом и политическом дискурсах крайне слабо.

Как мы уже говорили, история русских социалистов, оппонентов большевиков, детально изученная и описанная профессиональными историками, в коллективной памяти закрепились лишь в виде деформированных фрагментов. Для поколения XXI века трагедия гибели Российской Империи и появления на карте мира «новой исторической общности» — советского народа исчерпывается политическим противостоянием «белых» и «красных», несмотря на то, что реальная политическая картина того времени была гораздо сложнее и красочней.

Примечательно, что влияние стереотипов советского подхода к истории антибольшевистского сопротивления можно обнаружить и в независимых российских медиа. Например, YouTube-канал «Редакция» не так давно выпустил документальный фильм о русской эмиграции первой волны под названием «Белоэмигранты», хотя лишь малую часть сюжетов и героев фильма можно отнести непосредственно к белой эмиграции.

Таким образом, мы видим, что единожды уничтоженная память сообществ о прошлом не восстанавливается по желанию потомков и политических реконструкторов. А огромное политическое и историческое наследие противников большевизма привлекает внимание в основном специалистов и энтузиастов — любителей истории, но не широкую публику.

Кстати, если сравнить ответы респондентов на вопрос о том, какую сторону они бы поддержали в революционных событиях, то в опросе 2012 г. ответы распределились так: за красных — 26%; за белых — 5%. В опросе 2017 г.: за красных — 32%, за белых — 7%. За 5 лет прирост симпатизантов белых составил всего 2%, а красных — 6%. Процент не пожелавших поддержать ни одну из сторон за тот же период практически не изменился: 2012 — 20%; 2017 — 21%.

О причинах победы большевиков и утверждения в обществе их идеологических представлений мнения респондентов не показывают какого-то многообразия оценок. В основном, идёт трансляция типичных шаблонов, взятых из советской историографии: Ленин победил, опираясь на массовую поддержку рабочих и крестьян (53% опрошенных); большевистский террор стал причиной победы «на штыках и крови» (16% респондентов)⁶.

Одновременно в коллективных представлениях о роли России в мировой политике отчётливо прослеживается идеологический постулат об «особом пути» русской цивилизации, о великом призвании россиян спасти «братские народы» от гибели и духовного разложения, о стремлении западных элит нанести ущерб нашему политическому суверенитету. Подобные утверждения звучат в публичных выступлениях высокопоставленных государственных деятелей.

Заключение. Стремление сгладить острые и травматичные вопросы новейшей истории стимулировало желание элиты «подправить» неприятные события прошлого. Совмещение советской историографии с имперским культур-

⁶ 1917–2017. Память о революции : Инфографика // ФОМ. 07.11.3017. URL: <https://fom.ru/Proshloe/13839> (дата обращения: 25.03.2024).

но-историческим дискурсом породило ещё одно противоречие. Несмотря на то, что вписать в исторический континуитет большевиков-разрушителей империи и их идейных противников крайне сложно, именно это мы и видим сегодня. В интерпретации событий до Октябрьского переворота, большевики, как и все представители революционного движения, — террористы, государственные преступники, продавшиеся немцам; после Октябрьского переворота большевики — строители великой новой страны СССР, защитники целостности государства, порядка и стабильности, борцы за социальную справедливость во всем мире.

Такая работа с исторической памятью способствует укреплению советского нарратива в коллективном сознании современных россиян. Не последнюю роль в процессе «отбора» исторических сюжетов для современного государственного нарратива играет фактор ретравматизации общественного сознания. Непредвзятый взгляд на русскую историю XX века чреват острыми травматическими переживаниями: Гражданская война, революция, периоды массового голода (1921–22; 1930-е; 1946), две мировые войны, политические репрессии, затронувшие целые классы и социальные группы. Коллективное сознание стремится вытеснить травмирующие события, чтобы сформировать позитивную национальную идентичность. В такой ситуации психологически комфортней принять версию истории победителей.

В заключение следует отметить, что «трудная история» России XX века остаётся яблоком раздора между политическими группами и сообществами. Пока рано говорить об общем историческом нарративе, признанном всеми субъектами российского общества. Осколки памяти превращаются в политическое оружие, которое используют стороны в своих «войнах памяти». Кроме того, дефицит целостной коллективной памяти о революции и последующей эпохе способствует упрощению современных исторических интерпретаций.

Гибридный и выборочный характер современного государственно-исторического нарратива, из которого «выпали» большие части нашей истории может стать фактором дальнейшей фрагментации общественных представлений о революции 1917 г. и политических перспективах в ходе Гражданской войны.

Разрывы в ткани российской исторической памяти сшиваются с помощью вычленения из закрепившихся пластов коллективной памяти тех элементов, которые объединяют нацию. Для этого нет необходимости избегать острых и конфликтных тем в отечественной истории революции и Гражданской войны. Напротив, имеет смысл выстраивать новое восприятие трагических событий прошлого с позиции непрерывного общественного развития, в процессе которого происходит переосмысление прошлого в контексте актуального времени.

Самые болезненные и конфликтные темы становятся источником самообновления общества и основой для реальной гражданской консолидации, если они проговорены и заново осмыслены различными социальными группами. В конфликтах памяти проявляются страхи, фобии и стереотипы, характерные для современного российского общества.

Тем не менее, российское общество, как живой и функционирующий социальный организм «закживляет» исторические раны забвением отдельных событий, или переосмыслением их. А современные российские элиты конструируют новый исторический нарратив, довольно эклектичный и противоречивый. Однако в этом нарративе не оказалось места для той части идейного наследия, которое представляет демократическую альтернативу советскому политическому проекту.

Библиографический список

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 346 с. ISBN 978-5-98379-088-9. EDN [QXSOXF](#).
2. Олик Д. Фигурация памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74. EDN [OZNZWZ](#).
3. Olick J. K. The sins of the fathers: Germany, memory, method. Chicago : University of Chicago Press, 2016. 496 p. ISBN: 9780226386492.
4. Irwin-Zarecka I. Frames of remembrance: the dynamics of collective memory. New York : Routledge, 2017. 214 p. DOI [10.4324/9780203791592](#).
5. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с. ISBN 5-94457-176-4.
6. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с. ISBN 978-5-4448-0146-8.
7. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 552 с. ISBN 978-5-4448-1151-1.
8. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 232 с. ISBN 978-5-4448-1959-3.
9. Историческая политика в XXI веке : сб. ст. / Под ред. А. Миллера и М. Липман. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 648 с. ISBN 978-5-86793-968-7. EDN [PWAQOH](#).
10. Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. ст. / Под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. М. : Нестор-История, 2018. 224 с. ISBN 978-5-4469-1459-3. EDN [YMWXMT](#).
11. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / Д. А. Аникин, Е. А. Бабкина, С. И. Белов [и др.]. СПб : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с. ISBN 978-5-94380-289-8. EDN [PRNXGI](#).
12. Наумов Д. И. Социальная память в контексте процессов реляционной методологии исследования // Теология. Философия. Право. 2018. № 2(6). С. 49–59. EDN [XVZKYX](#).
13. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М. : Праксис, 2013. 640 с. ISBN 978-5-901574-96-6.
14. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5(141). С. 40–67. EDN [ZCJHSD](#).
15. Giesen B. Triumph and trauma. New York : Routledge, 2004. 206 p. DOI [10.4324/9781315631455](#).
16. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М. : Наука, 1969. С. 186–224.
17. Васильев А. А., Соловьев В. Ю. О некоторых моментах современного исторического воспитания и формирования русской самоидентичности // Власть. 2011. № 1. С. 85–88. EDN [NCNAUL](#).
18. Растиmeshina Т. В. Культурное наследие церкви в презентации великодержавной модели истории и образа «народной монархии» в современной России // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2012. № 5(17). С. 76–84. EDN [PMBKID](#).
19. Ахременко Д. А. Украинский институт национальной памяти: против национальной памяти? // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2015. № 1(1). С. 3–9. EDN [ZRMYWJ](#).
20. Кирчанов М. В. «Институты памяти» Чехии и Словакии и формирование образов Второй мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 17–26. DOI [10.18287/2542-0445-2022-28-2-17-26](#). EDN [RWMEKD](#).
21. Дмитриева О. О. Историческая память и механизмы её формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6(361). С. 132–137. EDN [UGVVVE](#).
22. Баранов А. В. Память о Гражданской войне в коллективных представлениях российского общества // Перспективы. 2022. № 2(29). С. 109–115. DOI [10.32726/2411-3417-2022-2-109-115](#). EDN [WQHHVO](#).

23. *Суслов А. Ю.* Эсеры и меньшевики в историческом сознании российского общества: эволюция образа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 3. С. 15–19. EDN [NBGIFL](#).
24. *Туманов А. И.* Отечественный кинематограф и его значение в формировании национальной идентичности // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 3. С. 35–49. DOI [10.19181/nko.2021.27.3.4](#). EDN [AKUOVR](#).
- Поступила: 25.03.2024. Доработана: 20.05.2024. Принята: 27.05.2024.

Сведения об авторах:

Голосеева Анна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

goloseyeva@gmail.com

Author ID РИНЦ: [299605](#)

Хохлов Андрей Анатольевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры политической социологии и социальных технологий социологического факультета

РГГУ. Москва, Россия. i@akoklov.ru

Author ID РИНЦ: [201741](#)

A. A. Goloseyeva¹, A. A. Khokhlov²

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

²Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

IN THE LABYRINTH OF IDEOLOGICAL SEARCH: WAYS TO CONSTRUCT A MEMORY OF AN UNCOMFORTABLE PAST (ON EXAMPLE OF EVENTS OF THE 1917 REVOLUTION AND THE CIVIL WAR)

Abstract. This article is devoted to the problem of constructing a collective memory of the “inconvenient past” by modern elites of Russia on the example of the events of the 1917 revolution and the subsequent civil war. The conflict aspects of commemoration (installation of monuments and memorial signs) in the process of constructing an official historical narrative are considered. Considered changes in the official historical narrative regarding the “difficult past” in different periods of time.

The preservation of historical memory largely depends on the political objectives of the current government, which not only supports collective memory through various commemorative practices, but also constructs a modern historical narrative. This narrative does not imply the restoration of Soviet historiography; it combines a variety of interpretations of the events of the Revolution and the Civil War in the context of building the historical continuity of Russian statehood. Therefore, the images of some Soviet figures coexist with the figures of their opponents, forming ideas among the mass audience about patriotic service to the Russian state, regardless of ideological and political views.

The “lost memory” is not being restored; current generations of Russians have not accepted the political experience of supporters of democratic socialism, who rejected Bolshevism and did not support the “white movement” in the civil war. The attitude towards the losers in the fight against the Bolsheviks today is negative, as towards weak and incapable politicians. Considering historical memory as an integral part of collective memory, it is concluded that only those events of the past that are perceived by society as extremely useful for modern generations are integrated into the structure of collective consciousness. In addition, the inertia of public consciousness affects the “selection of event material”. For this reason, during the entire post-Soviet period, it was not possible to completely replace the former Soviet ideological clichés with a new historical narrative.

Keywords: historical memory, collective memory, historical narrative, revolution of 1917, civil war, wars of memory, commemoration, memorial policy

For citation: Goloseyeva A. A., Khokhlov A. A. In the labyrinth of ideological search: ways to construct a memory of an uncomfortable past (on example of events of the 1917 Revolution and the Civil War). *Science. Culture. Society*. 2024;30(3):26–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.2>

References

1. Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire. Moscow: Novoye izdatelstvo; 2007. (In Russ.) ISBN 978-5-98379-088-9.
2. Olik J. Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. *Russian Sociological Review*. 2012;11(1):40–74. (In Russ.).
3. Olick J. K. The sins of the fathers: Germany, memory, method. Chicago: University of Chicago Press; 2016. ISBN 9780226386492.
4. Irwin-Zarecka I. Frames of remembrance: the dynamics of collective memory. New York: Routledge; 2017. DOI [10.4324/9780203791592](https://doi.org/10.4324/9780203791592).
5. Assman J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 2004. (In Russ.). ISBN 5-94457-176-4.
6. Assman A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-0146-8.
7. Assman A. Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-1151-1.
8. Assman A. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2023. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-1959-3.
9. Miller A., Lipman M. (eds). Historical politics in the 21st century. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2012. (In Russ.). ISBN 978-5-86793-968-7.
10. Miller A. I., Efremenko D. V. (eds). Methodological issues of studying memory policy. Moscow: Nestor-Istoriya; 2018. (In Russ.). ISBN 978-5-4469-1459-3.
11. Anikin D. A., Babkina E. A., Belov S. I. [et al.]. The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe. St. Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge; 2020. (In Russ.). ISBN 978-5-94380-289-8.
12. Naumov D. I. Social memory in the context of a process-relational methodology of research. *Theology, Philosophy, Law*. 2018;(2):49–58. (In Russ.).
13. Alexander J. The Meanings of social life: A cultural sociology. Moscow: Praxis; 2013. (In Russ.). ISBN 978-5-901574-96-6.
14. Eyerman R. Cultural trauma and collective memory. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2016;(6):5–47. (In Russ.).
15. Giesen B. Triumph and trauma. New York: Routledge; 2004. DOI [10.4324/9781315631455](https://doi.org/10.4324/9781315631455).
16. Levada Yu. A. Historical consciousness and scientific method. In: Philosophical problems of historical science. Moscow: Nauka; 1969. P. 186–224. (In Russ.).
17. Vasilyev A. A., Solovyev V. Yu. On some aspects of modern historical education and the formation of Russian self-identity. *Vlast'*. 2011;(1):85–88. (In Russ.).
18. Rastimeshina T. V. The cultural heritage of the Church in the presentation of the Great-power model of history and the image of the “people’s monarchy” in modern Russia. *Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi akademii delovogo administrirovaniya. Seriya: Filosofskie, sotsial'nye i estestvennye nauki*. 2012;(5):76–84. (In Russ.).
19. Ahremenko D. A. Ukrainian Institute of National Memory: against national memory? *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana*. 2015;(1):3–8. (In Russ.).
20. Kirchanov M. V. «Institutions of memory» in the Czech Republic and Slovakia and the formation of the Second World War images. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2022;28(2):17–26. (In Russ.). DOI [10.18287/2542-0445-2022-28-2-17-26](https://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-17-26).
21. Dmitrieva O. O. Historical memory and mechanisms of its formation: analysis of historiographical concepts in domestic science. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015;(6):132–137. (In Russ.).
22. Baranov A. V. The Russian civil war in the collective memory of Russian society. *Perspectives*. 2022;(2):109–115. (In Russ.). DOI [10.32726/2411-3417-2022-2-109-115](https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-2-109-115).

23. Suslov A. J. Social revolutionaries and mensheviks in the history consciousness of the Russian society: evolution of the image. *Historical and Social-Educational Idea*. 2010;(3):15–19. (In Russ.).
24. Tumanov A. I. Role of national cinema in the formation of national identity. *Science. Culture. Society*. 2021;27(3):35–49. DOI [10.19181/nko.2021.27.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.3.4).

Received: 25.03.2024. Corrected: 20.05.2024. Accepted: 27.05.2024.

Information about the authors:

Anna A. Goloseyeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Political Science, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. goloseyeva@gmail.com

Andrey A. Khokhlov, Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Sociology and Social Technologies, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia. i@akoklov.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.3.3](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.3)
EDN [TUKCXU](https://edn.ru/TUKCXU)
УДК 316.752+179.6

М. А. Подлесная¹, О. К. Шевченко²

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

² Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. Симферополь, Россия

ФАКТОР ФРОНТИРНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ГЕРОЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается понятие героя применительно к концепту фронта, который авторы статьи понимают как «контактное поле», рубеж, скорее соединяющее, а не разделяющее пространственно-временное поле сопряжения двух и более реальностей. Особое внимание уделяется разработке фронта как точки сборки и личности героя и новой социальной нормальности. Обозначается необходимость проведения сравнительного анализа уже имеющихся в социологии понятий субъект, актор, герой. Предпринимается попытка развести эти понятия, даются основные признаки героя как тотального субъекта, указывается важность различия героя повседневного и «фронтирного». Обосновывается влияние фронта как фактора в формировании образа героя на материалах эмпирического исследования, проведённого авторами статьи в восьми федеральных округах РФ в 2023 году (n=1350). Для этого анализируются данные по ряду открытых и полужакрытых вопросов в зависимости от места проживания респондентов, то есть территориального фактора. Авторы статьи приходят к выводам, что протяжённость России и различие её регионов, фронтирность некоторых из них дают соответствующие специфику и запрос на героя. Респонденты тех субъектов РФ, которые выступают в настоящее время сами как фронт, гораздо чётче артикулируют своё представление о герое и героизме. Хрестоматийным же остаётся для россиян прежде всего военный герой. Значительная часть самостоятельно названных героев — это выдающиеся личности прежде всего советской эпохи, в основном, военачальники, политические деятели, дети-герои ВОВ. Работники повседневного служения и труда — врачи, медработники, волонтеры, спасатели, учителя, учёные и т.д., что было характерно для советской эпохи, в настоящее время в качестве героев самостоятельно респондентами не выделяются. Что приводит к выводу, что актор советского модерна, который соотносился с героизмом и был тесно связан с понятием героя (в частности, труда), сегодня в сознании россиян не актуализирован. Подобные трансформации связываются авторами с влиянием фактора ситуации, а так же со сменой соответствующих социальных онтологем.

Ключевые слова: фронт, социальная пограничность, герой, героизм, субъект, субъектность, диалектика общего и персонального, нормативность

Для цитирования: Подлесная М. А., Шевченко О. К. Фактор фронтирности в формировании образа героя в российском обществе // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 42–60. DOI [10.19181/nko.2024.30.3.3](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.3). EDN [TUKCXU](https://edn.ru/TUKCXU).

© Подлесная М. А., Шевченко О. К., 2024

Фронтир меняет всё: методы, привычный образ жизни, социальные отношения, гендерные стереотипы и т.д.

С. Н. Якушенко, In Frontier We Trust¹

Введение. Фронтир как лексема, авторский концепт, научное понятие с претензией на статус философской категории имеет длительную историю и до сих пор не в полной мере «прописался» в современной отечественной социальной философии, социальной онтологии и теоретической социологии. Начав путь как аутентичная, сугубо регионально-американская авторская лексема [1], она быстро пошла в народ и в разнообразные уже научные школы и авторские концепции [2; 3; 4; 5]. В США даже создана особая научная дисциплина: *borderstudies* (пограничьеведение) [6, с. 13]. Однако в общемировом научном сообществе «фронтирный дискурс ни в теории фронта, ни в дискурсологии не был предметом описания» [7, с. 469]. Перед отечественными исследователями стоит сложная задача: на базе импортированного термина из области американской мифологии, имперского мышления и протестантского взгляда на человечество провести «операционализацию понятия фронтир в статус категории социально-философского анализа» [8, с. 27]. Это открывает известную свободу интерпретаций и подходов в понимании фронта или, если угодно, пограничности как фактора формирования того или иного социологического феномена.

В рамках социально-философских штудий мы можем определить любопытный парадокс. Так, одним из фундаментальных философских принципов является тезис, что всё связано со всем. А раз так, то о какой граничности может идти речь? Фронтир, как и его близкие эквиваленты-лексемы в русском языке, — граница, рубеж, — предполагает именно отличие, противопоставление, онтологическую блоковость, соприкасаемую, но не взаимосуществующую органическую цельность. Но фронтир, как и граница, — реальность, от которой невозможно отказаться, как и от фундаментального гносеологического тезиса, изложенного выше. Из этой ситуации можно выйти, используя термины «контактное поле», «порубежное состояние», которое в меткой аналогии отечественного философа выступает «сварным швом бытия». Таковой шов является частью целого, но при этом сшивает без передаточных цепочек некогда различные куски в единую конструкцию-систему [9, с. 28]. Автор убедительно доказывает, что порубежность — это естественное состояние человека на всём протяжении его существования как обособившегося вида живой природы. Уже сам феномен культуры есть состояние пограничности с природой и собственно человеческой биологией, социумом. Это напряжение требует особого напряжения культурного, сиречь фронтирного человека. Рискнём пойти дальше и выдвинуть постулат, что только в состоянии напряжения контактного поля, выступая неким граничаром², человекоподобное существо может стать человеком и совершенствовать свою человечность на протяжении всей своей смертной жизни. Тут следует учесть фактор строгой пространственности понятия «фронтир» и простран-

¹ Якушенко С. Н. In Frontier We Trust // Журнал фронтирных исследований. 2019. № 3(15). С. 12–59. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10018>.

² Перевод на белорусский язык русской лексемы «пограничник». В данном случае стилистически более корректен в силу интуитивного понимания состояния человека на границе двух реальностей, но без милитаристского или политического контекста как стража границ государства.

ственно-временное единство русского понятия «рубеж», включающего как пространственные, так и временные коннотаты [9, с. 32].

Заметим при этом, что в западноевропейских исследованиях фронта пространства одушевлено, жизненно, а сам фронт — ментальная категория. Наиболее полно это было выражено уже Люсьеном Февром, который, исследуя границу, отмечает, что последнюю стоит понимать не в привычном для нас значении, а как то, что «дышит» и содержит в себе самой уже какое-то пространство [10]. По этой причине и изучение границы предполагает не изучение её так таковой, а всего того, что находится за ней, мы бы добавили также, — на её стыке, шве. Помимо Л. Февра, действующего отчасти всё же в тёрнеровской парадигме фронта, стоит упомянуть и о ментальных границах, выражающихся в категориях «свой»/«чужой» [11], свидетельствующих прежде всего о дуальном восприятии мира. И хотя подобные картины мира подверглись серьёзной критике, тем не менее, это не мешает современным политтехнологам их использовать в современных гибридных войнах как основной инструмент разделения мира и создания конфликтных зон. В этом смысле западноевропейское прочтение фронта — прежде всего о разделении и конфликте, о мифотворчестве, позволяющем прорываться вглубь.

В связи с малой проработанностью русского термина и иными целями конкретной статьи мы будем понятия «граница», «фронт», «порубежье», «рубеж» использовать как синонимы, означающие пространственно-временное поле сопряжения (соединения) двух и более реальностей.

Теоретико-методологические основания. Применительно к теме статьи мы должны абстрагироваться от героя как такового с его региональными особенностями, определённой родовой научной теорией (ницшеанского, карлейльского или плутарховского типов). Для начала обозначим героя как субъекта, находящегося в особом социальном поле — порубежье. В этом случае сразу же возникает вопрос о фронтальном состоянии субъекта как норме или парадоксальности бытия субъекта как такового. Для теоретической социологии это важная проблема, она дискуссионная и не имеет на данный момент конечного решения. Социология ставит проблему ребром: либо субъектность субъекта внефронтальна, не доводит к пограничным состояниям и не знает проблемы предела, контура своего бытия, либо она есть нормальное состояние любого активного индивида, в том числе и тотального субъекта — героя. В первом случае рассматривать особенности героя, когда субъект по определению внефронтален, — бессмыслица. А во втором случае ощущение грани и желание её раздвинуть, преступить, балансировать есть естественная среда социального бытия субъекта. Полнота выражения его субъектности приводит к невозможности выявления особенностей героического.

На помощь в этой логической ловушке приходит идея о подвижности границы и подвижности (текучности, временности) субъектности субъекта как онтологическом основании героя (иначе какой же он герой, если не обладает абсолютной субъектностью?).

Фронт — это динамичное пространство, создающееся субъектом и только им. При этом очевидно, что ни объект, ни субъект друг без друга существовать не могут, иначе мы гносеологически не могли бы выделить их как носителей субъектности и объектности. Эти элементарные логические действия выступают непоколебимым базисом классической социальной философии [12]. Однако элементарное не означает истинное или даже эффективное. Хотя бы потому,

что, скажем, в диалектической логике фронтальное состояние субъекта рассматривается как важный этап либо его превращения в объект, либо как формирование из него нового качества субъектности — архи-субъекта. Об этом сказано уже у Г. Гегеля во фронтальном столкновении Раба и Господина [13, с. 172–175]. Причём, несмотря на известный психологизм, самосознание как точка сборки архи-субъектности, фронтальность определяется именно социальным столкновением Раба и Господина. Об этом свидетельствуют такие принципиальные формулы Гегеля из вышеуказанного отрывка, как: «власть над бытием», «соотношение с вещью», «потребление вещи», «не для-себя-бытие» и т.д. Это позволяет найти возможность увязать «логическое» с «социальным» в одну когнитивную систему постижения фронтального состояния субъектности субъекта.

Но перед нами встает очередная трудность теоретического характера, связанная с подвижностью фронта, создаваемого субъектом (героем) и подвижностью самого статуса субъекта, могущего в любой момент потерять самого себя и превратиться в объект. Если мы признаём общество системой, то должны заявить о её центре, или если мы признаём его организмом, то должны заявить о том, без чего организм не сможет существовать. Но тогда это либо носитель (социальный субъект, актер, человек и т.п.), либо связь (между носителями, объединениями носителей, сверхобъединениями, маргинальными совокупностями и т.п.). Вместе с тем с неизбежностью выступает проблема границы системы и её статуса для субъекта: насколько субъектен субъект, находящийся в центре, по сравнению с тем, кто упирается или поглощается пограничной зоной, и в какой мере и степени порубежность состояния субъекта-героя в центре отличается от порубежности субъекта-героя на периферии. Или языком чистой социальной логики: есть ли качественная разница порубежной субъектности социального субъекта центра от порубежной субъектности социального субъекта периферии, где центр и периферия — это не географические, а хронотопные (пространственно-временные) неизбежные понятия, структурирующие социальную систему, социальный организм, социальные сети и т.п.? На этот вопрос у нас нет ответа, и мы его считаем одним из слепых пятен науки, которые ещё только предстоит разрешить.

Мы можем лишь свидетельствовать, что герой как по определению активный субъект (субъектный субъект, тотальный субъект) должен теоретически выступать в качестве выходящего за пределы нормы актором. Причём не просто за пределы нормы какой-либо социальной картины, а именно той картины, которая соответствует тому или иному этапу трансформации социального времени и пространства. То есть быть укоренённым, естественным обитателем фронта, будь то в психологическом или сугубо социологическом смысле. Вполне возможно, речь даже стоит вести о том, что социальный субъектный субъект и есть фронт и там, где он появляется, создаётся порубежное поле контактов вне зависимости от географии. Так Москва эпохи раннего Петра была социально-культурным фронтом Запада и Европы, но Пётр I (и его единомышленники) передвинули фронт на берега Балтийского моря, не просто переносили столицу, а осуществляя фронтальные акты как субъектные субъекты. В этом смысле таким же фронтом был, например, Воронеж — родина русского военного флота, или Ялта в короткие дни февраля 1945 года, когда в Ливадийском дворце формировался новый Мировой Порядок. Постмодернистский вариант с отсутствием центра (принцип ризомы) мы не рассматриваем. Ибо в этом случае получается, что перед нами совсем не система, а вполне «обычный» хаос, где проблема фронта опять-таки совершенно не актуальна. Причём хаос воз-

можно увидеть только выделив в нём определённую хронотопную локальность (определённый топос, наблюдаемый на определённой последовательности временного отрезка). То есть для наблюдателя хаос будет либо без статичных субъектов, инициирующих хаос (чистые процедуры трансформаций), либо, если есть источник хаоса, то без трансформации этого источника, который и есть тотальный хаос сам по себе.

Вообще стоит признать, что трансформация представлений разных цивилизаций как о субъекте [14], так и о социальном, специфическом субъекте [15] весьма значительна. Вероятно, это происходит в силу трансформаций пространственно-временных реалий социального в разные эпохи при константе физического пространства и физического времени. Были выявлены парадоксы пространства переживания, интересубъектности, изменение структуры интеграции между социальными субъектами в рамках процедур диалога, трансформации времени и временности как социального явления как минимум во времена модерна [16, с. 24]. Из этого мы должны заключить о чувствительности социального субъекта к социальным пространственно-временным реалиям. А значит и фронтир приобретает онтологичность как пространственно-временная реальность, отличная от социальной реальности той или иной цивилизации, от социальной нормальности присущей ей.

В ситуации социального хронотопа модерна существует доминирование и приоритет субъектности социального субъекта, а при смене хронотопа постмодерна уже каналы связи выступают доминантой социальной реальности, и тяжесть смещается от субъектности субъекта непосредственно к социальному действию, пусть даже и без самого социального субъекта. Причём фронтир в этом случае является точкой сборки субъектности субъекта через конфликт трёх пластов бытия личности: субъект, актор и суверен. Последний понимается нами в зинovieвском значении: суверен — это человек-государство, тотально абстрагированная от этики и морали, государственного права, личность, выстраивающая свои отношения через договоры с элементами окружающего мира.

Таким образом, наш промежуточный вывод следующий: субъектный субъект (герой), созидующий, формирующий порубежное контактное поле, — это:

- 1) особое состояние, которое можно зафиксировать эмпирически;
- 2) не отлитый в бронзе статус, а могущее под влиянием разных обстоятельств состояние героического, порождающее рубеж с одной стороны и порождаемое рубежом с другой;
- 3) состояние, чувствительное не к географическим факторам, а социально-хронотопным, цивилизационно-культурным, сильно отличающимся между собой по эмпирическим характеристикам и социальной логике обозначения связки герой—антигерой.

Фронтальный фактор в развитии субъектности субъекта русского хронотопа. Двадцать первый век. Россия. Физическое время совпадает со временем постмодернистской Европы. Физическое пространство и восприятие этого пространства как европейскости России совпадают. А вот социальные хронотопы принципиально отличаются. Это было доказано как в теории, так и «в поле» серией исследований, приведших к пониманию наличия в России дихотомии действия свободного и нормативного, и совпадении (не одномоментном, но в рамках социальной единицы) действующего актора и субъекта-функции, что совершенно не совпадает с любым другим обществом: европейским, японским

и т.п. [17]. Отчётливо данный момент можно проследить и в попытках модных, читаемых современниками литераторов прописать положительную и привлекательную фигуру, трагически пытающуюся объединить эти две роли. Разумеется, это возможно лишь в жанре социальной фантастики, но символично, что для социального статуса этой фигуры автор выбрал белорусский термин «Граничар» (пер. с белор.: «Пограничник»)³.

Следует также признать, что и сам советский модерн оказался в достаточной степени отличен по своим характеристикам пространства и времени от модерна европейского [18].

Что есть «герой» и «героизм»? Переход от теории к феномену или конструкту героя. Особенно важно это наблюдение для России современной, где пространство уходит за пределы географии в область переживаний, мечтаний, личного подвига повседневности, а время становится близким к вечности. Оно фрагментарно разбивается на отдельные переживания моментов, и эти моменты, их череда видится бесконечной в своём постоянстве. Опять-таки возвращаясь к книгам, которые являются показателем устойчивого интереса населения к определённым героям, знакам, смыслам, нельзя не привести пример регулярных попыток выстроить логический контур фронта, разбитых осколков социальности, такого пространства анти-английского зазеркалья. Вершиной подобных попыток служит роман в жанре социальной фантастики: «Закон Фронттира», где по сюжету после катастрофы на Земле выжили только молодые люди, потерявшие память. Не потерявшие социальных навыков и профессиональных умений, они совершенно не помнят себя как личности, но осознают свою психологическую уникальность. Высшей ценностью такого бытия является память, носителем которой может являться человек помнящий другого и желающий ему об этом рассказать⁴. Это апофеоз героического, лишённого в своей апофеозности всего, кроме фронта. Причём всё, что рушит этот фронтирный хронотоп, проходит по реестру либо злодея, либо героя.

То есть герой как социальный субъектный субъект призван не подстроиться под систему, а переформатировать систему, пусть и на своём участке, сначала выступая органичной частью фронта, а вернее своим социальным действием создавая фронт, а потом превращая его в точку сборки новой нормы. Причём социальным действием совсем не в духе парсонского видения (исходным принципом которой является действие в рамках нормы и зависящее от общепринятых ценностей), а в определённом смысле анархическое действие, граничащее с безумием героев Эллады или идеального анархиста из трудов князя Кропоткина. В связи с обращением к социальному действию мы должны отметить, что герой (субъектный субъект) — это не актер классической социологии и даже не совсем актер из аксёновской дихотомии [17]. Мы предполагаем, что герой создаёт новую социальную реальность посредством, внутри и исходя из поля контактов (порубежья, фронта, границы). Речь идёт не о переформатировании изнутри социального и не о взрыве изнутри, а о создании нового эталона, к которому устремляются существующие социальные структуры. Устремляются в рамках процессов, блестяще описанных О. В. Аксёновой. Причём создаёт

³ Беянин А. О. Граничары // Лаборатория фантастики. URL: <https://fantlab.ru/work479163> (дата обращения: 17.07.2024).

⁴ Дивов О. И. Закон фронта. Москва: Эксмо-пресс, 2000.

социальную реальность не для себя и «под себя» (иначе какой же это герой, просто ещё один социальный атом из управляющей цепи), а для других. Выступая, по указанной нами выше аллегории, сварным швом нового социального бытия.

Герой современной России — это, безусловно, социальный субъект с повышенной субъектностью, выступающий контрсоциально с целью создания социальной среды повышенного уровня для окружающих, и добровольно лишаящий себя всех положенных социальных благ, предусмотренных той или иной социальной средой. Например, былинные богатыри — это всегда граничары, субъектные субъекты, формирующие особую реальность с потенцией создания нового. А вот казак Байда из украинского устного творчества — это скорее насельник, житель фронта, которого нельзя назвать субъектным субъектом, слишком он подстраивается под условности Дикого Поля, не формируя его, а существуя в некоем симбиозе, как, собственно, и феномен запорожских казаков. Иное дело и иные форматы — казачество Теркское, или Донское, или Кубанское. Там мы уже видим порубежье как точку сборки новой социальности.

Возвращаясь к запорожскому казачеству, о героях там можно говорить лишь в период Богдана Хмельницкого, когда на стыке русского, польского, татарского с сильнейшими элементами литовского, турецкого и даже шведского формировалось особое русское порубежье. Недолгое хронологически, очень небольшое географически, но крайне влиятельное эмоционально, интеллектуально, эстетически, этически до сегодняшнего дня. Впрочем, это тема отдельного исследования, в настоящей публикации достаточно обозначить лишь возможность такого углубления в тему и подсветить сложность работы с порубежностью героического в Русском мире.

Социальное действие такого субъекта есть следствие и вторичное явление его субъектности, выходящее за рамки социальности в области индивидуально-нравственной жизни, что и позволяет ему сохранять аксиологическую автономию от общества с одной стороны и трансформировать это общество, будучи не наблюдателем, а именно актором с другой стороны. Его суверенность — это именно отделённость от социальности, а не её подавление своей волей. Причём и автономность и отделённость героя — это свидетельства его естественной фронтирности в нашем обществе. Для анализа героя и только для него уместно использовать субъектно-объектную логику как очевидную ненормальность, внесистемность и контрсоциальность героя в форме положительной флюктуации социального современной России и, отчасти, советского модерна.

Результаты эмпирического исследования. Постановочную часть нашей работы мы дополним материалами эмпирического исследования, посвящённого героизму, которое проводилось авторским коллективом сотрудников Института социологии ФНИСЦ РАН, Крымского государственного университета и Тюменского государственного университета. Полевые работы проводились в период с января по март 2023 года в восьми федеральных округах России, в том числе в Донецкой и Луганской областях. Всего было опрошено 1350 человек, опрос проводился с помощью онлайн-анкеты, созданной с помощью платформы Google формы. Выборка стихийная, выстроенная в соответствии с квотами. Последние касались самих субъектов федерации, например, в Центральном округе было опрошено 25% респондентов, в Северо-Западном 15%, в остальных

округах по 10%, пола (мужчин 40%, женщин 60%) и, наконец, в соответствии с заданной нами изначально не возрастной, а поколенческой спецификой (типология В. В. Радаева). Представителей советского поколения было опрошено 25%, постсоветского 75%. Некоторый перевес в сторону постсоветских поколений связан как с известными ограничениями онлайн-анкетирования, так и с тем, что людей старших советских поколений (мобилизационного, 1938 года рождения и ранее, поколения оттепели, 1939–1946 гг. рождения) даже при нашей попытке офлайн-анкетирования было сложно найти и опросить (анкета, состоящая из 27 вопросов, была затруднительна для восприятия глубоко пожилых людей). Данный опрос мы рассматриваем как разведывательный, с дальнейшим углублением и проработкой темы героизма.

Целью исследования было всестороннее изучение понятия героя и феномена героизма как репрезентаций коллективной памяти россиян. Чем больше мы погружались в тему и в анализ данных, тем яснее представлялась необходимость расширения подхода к изучению героя и героизма. И концепция фронта возникла на этапе обсуждения полученных данных, того, кто же такой герой, от каких факторов зависит способность к героизму. Пограничность как состояние активно действующего субъекта стала своего рода маркером героя, способного менять ситуацию, выходя за пределы нормальности, опривыченного. Отсюда возникла и идея статьи, **цель которой** — рассмотреть сам концепт фронта и применить его к имеющимся данным, которые связаны с региональной спецификой восприятия героя и героизма опрошенными россиянами. **Основная гипотеза:** регионы, которые можно в настоящее время отнести к фронтам (по признакам, которые были озвучены в теоретической части статьи), имеют свой собственный запрос на героя с соответствующими качествами. При этом мы отчасти пытаемся проверить наше теоретическое заключение о том, что герой и состояние героического — это не только порождающее рубеж, но и порождаемое рубежом, границей. Мы признаем, что данных нашего исследования не вполне достаточно для полного подтверждения данного утверждения, поэтому видим в этом важность постановки подобной гипотезы в том числе для будущих исследований. **Задачами данного изучения** является: 1. выявление наличия или, напротив, отсутствия региональной специфики в восприятии героя и героизма; 2. выделение тех качеств, с которыми связывают героя и героизм россияне в различных регионах РФ; 3. анализ того, разнятся ли и насколько эти качества в зависимости от фронтности региона; 4. есть ли специфика в рисках и соответствующих страхах жителей фронтных и не-фронтных регионов и запрос на соответствующего героя.

Если говорить о фронте применительно к России, то здесь не менее интересная, чем у других стран и народов, ситуация. Масштаб её территорий и географическое разнообразие неминуемо рождает как представление о её необъятности, протяжённости, так и о её границах, приграничье, причём не только в физическом, но и метафизическом плане, как, например, это заявлено у современного отечественного философа Н. Ищенко в работе «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”», где Донбасс, согласно оценке автора, выступает русским фронтом [19]. С этим можно спорить, не соглашаться, но сам факт указания на приграничье как шовную линию соединения не только территорий, но и смыслов, вместе с чем зачастую наблюдается и иной социокультурный, антропологический тип, даёт и нам повод посмотреть на это через призму конкретного эмпирического исследования.

Заметим, что в одной из своих работ мы уже делали обзор того, что же по мнению россиян является объединяющими факторами и субъектами в консолидации страны. Как показал анализ, общая земля и территория не являются основными и определяющими (так считают 22% опрошенных). По-настоящему значимыми, по мнению респондентов, остаются общая история и память — 66%, язык — 46% (в совокупности с называемыми обычаями и праздниками, можно говорить о культуре в целом), государство — почти 34% [20, с. 62]. То есть акцент сделан прежде всего на социокультурных и исторических факторах, а не исключительно территориальных. Вместе с тем расширение или сужение территориальных границ ведёт в том числе к конфликтам и нарушению единства. Фронтир, как уже отмечалось, может быть крайне подвижен («дышать»), не сразу определяем в своём «дыхании», как в случае, например, с мигрантами, осуществляющими постепенное освоение территорий и пространства, в том числе в ментальном плане. Отсюда следует, что и герой как субъект действия и возникающих отношений может быть проявлен не сразу и рассматриваться как пограничный тип между нормой и девиацией. Итак, кто же в качестве такого рассматривается нашими респондентами? Проанализируем данные на рисунке 1.

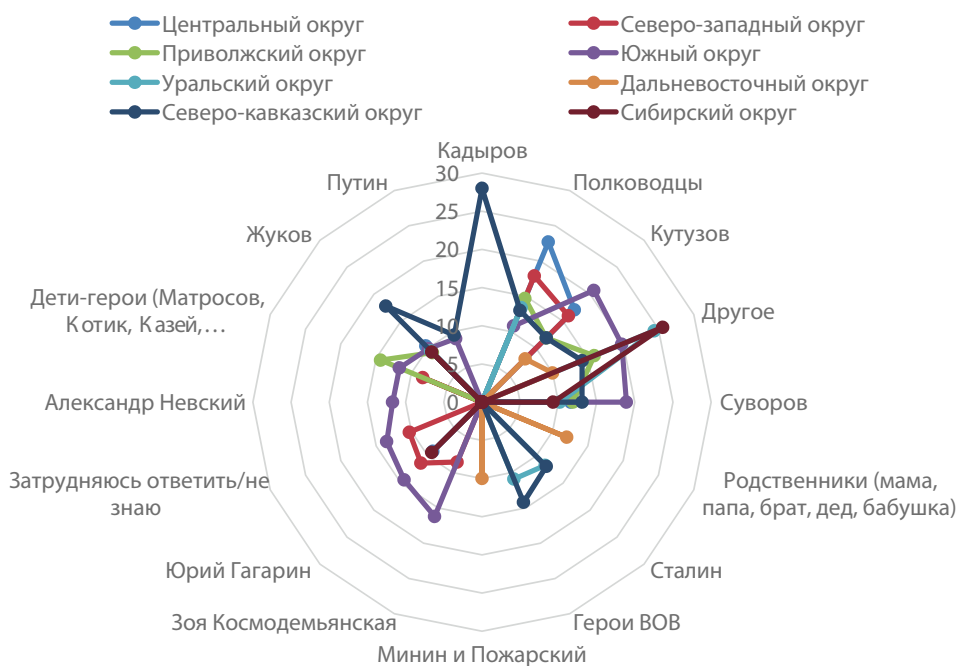

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Назовите тех, кого вы считаете героями, а их поступки героическими?», группировка ответов в соответствии с регионом проживания респондентов, 2023, %

Данные были получены на открытый вопрос анкеты: «Назовите тех, кого вы считаете героями, а их поступки героическими». Так как вопрос предполагал самостоятельный ответ респондента, то в итоге мы получили 2616 ответов опрошенных из восьми федеральных округов России. Значительная часть из них носила системный характер и составила соответствующие кластеры, часть — как

правило, одиночные, не поддающиеся подсчёту ответы, — образовали группу «Другое». При подсчёте в SPSS было выделено три основных группы героев: 1. те, кто вспоминался чаще всего и чей процент упоминаний был выше или равен 10%; 2. те, кого вспоминали во вторую очередь и чей процент составил меньше 10%, 3. наконец, были и те, кого называли в качестве героев не более 5% опрошенных. Внутри каждой из полученных групп есть свои кластеры героев. На рисунке 1, чтобы не утяжелять график, представлены кластеры первых двух групп, то есть $\geq 10\%$ и $< 10\%$.

Мы получили довольно интересные результаты. Первый из них связан с тем, что в одних субъектах РФ есть ярко выраженное представление о героях (такими в нашем исследовании стали, например, Южный и Северо-Кавказский округ), в них больше всего называлось героев, и процентно их кластеры не были размытыми. В других, напротив, наблюдалась как будто недопроявленность героя (как например, в Дальневосточном округе, где в качестве таковых назывались прежде всего родственники (12%), вместе с этим Минин и Пожарский (10%), Кутузов (8%)) или своё особое представление о нём (например, в Сибирском округе, где самый высокий процент ответов (26%) составило «Другое»). То есть регионы в этом смысле неоднородны и имеют свою специфику: чем больше фронтальных линий у региона, или он сам выступает как граница, тем вероятнее более чётко, политически выверенно сформировано представление в нём о героях и героизме. Второй результат связан с тем, что в качестве модальных значений проявились как герои полководцы, без обозначения конкретных имён (15,5%), так и конкретные герои: прежде всего военачальники периода Российской империи — Суворов (12%), Кутузов (10,5%). В качестве героев условно второго эшелона (собранные $< 10\%$) были названы пионеры-герои Великой Отечественной войны (Матросов, Котик, Казей, Голиков, Портнова и т.д. (почти 10%), советский космонавт Юрий Гагарин (9,4%), маршал Жуков (9,2%), Иосиф Сталин (8,2%), Зоя Космодемьянская (8%). То есть исторические фигуры и личности времён СССР. Обращает внимание, что названные герои — это прежде всего военачальники или герои войны, а уже во вторую очередь — выдающиеся личности (как первый космонавт Ю. А. Гагарин) и политики. Примечательно, что последнее также имеет свою региональную специфику: например, в Северо-Кавказском округе в качестве героя назывался действующий президент Чеченской республики Р. А. Кадыров (28%), глава советского правительства (1941–1953) И. В. Сталин (12%), действующий президент России В. В. Путин (9,5%). В. В. Путин вспоминался как герой также респондентами Южного федерального округа (9%). Как можно заметить, не в качестве первоначальных героев. Сталин также вспоминался не единожды и собрал 11,7% голосов в Уральском федеральном округе (что вполне может соответствовать запросам когда-то называемого «красным» региона). Симптоматично, что такие герои повседневной жизни, как врачи, медработники, волонтеры, спасатели упоминались в качестве таковых в последнюю очередь (редкий случай, когда $\geq 5\%$, например, только в Южном округе доля врачей и спасателей составила 6,3% соответственно). Промышленники, учёные, работающие на развитие производства и страны, назывались ещё реже (статистически незначимые значения, близкие к погрешности). То есть тот актер, о котором находим у А. Турена и О. В. Аксёновой, без которого в общем-то не работает ни одна жизненно важная институциональная структура, в сознании россиян не воспринимается как герой. Скорее всё же это выдающая-

ся фигура, политик, способный управлять страной и менять её будущее, либо человек, субъектный субъект, совершающий подвиг, то, на что большинство было бы неспособно.

Дополняют полученные результаты данные второго открытого вопроса анкеты: «Что в вашем понимании героизм? Героизм — это...». В итоге нами было получено 1743 самостоятельно сформулированных респондентами ответа. Согласно уже имеющейся логике, ответы были систематизированы по процентным значениям в соответствующие группы. В основном респондентами назывались именно качества героя, которые, как можно заметить по оценке респондентов, характеризуют героизм. В итоге сформировались основные группы качеств, которые в соответствии с героизмом назывались в первую ($\geq 15\%$) и затем во вторую ($< 15\%$) очередь. В первую отмечалось самопожертвование (22,3%), самоотверженность, самоотречение, умение поставить чужие интересы выше своих (16,8%), готовность совершить подвиг (13,4%). Уже во вторую — бесстрашие, храбрость, мужество (12,7%), положительные черты личности (8,6%). То есть, как можно заметить, героизм связывается опрошенными респондентами в первую очередь с добродетельными качествами личности, что безусловно имеет связь с античным взглядом на героя и героизм [21]. Правда в античности добродетель понималась особым образом, прежде всего в значении arete, как превосходство любого рода.

Рассмотрим же теперь территориальную специфику понимания героизма (см. рис. 2).

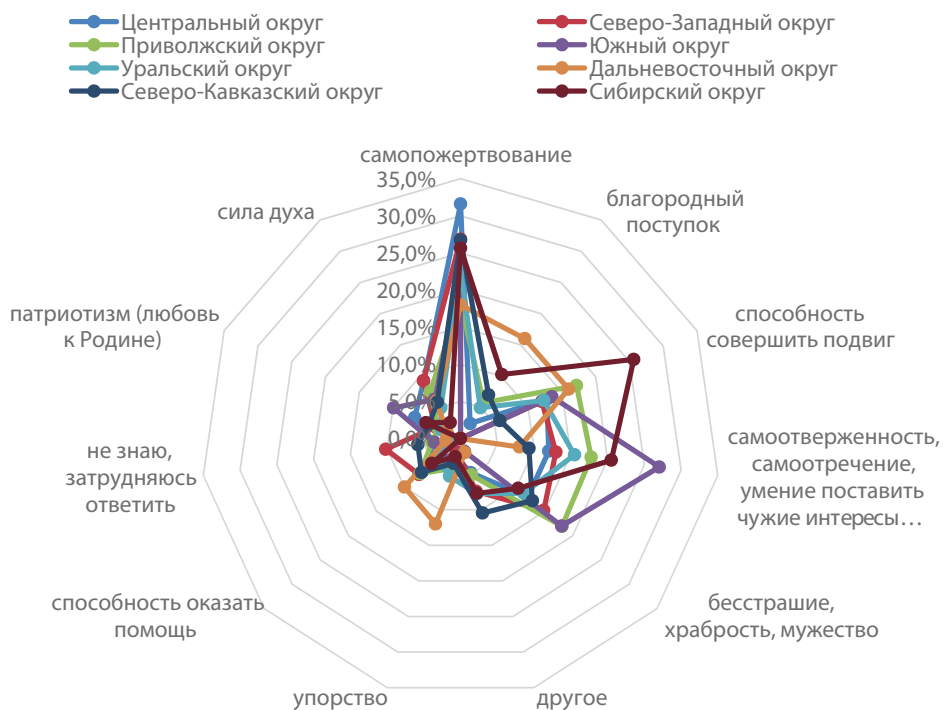

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Что в вашем понимании героизм? Героизм — это...», группировка ответов в соответствии с регионом проживания респондентов, 2023, %

Как можно заметить, даже визуальное распределение вершин и линий второго графика существенно отличается от первого, что прочитывается как более согласованное понимание россиянами, живущими в разных субъектах РФ, того, чем характеризуется героизм. Большинство из опрошенных сходится во мнении, что основное качество героя — это самопожертвование.

Примечательно, что при более детальном анализе данных по субъектам при относительно схожих ответах респондентов разных регионов РФ выделяются особые результаты на вопрос о героизме жителей такого фронтального региона, как Южный федеральный округ. Например, помимо типичных самоотверженности (27%) и самопожертвования (23%) назывались в соответствующей последовательности: бесстрашие, храбрость, мужество (18%), патриотизм (10%), положительные качества личности (8%), сила духа (6,3%). Показательно, что если «сила духа» и отмечалась как не основная, второстепенная характеристика (< 10%) героизма в ряде округов (Центральный, Северо-Западный, Приволжский), то патриотизм назвали самостоятельно в качестве таковой в Южном федеральном округе. Возможно, именно близость границ к территориям военного конфликта даёт понимание, что без сформированного определённым образом отношения к своей стране, довольно сложно проявлять героизм. При этом надо отметить, что на другой вопрос анкеты о том, что нужно прививать прежде всего, чтобы сформировать тип героической личности, участники опроса всех округов РФ были единодушны, отмечая в первую очередь ценности гуманизма и уважение каждого (64%), во вторую — патриотизм и любовь к родине (58%). То есть в этом смысле присутствует не только идеологическая установка, но и сформированное в обществе понимание связи патриотизма и героизма.

Возвращаясь к заявленной тематике статьи, отметим, что обозначенные качества героизма, которые были названы респондентами, свидетельствуют о том, что герой, помимо этической заданности его действий, субъект прежде всего активной, а не пассивной позиции. Это означает, что его действие проявлено вовне, направлено на другого/других, а не совершается в потенции, например, как желание. Столь, казалось бы, очевидный вывод приводит к размышлениям о том, что если общество состоит исключительно из желающих субъектов, только мечтающих о совершении чего-либо, на практике будет означать то, что время героев, — что в настоящее время активно транслируется СМИ, — может никогда и не наступить. Для этого необходим действующий субъект, для начала актер, причём действующий из имеющейся этической позиции. В связи с этим вспоминается довольно точное наблюдение британского социолога З. Баумана (1925–2017), который, характеризуя современников поколения Y (те, кто был рождён в период 1982–2000 гг.), замечает утрату ими автономии (проявляемую главным образом в действии), которая ещё недавно была у их отцов, и которую они успешно отстаивали, «гордясь тем, что обладали нравственными, интеллектуальными и экономическими принципами...» [22, с. 256]. Бауман связывает эту утрату с несколькими факторами, с так называемой «адиофаризацией» при которой происходит выключение моральной оценки и собственное поведение и поведение других людей по отношению к окружающему миру перестаёт считаться как хорошим, так и плохим. В определённом смысле стирается одновременно моральный ориентир и фронт. В обществе возникает моральная бесчувственность или, как замечает Бауман, слепота. И со вторым фактором — отношением политиков и государства к своим гражданам, которое «считает вве-

ренных им людей в первую очередь потребителями, а гражданами — в лучшем случае во вторую...» [22, с. 250]. В этом смысле позиция потребителя рассматривается как пассивная, позволяющая государству действовать без учёта интересов потерявших свою автономию и суверенность граждан.

Как заметили участники нашего опроса, героизм невозможен без таких качеств личности как бесстрашие, храбрость, мужество (12,7%). И хотя это выделялось как не основное качество героя, тем не менее без преодоления страха и проявления определённого мужества, суверенности героизм вряд ли возможен.

В заключении рассмотрим данные ещё одного вопроса анкеты, направленного на выяснение основных страхов россиян. И попробуем проследить, есть ли в них региональная специфика. Вопрос в анкете сформулирован как полузакрытый, с множественными вариантами ответа (согласно памятке, не более трёх вариантов, включая «Другое»). В результате было получено 3694 ответа.

Как показал опрос, основной страх россиян — это угроза ядерной войны (49%), неопределённость и неизвестность будущего (41%), угрозы терроризма и преступности (34%), потеря стабильности и привычного образа жизни (25%) [23, с. 519]. Повышение цен, инфляция (отметили 23% опрошенных), частичная мобилизация (20%) и государственный переворот (17,7%) беспокоят в гораздо меньшей степени, чем внешняя угроза ядерной катастрофы и терроризма. Симптоматично, что победа Украины в СВО пугает не более 13% опрошенных нами россиян. Рассмотрим теперь, есть ли региональная специфика ответов на вопрос о страхах (см. рис. 3).

Рисунок 3. Страхи респондентов, группировка ответов в соответствии с регионом проживания респондентов, 2023, %

Сразу отметим, что специфика есть. Например, в сравнении со всеми остальными округами инфляция и рост цен больше всего беспокоят жителей Северо-Кавказского (45%) и Дальневосточного округов (почти 42%). Надо сказать, что Северо-Кавказский округ в этом вопросе опять отличился: именно здесь наибольшая доля тех, кого волнует угроза ядерной войны (почти 59%), вместе с тем, респондентов именно этого региона меньше, чем других пугает победа Украины в СВО (всего 4,2%), частичная мобилизация (12,6%) и потеря стабильности и привычного образа жизни (14,7%).

В Южном федеральном округе наибольший, по сравнению с другими округами, страх вызывает угроза терроризма и преступности (42,6%). Что совсем не удивительно, если учесть максимальную приближённость региона к территориям военных действий на Украине и высокую вероятность обстрела территорий, а также высадку диверсионных террористических групп. Здесь мы вновь наблюдаем влияние фронта, который проявлен в том, что чем дальше местность находится от реальной линии угрозы безопасности, тем меньше возникает подобных страхов. Эти угрозы неизбежно будет вызывать запрос и на соответствующего героя, от которого будут требоваться в первую очередь самоотверженность, бесстрашие и патриотизм (как это было рассмотрено подробнее выше).

Северо-Западный округ, согласно ответам респондентов, больше, чем любой другой обеспокоен неопределённостью и неизвестностью будущего (44,7%). При этом инфляция и рост цен пугает жителей этого (16,7%) и Сибирского округа (почти 16%) меньше всего. Впрочем, как и государственный переворот в стране, смена власти (13%). На фоне ответов других регионов, в Сибирском округе доля обеспокоенных победой Украины в СВО самая высокая (18%). И здесь при интерпретации данных, помимо влияния фронта надо учитывать исторические особенности округов, их статус, экономическое положение и значение. Запрос на героя здесь тоже, скорее всего, будет у каждого свой. Например, ожидание такого героя, который смог бы сделать будущее более определённым, и неважно при какой именно власти — путинской или какой-то ещё, как это можно предположить в отношении Северо-Западного округа. Но здесь мы можем делать лишь предположения, понимая, что данных нашего исследования недостаточно.

Заключение. В статье была предпринята попытка продемонстрировать влияние фронта, понимаемого нами как рубеж, «контактное поле», на представления россиян о герое и героизме. Отчасти нам удалось зафиксировать, как особенности приграничных регионов формируют свой особый тип героя и запрос на него. Есть и то, что является общим в представлениях о герое и героизме для всех восьми субъектов РФ. В первую очередь, это те требования к качествам героя, которые связываются респондентами с этической составляющей его поступков, с добродетельностью героя. Это важный вывод, который свидетельствует о том, что герой в представлениях россиян всё же не амбивалентен (в том смысле, что может быть одновременно и героем, и злодеем) и обладает вполне конкретными чертами, главным образом положительными.

Пограничность героя, о которой писалось в вводной части статьи, как субъектность субъекта, его тотальная субъектность, балансирование между нормой и собственным поступком (сверх нормы), меняющим ситуацию, создающим новый образец реальности (например, упоминаемый респондентами Юрий Га-

гарин) эмпирическими данными нам подкрепить удалось лишь отчасти. Подобные герои назывались участниками опроса наряду с выдающимися личностями, чаще — успешными политиками, военачальниками. И надо заметить, что именно военный героизм как советского времени, так и периода Российской империи в сознании россиян воспринимается как эталонный, хрестоматийный.

Симптоматично при этом, что называя героев самостоятельно респонденты практически не вспоминали в качестве таковых тех, без кого в значительной степени не могла бы функционировать общественная система, а именно — врачей, спасателей, волонтеров, учителей, учёных и т.д. Они появлялись в качестве героев лишь при последующем ответе на закрытый вопрос о героях в ближайшем окружении [23, с. 518].

Повседневный подвиг и служение мало определим россиянами самостоятельно как героизм или героический поступок. Мы связываем это отчасти непосредственно с самой ситуацией, которая так же диктует свой запрос на героя. Например, опросы ВЦИОМ во время COVID-19 и годом позже, когда началась специальная военная операция на Украине, свидетельствуют о трансформациях представлений и запроса на соответствующего героя и героизм [23, с. 504]. Но возможно, помимо объяснения ситуацией, присутствует и другое: тот актер, о котором писал А. Турен, и концепция которого была существенно переработана О. В. Аксеновой, слабо актуализирован сегодня в российском обществе и практически не рассматривается самими россиянами в значении героя, чего не скажешь, например, о советском обществе, где актер (деятельный, самостоятельный субъект, поддерживающий и преобразующий повседневность) и герой рассматривались и воспринимались обществом зачастую как равнозначные фигуры. Скорее всего это связано с самим временем и его запросами, которое перестало быть временем и эпохой героев. Очевидно, что историческая смена субъекта действия, актера, героя не только сопровождается сменой социальной структуры и общественной формации общества (например, как пишет об этом Макинтайр применительно к герою), но и неизбежным изменением социальных онтологий [24]. Одними из таких, активно развивающимися на Западе и с трудом воспринимаемыми в России, являются так называемые постгуманистические новые онтологемы (Грэм Харман, Иен Богост), пересматривающие классическую субъект-объектную картину мира [25], где антропоцентризм исключается, и спектр внимания переводится с человека на множество вещей, связей, окружающих его и, как считают идеологи постгуманизма, не в меньшей степени определяющих жизнь, чем сам человек [26]. Лиминальность (как «переход», своего рода Закулисье, неопределённость) становится основным свойством такой реальности. Отсюда возникает вопрос: есть ли место в сменяющей гуманизм модерна (длящийся по оценке упомянутых здесь авторов последние 400–500 лет) новой онтологеме постгуманизма герою, актору, субъекту? И это скорее вопрос для обсуждения и будущих исследований. Второй: насколько это актуально для России, находящейся в той точке сборки, которая стала обозначаться последние несколько лет? Несмотря на то, что ответы на поставленные вопросы надо искать в будущих исследованиях, уже сегодня можно заметить некоторые трансформационные процессы в российском обществе: при частом обращении к героям прошлого, в частности, эпохи СССР, респонденты забывают об актере (врачи, медработники, спасатели, волонтеры, учителя, учёные и т.д.), не называя его самостоятельно в качестве героя. И фактор фронтирности героя действительно выходит в настоящее время на первый план.

Библиографический список

1. *Тёрнер Ф.* Фронтир в американской истории : пер. с англ. М. : Весь Мир, 2009. 304 с. ISBN 978-5-7777-0365-1. EDN [QINHRD](#).
2. *Хардт М., Незгу А.* Империя / Пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской. М. : Праксис, 2004. 434 с. ISBN 5-901574-40-0. EDN [QODCNV](#).
3. *Slotkin R.* Regeneration through violence: The mythology of the American frontier, 1600–1860. Middleton : Wesleyan University Press, 1973. 680 p. ISBN 978-0806132297.
4. *Slotkin R.* The fatal environment: The myth of the frontier in the age of industrialization, 1800–1890. New York : Atheneum, 1985. 636 p.
5. *Slotkin R.* The gunfighter nation: The myth of the frontier in twentieth-century America. New York : Atheneum, 1992. 850 p. ISBN 978-0689121630.
6. *Андреева А. А.* «Фронтир» как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 11–15. EDN [TBCOIZ](#).
7. *Сительникова Л. Н.* Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24, № 2. С. 467–492. DOI [10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492](#). EDN [BTSMZH](#).
8. *Басалаева И. П.* Социально-философские основания концепции фронта Ф. Дж. Тернера // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 21. С. 20–28. EDN [PEWRMT](#).
9. *Забяко А. П.* Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26–36. EDN [WZTMCT](#).
10. *Febvre L.* Frontier: The word and the concept // A new kind of history from the writings of Lucien Febvre / Ed. by P. Burke. London : Routledge & Kegan Paul. 1973. P. 208–218.
11. *Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. / Под ред. И. В. Герасимова. Казань : Идел-Пресс, 2004. С. 199–222.
12. *Момджян К. Х.* Введение в социальную философию. М. : КД «Университет», 1997. 448 с. ISBN 5-06-003347-3. EDN [SYLLWD](#).
13. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. СПб : Азбука, 2019. 704 с.
14. *Игнатъев В. И.* Проблема техносубъекта: о субъектности «сущностей-конструкторов» // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 1-1. С. 130–150. DOI [10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150](#). EDN [PKVLEZ](#).
15. *Чернова И. Б., Галанина Н. В.* Понимание социального субъекта в истории философии // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10, № 5. С. 73–83. DOI [10.18522/2227-8656.2021.5.4](#). EDN [TUMJJK](#).
16. *Грякалов А. А.* Диалог, событие и субъект-свидетель — топо-модерн? / Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций: Материалы Второй международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022) / Отв. ред. О. Н. Ноговицин. Т. 2. СПб : Издательство РХГА, 2022. С. 11–30. DOI [10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022.1](#). EDN [XLGPWJ](#).
17. *Аксёнова О. В.* Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актор, никто // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 2. С. 37–53. DOI [10.19181/vis.2020.11.2.640](#). EDN [RNECVF](#).
18. Социокультурные основания советского модерна / О. В. Аксёнова, Э. К. Бийжанова, Н. В. Левченко [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 300 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022](#). EDN [WJGIXG](#).
19. *Ищенко Н. С.* Борьба цивилизаций в «Отблесках Этерны»: культурологический анализ литературного сериала. Луганск, 2021. 159 с.
20. *Подлесная М. А., Ильина И. В.* Героизм через призму размышлений о стране и её будущем: оценки поколений // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 53–77. DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.3](#). EDN [PFAIWY](#).
21. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали : пер. с англ. М. : Академический проект, 2000. 384 с. ISBN 5-8291-0084-3.
22. *Бауман З., Донскис Л.* Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности : пер. с англ. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 368 с. ISBN 978-5-89059-355-9.
23. *Подлесная М. А., Шевченко О. К., Ильина И. В.* Герои и героизм как репрезентации коллективной памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 3. С. 503–524. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-3-503-524](#). EDN [WXMCXE](#).

24. Современная социальная онтология в зеркале российской онтологической традиции: дискурсы и интерпретации / А. М. Орехов, С. И. Платонова, В. Г. Марача [и др.]. Королёв : Космос, 2024. 206 с. ISBN 978-5-6042292-6-2. EDN [JSMWGN](#).
25. Дыдров А. А. Апологетика и критика постгуманизма // Журнал фронтальных исследований. 2024. Т. 9, № 2(34). С. 205–226. DOI [10.46539/jfs.v9i2.594](#). EDN [AJBLFE](#).
26. Катерный И. В. Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. М. : Ленанд, 2021. 352 с. ISBN 978-5-9710-9497-5. EDN [NFZSEN](#).

Поступила: 24.07.2024. Доработана: 06.09.2024. Принята: 09.09.2024.

Сведения об авторе:

Подлесная Мария Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия. yamap@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [661786](#); ORCID: [0000-0002-2159-4958](#)

Шевченко Олег Константинович, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, академик РАЕН (Отделение исследования циклов и прогнозирования), председатель Крымского республиканского отделения РФО. Симферополь, Республика Крым, Россия.

skilur80@mail.ru

Author ID РИНЦ: [252169](#); ORCID: [0000-0002-1362-2875](#)

M. A. Podlesnaia¹, O. K. Shevchenko²

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia

² V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Simferopol, Russia

THE FRONTIER FACTOR IN THE FORMATION OF THE HERO'S IMAGE IN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. The article examines the concept of a hero in relation to the concept of a frontier, which the authors understand as a “contact field”, a boundary that connects rather than separates the spatio-temporal field of conjugation of two or more realities. Particular attention is paid to the development of the frontier as a point of assembly and the personality of the hero and the new social normality. The need for a comparative analysis of the concepts of subject, actor, and hero that already exist in sociology is indicated. An attempt is made to differentiate these concepts, the main features of the hero as a total subject are given, the importance of distinguishing between an everyday hero and a “frontier” hero is indicated. The influence of the frontier as a factor in the formation of the hero’s image is substantiated based on the materials of an empirical study conducted by the authors of the article in eight Federal Districts of the Russian Federation in 2023 (n = 1350). For this purpose, data are analyzed on a number of open and semi-closed questions depending on the place of residence of the respondents, that is, the territorial factor. The authors of the article come to the conclusion that the length of Russia and the diversity of its regions, the frontier status of some of them, provide the corresponding specificity and demand for a hero. Respondents from those subjects of the Russian Federation that currently act as a frontier themselves articulate their idea of a hero and heroism much more clearly. The military hero remains the textbook hero for Russians. A significant part of the independently named heroes are outstanding personalities, primarily of the Soviet era, mainly military leaders, politicians, child heroes of the Great Patriotic War. Everyday workers and laborers - doctors, health workers, volunteers, rescuers, teachers, scientists, etc., which was typical for the Soviet era, are not currently singled out as heroes by respondents. Which leads to the conclusion that the actor of Soviet modernism, which was associated with heroism, was closely associated with the concept of a hero (in particular, labor), is not relevant in the minds of Russians today. Such transformations are associated by the authors with the influence of the situational factor, as well as with the change of the corresponding social ontologies.

Keywords: frontier, social border, hero, heroism, subject, subjectivity, dialectic of general and personal, normativity

For citation: Podlesnaia M. A., Shevchenko O. K. The frontier factor in the formation of the hero's image in Russian society. *Science. Culture. Society*. 2024;30(3):42–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.3>

References

1. Turner F. The frontier in American history. Moscow: Ves' Mir; 2009. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0365-1.
2. Hardt M., Negri A. Empire. Moscow: Praxis; 2004. (In Russ.). ISBN 5-901574-40-0.
3. Slotkin R. Regeneration through violence: The mythology of the American frontier, 1600–1860. Middleton: Wesleyan University Press; 1973. ISBN 978-0806132297.
4. Slotkin R. The fatal environment: The myth of the frontier in the age of industrialization, 1800-1890. New York: Atheneum; 1985.
5. Slotkin R. The gunfighter nation: The myth of the frontier in twentieth-century America. New York: Atheneum; 1992. ISBN 978-0689121630.
6. Andreeva A. A. "Frontier" as a cultural and historical category. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2014;(3): 11–15. (In Russ.).
7. Sinelnikova L. N. The conceptual environment of the frontier discourse in humanities. *Russian Journal of Linguistics*. 2020;24(2):467–492. (In Russ.). DOI [10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492](https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492).
8. Basalaeva I. P. Socio-philosophic foundations of turner's frontier thesis. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2012;(21): 20–28. (In Russ.).
9. Zabayako A. P. Frontier as a reality of human existence. *Voprosy filosofii*. 2016;(11): 26–36. (In Russ.).
10. Febvre L. Frontier: The word and the concept. In: Burke P. (ed.). A new kind of history from the writings of Lucien Febvre. London: Routledge & Kegan Paul; 1973. P. 208–218.
11. Rieber A. Changing concepts and constructions of the frontier: A comparative historical approach. In: Gerasimov I. V. (ed.). The new imperial history of the Post-Soviet space: col. of arts. Kazan: Idel-Press; 2004. P. 199–222. (In Russ.).
12. Momjyan K. Kh. Introduction to social philosophy. Moscow: KD "University"; 1997. (In Russ.). ISBN 5-06-003347-3.
13. Hegel G. W. F. Ph nomenologie des Geistes. St. Petersburg: Azbuka; 2019. (In Russ.).
14. Ignatiev V. I. Problem of the techno-subject: on the subjectivity of "entity-constructors". *Ideas and Ideals*. 2021;13(1-1):130-150. (In Russ.). DOI [10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150).
15. Chernova I. B., Galanina N. V. Understanding the social subject in the history of philosophy. *Humanities of the South of Russia*. 2021;10(5):73–83. (In Russ.). DOI [10.18522/2227-8656.2021.5.4](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.5.4).
16. Gryakalov A. A. Dialogue, event and subject-witness – topo-modern? In: Nogovitsin O. N. (ed.). Byzantium, Europe, Russia: social practices and the relationship of spiritual traditions: Proc. of the Second International Scientific Conf. (St. Petersburg, September 22–24, 2022). Vol. 2. St. Petersburg: RKhGA Publ. House; 2022. P. 11–30. (In Russ.). DOI [10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022.1](https://doi.org/10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022.1).
17. Aksenova O. V. The subject of social action in Russia's current development: actor, agent, nobody? *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2020;11(2):37–53. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2020.11.2.640](https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.640).
18. Aksenova O. V., Biyghanova E. K., Levchenko N. V. [et al.]. Sociocultural foundations of Soviet modernity. Moscow: FCTAS RAS; 2022. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022).
19. Ishchenko N. S. The struggle of civilizations in "Reflections of Eterna": cultural analysis of the literary series. Lugansk; 2021. (In Russ.).
20. Podlesnaia M. A., Ilina I. V. Heroism through the prism of reflection on the country and its future: assessments of generations. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):53–77. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.3).
21. Macintyre A. After virtue: Studies in moral theory. Moscow: Academic Project; 2000. (In Russ.). ISBN 5-8291-0084-3.
22. Bauman Z., Donskis L. Moral blindness. The loss of sensitivity in liquid modernity. St. Petersburg: Ivan Limbach Publ.; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-89059-355-9.

23. Podlesnaia M. A., Shevchenko O. K., Ilyina I. V. Heroes and heroism as representations of collective memory. *RUDN Journal of Sociology*. 2023;23(3):503–524. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-3-503-524](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-3-503-524).
24. Orehov A. M., Platonova S. I., Maracha V. G. [et al.]. Modern social ontology in the mirror of the Russian ontological tradition: discourses and interpretations. Korolev: Kosmos; 2024. (In Russ.). ISBN 978-5-6042292-6-2.
25. Dydrov A. A. Apologetics and criticism of posthumanism. *Journal of Frontier Studies*. 2024;9(2): 205–226. (In Russ.). DOI [10.46539/jfs.v9i2.594](https://doi.org/10.46539/jfs.v9i2.594).
26. Katerny I. V. Posthumanism. Man in the era of new sociality: metamorphoses, narratives, dilemmas. Moscow: Lenand; 2021. (In Russ.). ISBN 978-5-9710-9497-5.

Received: 24.07.2024. Corrected: 06.09.2024. Accepted: 09.09.2024.

Information about the author:

Mariia A. Podlesnaia, Candidate of Sociology, Leading researcher, Center for the Study of Russian Regions, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

yamap@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-2159-4958](https://orcid.org/0000-0002-2159-4958)

Oleg K. Shevchenko, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Department of Cycle Research and Forecasting), Chairman of the Crimean Republican Branch of the RFO. Simferopol, Republic of Crimea, Russia.

skilur80@mail.ru

ORCID: [0000-0002-1362-2875](https://orcid.org/0000-0002-1362-2875)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.4)
EDN [TUKMXR](https://edn.ru/TUKMXR)
УДК 316.35

О. В. Сорокин¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕВИАЦИИ В РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ МОЛОДЁЖИ

Аннотация. Социальные взаимодействия в молодёжной среде регулируются на основании не только общепринятых образцов, но и на основании целей-принципов, формирующихся в среде самой молодёжи как ответ на изменение социальных и культурных условий жизнедеятельности. С точки зрения институционально одобряемой нормы, эти принципы являют собой социокультурные девиации. На уровне сознания они представлены в форме различных конфигураций смыслов-суждений, которые реализуются разными группам молодёжи в процессе взаимодействий. Одним из проявлений отклонения выступают регулятивные смыслы, ориентирующие на разобщение и самоутверждение за счёт окружающих. Анализируются данные, полученные в ходе всероссийского исследования, проведённого Центром социологии молодёжи Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН в 2021 году. Рассматриваются связи труда, образования и межличностных взаимодействий с социокультурными девиациями молодёжи в социальной реальности. Встраивание социокультурных девиаций в процесс регуляции взаимодействий в молодёжной среде отражается в оправдании молодыми людьми практик травли, провокаций, злых розыгрышей и проявления неуважения к учителю как допустимых способов взаимодействий в значимых сферах жизнедеятельности. Их применение сопровождается наделением в молодёжных группах труда, общения и образования определёнными смысловыми характеристиками. В ходе анализа данных установлено, что суждения о буллинге и троллинге дифференцируют молодёжь по смыслу труда «ощущение своей полезности». Кроме того, суждение о буллинге дифференцирует молодёжь по смыслу «вынужденная необходимость». Выявлены связи одобрения респондентами суждений о буллинге, троллинге и учителе со смыслом общения «радость, счастье» и «внутренняя потребность». Также установлено, что суждения о пранке и учителе дифференцируют молодёжь по смыслам образования «возможность сделать карьеру» и «развитие способностей».

Ключевые слова: молодёжь, социальные взаимодействия, социокультурные девиации, социальная реальность, регуляция взаимодействий

Для цитирования: Сорокин О. В. Социокультурные девиации в регуляции социальных взаимодействий молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 61–77. DOI [10.19181/nko.2024.30.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.4). EDN [TUKMXR](https://edn.ru/TUKMXR).

Введение. Под социальными взаимодействиями в социологии понимается регулярный устойчивый взаимообмен акторов социальными действиями [1, с. 166]. Регуляция социальных взаимодействий отражает процесс встраивания согласованности, взаимной зависимости, направленности ожиданий их участников на основании признания ими единых критериев, ценностей и норм самоопределения в значимых сферах жизнедеятельности. В социокультурном пространстве молодёжи эти критерии, ценности и нормы представлены в форме образцов жизнедеятельности, т.е. одобряемых в рамках доминирующей культуры целей-принципов взаимодействий в сферах труда, образования и межличностных взаимодействий и т.д. Их место в социальной реальности как ин-

терсубъективном пространстве взаимодействий обнаруживается посредством смыслов-суждений, которые молодые люди разделяют в качестве основания саморегуляции.

С одной стороны, общепринятые смыслы взаимодействий вырабатываются в социокультурном пространстве, институционализируются и транслируются социальными институтами. С другой — спонтанно усваиваются или конструируются самими молодыми людьми. Благодаря этому осуществляется целеориентированное регулирование социальных взаимодействий и их саморегуляция на основании разделяемых морально-этических принципов. Оптимальной для развития общества и сохранения его целостности с позиции доминирующей культуры считается такая система смыслов, которая ориентирует взаимодействия на кооперацию, способствует укреплению сотрудничества между людьми, достижению ими консенсуса.

Социологи подчёркивают значимость смыслов солидарного поведения, которые представлены в доминирующей культуре в форме целей-принципов регуляции взаимодействий между участниками. П. А. Сорокин подчёркивал значение фактора взаимной помощи, сотрудничества и неэгоистической любви как важного элемента эволюции человечества: «Взаимная помощь и дружеское сотрудничество играют несравненно большую роль в прогрессе человечества, чем враждебное соперничество и насильственное принуждение» [2, с. 55]. В этом случае, по Д. Нортю, все участники взаимодействий находят для себя выгоду [3, с. 43]. Из этого следует, что способность разделять смыслы, отражающие образцы солидарного поведения, лежат в основании базового, нормативно-одобряемого способа взаимодействий. Соответственно, когда взаимодействие выстраивается главным образом на основании принципов разобщения и самоутверждения за счёт других, а не кооперации и сотрудничества, то в социальной реальности утверждаются смысловые конфигурации, содержащие социокультурные девиации и они выступают в роли регуляторов взаимодействий.

В разных сферах жизнедеятельности это происходит по-разному. Но во всех случаях диффузия таких представлений в широких слоях молодёжи приводит к их опривычиванию и нормализации, а регулируемое ими взаимодействие становится своего рода новой нормой.

Такой нормой стали применение практик травли, унижений других, разжигания ссор. Принципы разобщения и самоутверждения за счёт других часто оправдываются молодыми людьми наличием в их жизни социальных ограничений и необходимостью поиска новых способов их преодоления. В сфере труда молодой человек, обращаясь к практикам разжигания провокаций, конфликтов, интриг, пытается выстроить взаимодействия с другими работниками по своим правилам, тем самым подчёркивая свою значимость и создавая временные выгодные союзы с разными участниками конфликтующих сторон. Действуя подобным образом, молодой человек преследует сразу несколько целей: улучшает, как ему кажется, свои карьерные и переговорные позиции, поскольку руководство отмечает его способность добиваться своего и действовать напористо, и укрепляет авторитет среди коллег по работе, которым становится выгоднее с ним не ссориться. В сфере образования провокации учителей, разжигание ссор и злые розыгрыши в отношении сверстников, с точки зрения молодого человека, являются эффективными способами времяпрепровождения в образовательном учреждении, поскольку в этом случае он быстро и оперативно решает зада-

чу привлечения к себе общественного внимания, завоёвывает, как ему кажется, популярность и становится значимой личностью. К этому следует добавить и возможность транслировать видео таких розыгрышей, ссор в сети. Размещая его на интернет-платформах, молодой человек тем самым преследует и вторую цель — завоевание популярности в сети. В сфере межличностных взаимодействий общение с человеком, занимающим более высокую статусную позицию, компенсируется стремлением самоутвердиться на его фоне. Тем самым молодой человек, разыгрывая, ссорясь с более статусным индивидом, пытается нивелировать своё невыгодное социальное положение. Т.е. нормализация отклонений в подростково-молодёжной среде обусловлена рационализацией ожиданий молодых людей, которые таким образом компенсируют возникающие в их жизни социальные ограничения собственной повесткой, построенной на подчёркивании своей значимости, нивелировании невыгодного статуса и желанием завоевать популярность среди сверстников.

В нашем подходе девиации рассматриваются с точки зрения социокультурного подхода, через призму отклоняющихся смыслов [4]. Это отличает развиваемый нами подход от устоявшегося и успешно реализуемого в социологии подхода, в соответствии с которым девиации изучаются преимущественно через поведенческие проявления [5, с. 63]. Цель статьи состоит в выявлении связи социокультурных девиаций как отклоняющихся смысловых установок с характером саморегуляции взаимодействий в значимых сферах жизнедеятельности молодёжи.

Появление такого рода девиаций в молодёжной среде обусловлено более общими социокультурными изменениями в российском обществе. В. В. Чешев отмечает, что развитие культуры российского народа на современном этапе отражает борьбу солидаристских и индивидуалистических начал жизни человека [6, с. 25]. Индивидуалистическое начало человека постмодерна направляет его в сторону отказа от устойчивых взаимных обязательств и обязанностей, так ему проще выстроить «гибкие» и «ускользающие», а значит более рациональные отношения с окружающими. Но и образцы солидарного поведения обнаруживаются в нормативно-ценностных системах, т.е. в ядре российской культуры. Их задача заключается в «очеловечивании» социальных связей» [7, с. 12] и в направлении помыслов и поступков современного человека в сторону выстраивания сотрудничества с другими людьми, поэтому они продолжают наделяться статусом общезначимости. Персоноцентристские ценности, привнесённые в социокультурное пространство российского общества процессами либерализации 90-х гг. XX в., и представленные главным образом в современных культурных трендах, ориентируют индивида на осмысление способов взаимодействий, построенное преимущественно на прагматике, соперничестве, конкуренции. Столкновение этих двух тенденций надолго определило специфику переходного периода в развитии российского общества. Согласно концепции П. А. Сорокина, оно неизбежно сопровождается непримиримыми противоречиями, усиливающимися дуализмом и хаотическим синкретизмом элементов, взятых из различных культур и не усвоенных доминирующей культурой [8, с. 274].

В переходных социальных условиях с их деструкцией нормативности [9, с. 54] принципы разобщения и самоутверждения становятся особенно востребованными в молодёжной среде и проявляются в тех ситуациях, которые в других условиях регулировались бы на основе солидарности. Сегодня следование

принципам разобщения и самоутверждения любой ценой, даже в ущерб другим, при всей их социальной деструктивности в индивидуально-личностном плане, позволяет быстрее достигать культурных целей современного индивидуализированного общества. Тем самым они рационализируются. Когда цели жизнедеятельности осмысливаются главным образом как погоня за популярностью среди сверстников, а социальный успех связывается исключительно с материальным благополучием, то и способы самоопределения выбираются соответствующие. Достижение популярности и социального успеха связывается не с ориентацией на солидаризацию, а с желанием выделиться из общей массы, в т.ч. и на основании провокаций, эпатажа, злых шуток и самоутверждения за счёт статусных собеседников. Утверждаясь в социальной реальности в форме смыслов-суждений, принципы разобщения и самоутверждения выступают как оппозиция по отношению к базовым смыслам норм взаимодействий, построенных на солидаризации и поддерживаемых доминирующей культурой. В таком понимании смыслы-суждения, отражающие принципы разобщения и самоутверждения, являются социокультурными девиациями.

Формы социокультурных девиаций молодёжи. Рассмотрим формы социокультурных девиаций, распространённые в молодёжной среде, которые отражают стремления к уменьшению сотрудничества между людьми, направленные на разобщение, разрушение доверия, самоутверждение за счёт других.

Общепринятые смыслы способов взаимодействий отражают понимание, сопереживание, ответственное отношение к своим словам и поступкам. Они, как правило, проявляются «...в деликатности, в чувстве такта, в умении “не замечать” человеческих слабостей и недостатков, а наоборот, увидеть в нём такие достоинства, которыми можно действительно искренне восхищаться...» [10, с. 38]. Достижение истинного, глубинного взаимопонимания в процессе взаимодействий возможно только благодаря следованию таким принципам как тактичность, отзывчивость, предупредительность, учтивость, корректность, обходительность, снисходительность, деликатность, вежливость, толерантность. То есть общепринятые смыслы солидарных способов взаимодействия основываются на нравственной культуре общения. А базовые смыслы норм в практиках розыгрышей не должны затрагивать глубинных, личных особенностей человека и задевать его личное достоинство [11, с. 145].

Из безобидных шуток розыгрыши сегодня превратились в увеселительные мероприятия, выражающиеся в оскорбительных формах, унижающих достоинство. А благодаря интернет-технологиям они приобрели массовый характер, находя быстрый отклик у молодёжи. В последнее время появилось много т.н. пранкеров (от англ. prank — проказа, выходка, шалость, розыгрыш, шутка), троллей (от швед. troll — колдун, чародей), которые разыгрывают потенциальных «жертв», вовлекая их в свои заранее срежиссированные ситуации. «Своим» для участников злого розыгрыша или провокации в процессе подготовки и проведения подобных действий становятся те, кто терпимо относится к этим действиям, даже если они не были изначально посвящены в их замысел. В подобных ситуациях формами социокультурных девиаций выступают такие смыслы-суждения, посредством которых оправдываются практики самоутверждения за счёт чести и достоинства собеседника, путём публичной демонстрации его профессиональной некомпетентности, намеренные провокации с целью создания конфликтных ситуаций в публичной сфере.

Нередко объектом злых розыгрышей становятся статусные собеседники. Чаще всего преподаватели в образовательном процессе. Было бы неверно утверждать, что шутки и розыгрыши в адрес преподавателей не имели место прежде. Однако характер их существенно изменился и изменения вызваны пересмотром образа преподавателя и нормы, регулирующей взаимодействия с ним.

В российской культуре отношение к профессии учителя исконно строилось на таких смыслах как «наставник» и «воспитатель». Присутствие этих смыслов в образе учителя связывалось, в первую очередь, с проявлением учительством гражданской позиции, реализацией гуманистического предназначения по формированию нового человека, передачи молодому поколению общечеловеческих ценностей. Так, А. С. Пушкин посвятил стихи своему любимому учителю А. П. Куницыну, в которых следующие строчки: «Он создал нас, он воспитал наш пламень... Заложен им краеугольный камень, им чистая лампада возжена»¹. Иначе говоря, учитель выступает проводником культуры, по сути, от его деятельности зависит будущее общества. В современном российском обществе по мере проникновения рыночных услуг в систему образования, изменялось отношение к учителю и способы взаимодействия учителя и учеников. Формами социокультурной девиации выступают смыслы-суждения о том, что учитель оказывает всего лишь образовательную услугу и не может требовать послушания от ученика. Это свидетельствует, с одной стороны, о рационализации модели отношения во взаимодействиях с педагогом, а с другой стороны, об эрозии смысла учителя как педагога и наставника. Учитель перестаёт быть моральным авторитетом для тех молодёжных групп, в которых прослеживается неприятие традиций классно-урочной системы с механизмами социального принуждения, сохраняющейся в отечественной системе образования. Недовольство системой экстраполируется на учителей как социальную группу, наполняя взаимодействия отклоняющимися смыслами.

Другой формой социокультурной девиации стало одобрение демонстрации агрессивного преследования и травли. Они также проявляются в отношении учащихся и преподавателей в учебном процессе, но и не только. Практики коллективной травли жертвы и её агрессивного преследования получили наименование «буллинг» (от англ. bullying — запугивание). Некоторые исследователи связывают рост популярности подобных практик в молодёжной среде с их демонстрацией в интернет-пространстве. Сам факт трансляции и доступности контента рассматривается как стимул их применения. Другая причина вызвана деформацией норм коммуникации, что наиболее заметно именно в сетевом пространстве [12]. Изучая поведенческих практики родителей и детей в интернет-пространстве, Г. У. Солдатова приходит к выводу о том, что современные подростки чаще чем взрослые и молодёжь в целом не соблюдают правила в онлайн-жизни (культурное выражение своих мыслей, терпимость по отношению к другим и т.д.) [13, с. 376]. Не случайно травля чаще разворачивается именно в пространстве сетевых взаимодействий.

Таким образом, формами социокультурных девиаций, распространёнными в молодёжной среде в современном российском обществе, выступают смысловые суждения, в которых содержится одобрение практик коллективной травли, злых розыгрышей, намеренного разрушения коммуникации и обесценивания роли учителя в учебном процессе.

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Ленинград: Наука, 1977. Т. 2. С. 351.

Методология. Некоторые аспекты изучения проблемы социокультурных девиаций в регуляции социальных взаимодействий изучались в рамках зарубежной и отечественной социологии. Так в рамках конструктивистской традиции (Г. Беккер [14], Э. Год [15], Н. Бен-Якуда [16], К. Браян [17], Г. Зайдов [18] и др.) последовательно раскрываются механизмы закрепления характеристик девиаций в общественном сознании. С точки зрения этого подхода в основе процесса переосмысления нормального или отклоняющегося в социальных группах лежат культурные процессы определения характеристик социальных явлений, которые могут представлять опасность для общества.

Изучение проблемы выбора девиантных способов самоопределения в социологии прочно связано с научным подходом Р. Мертон. Рассогласованием культурных ценностей, с одной стороны, и возможностей, т.е. средств их достижения — с другой, он объясняет всплеск антисоциального поведения в бедных слоях населения в некоторых современных ему обществах [19, с. 300]. Появление новых форм девиаций связано с тем, что в современном обществе чрезмерно акцентируется внимание на теме достижения богатства любыми средствами. В таких условиях институционально одобряемые способы достижения успеха перестают восприниматься населением как единственно допустимые. С его точки зрения, общезначимые нормы в современном обществе лишаются своей силы вследствие того, что декларируемые культурные цели фактически оправдывают самые разные способы достижения финансового успеха. Развивая этот подход, представляется возможным заключить, что социокультурные девиации в изменяющейся реальности представлены в форме отклонений от базовых смыслов общезначимых норм, которые, в свою очередь, отражают одобряемые в рамках доминирующей культуры цели и способы жизнедеятельности.

В основу исследования также положен теоретико-методологический подход П. Бергера и Т. Лукмана, согласно которому допускается сосуществование нормативных и девиантных версий социальной реальности [20]. В их концепции социальные отклонения представлены в форме «девиантных версий социальной реальности» или «еретических универсумов», которые поддерживаются определёнными социальными группами и выступают как альтернативные версии сущностных смыслов и значений [20, с. 72].

В значительной мере методологической основой послужили положения концепции Ж. Т. Тощенко, который рассматривает смыслы как сущностную характеристику жизненного мира, так как они определяют качественную определённость общественного сознания, поведения и социальной среды. Выступая в качестве ценностей-принципов, связанных с целевыми установками, смыслы «обозначают некую итоговую, ключевую сущность происходящих изменений социальной реальности» [21, с. 195]. Т.е. смыслы в рамках этого подхода рассматриваются как феномены социальной реальности.

В основу исследования легли выводы Д. А. Леонтьева о природе смысловых установок как готовности воспринимать объект определённым образом и выстраивать взаимодействие с ним по желаемым образцам поведения. По мнению Д. А. Леонтьева «смысловая установка отражает в себе жизненный смысл объектов и явлений действительности, на которые направлена деятельность субъекта, и феноменологически проявляющаяся в различных формах воздействия на протекание актуальной деятельности» [22, с. 184]. Леонтьев подчёркивает связь смысла и смысловой установки. Он отмечает, что эти два элемента не дублируют, а дополняют друг друга в саморегуляции деятельности: «Смысловые

установки влияют лишь на направленность протекания познавательных процессов, в то время как личностные смыслы определяют особенности презентации конкретных образов и их отдельных характеристик» [22, с. 188].

Базовым методологическим основанием изучения социокультурных девиаций молодёжи выступает концепция социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности молодёжи Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, разработанная в Центре социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН [23, с. 65]. Согласно этой концепции, базовые характеристики отношения к объектам воспроизводятся благодаря действию бессознательных и осознанных элементов — архетипов, ментальности, габитусов, стереотипов, ментальных и современных черт, типов культуры и смысложизненных ценностей, что обеспечивает воспроизводство образцов доминирующей культуры и их изменение. Таким образом, черты объектов социальной реальности, являющиеся частью их традиционного образа-смысла, закрепляются в коллективной памяти. Будучи осмысленными в процессе рефлексии, они становятся частью аргументированной жизненной позиции молодёжных групп. В процессе интересубъективных взаимодействий молодёжи формируется осознание принадлежности к определённой социальной среде и представление о том, что осваиваемый мир схожим образом воспринимается другими и наполнен теми же смыслами и значениями [24, с. 342].

Методы. В основу выводов легли результаты всероссийского социологического исследования Центра социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН «Саморегуляция жизнедеятельности молодёжи – 2021». В период с 03 ноября по 03 декабря 2021 года сотрудниками Центра проведено исследование по выборке, репрезентирующей молодёжь в возрасте от 15 до 35 лет (исследованием было охвачено 10 субъектов Российской Федерации.). Объем выборки составил 1640 человек. Для обеспечения репрезентативности опроса была использована случайная маршрутная выборка для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент, согласно квотному заданию, частично был применён метод «снежный ком» для опроса требуемых респондентов. Для отбора респондентов были рассчитаны половозрастные квоты, репрезентирующие российскую молодёжь с учётом региональных особенностей.

Результаты и обсуждение. В ходе проведённого исследования были установлены возрастные границы групп молодёжи, в которых чаще, чем в других группах, разделяют принципы разобщения и самоутверждения за счёт окружающих в процессе взаимодействий. Это молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет с начальным общим, средним общим образованием или средним профессиональным образованием, реже это учащиеся младших курсов бакалавриата высших учебных заведений. Своё материальное положение данные молодые люди оценивают как среднее, либо ниже среднего. По половому распределению существенных различий не выявлено.

Рассмотрим связи смыслов труда, образования и общения с социокультурными девиациями. Для анализа были отобраны суждения «Буллинг (насмешки, издевательства, травля) допустимы, если человек не приятен», «Троллинг» (провокации, разжигание ссор, кривляние) — это норма общения», ««Пранк» (розыгрыш) — это хороший способ повеселиться, и не надо его стесняться, если это прикольно» и «Учитель не имеет права требовать от ученика уважения и

послушания, потому что он оказывает образовательную услугу, а клиент всегда прав». Данные смыслы-суждения выступают формами социокультурных девиаций в социальной реальности.

В таблице 1 представлены связи смыслов труда с формами социокультурных девиаций молодёжи. Сущностное понимание труда респондентами раскрывалось посредством их ответов на вопрос «В чем для Вас смысл труда?». Варианты ответов, представленные в таблице, отражают смысловые характеристики труда. Терминальная сущность труда определяется набором следующих смыслов: ощущение своей полезности, внутренняя потребность и творчество. Инструментальная сущность труда определялась с помощью смысловых значений: возможность заработать, вынужденная необходимость и общение.

Таблица 1

Связь смыслов труда с формами социокультурных девиаций молодёжи, %

Формы социокультурных девиаций	Смысл труда						Асимптотическая значимость	
	Ощущение своей полезности	Возможность заработать	Внутренняя потребность	Вынужденная необходимость	Творчество	Общение		
«Буллинг» (насмешки, издевательства, травля)...	Согласен	15,3	53,6	9,3	13,1	6,0	2,7	0,048
	Не согласен	21,2	56,6	5,8	8,2	6,1	2,1	
«Троллинг» (провокации, разжигание ссор...	Согласен	14,2	56,9	8,7	10,8	6,9	2,4	0,028
	Не согласен	21,9	56,1	5,6	8,3	5,9	2,1	
«Пранк» (розыгрыш) – это хороший способ...	Согласен	17,8	54,9	5,9	11,0	7,4	3,0	0,030
	Не согласен	21,9	56,9	6,3	7,6	5,5	1,8	
Учитель не имеет права требовать...	Согласен	17,1	51,7	9,1	11,8	7,2	3,0	0,029
	Не согласен	21,2	57,2	5,6	8,1	5,9	2,0	

Источник: данные исследования «Саморегуляция жизнедеятельности молодёжи – 2021».

Из анализа представленных в таблице данных следует, что согласие с суждениями дифференцирует молодёжь по смыслам труда «ощущение своей полезности» и «вынужденная необходимость». Так разнятся доли согласных и несогласных с этими суждениями по смыслу «ощущение своей полезности» в пользу несогласных. Значение смысла труда «ощущение своей полезности» для групп молодых людей, разделяющих смысл о буллинге, составило 15,3%, а для несогласных — 21,2%, для групп, разделяющих смысл о троллинге — 14,2% и несогласных — 21,9% соответственно. Также обращает на себя внимание то, что в группах, разделяющих суждения, выше значения одобрения смысла труда «вынужденная необходимость», чем в группах не согласных с рассматриваемыми утверждениями. Так для утверждения про буллинг эта разница составила 4,9%. В группе не разделяющих утверждение про учителя, заметно выше значение смысла «возможность заработать», чем в группе, разделяющих этот принцип (57,2% против 51,7%). Из этого следует, что социокультурные девиации, участвуя в регуляции взаимодействий в молодёжной среде, ориентируют молодых людей на осмысление труда как бесполезного, рутинного, когда человек вынужден выполнять эту работу, не имея к ней определённой склонности. Кроме того, допустимость этих практик в отдельных случаях может быть выше в тех группах, в которых участники полагают, что дело, которым они занимаются в настоящее время, не перспективное с точки зрения заработка хороших денег в будущем.

На основании анализа связей, которые выявлены между ожиданиями от труда и формами социокультурных девиаций, складывается понимание того, как влияют принципы разобщения и самоутверждения, которые разделяют молодые люди, на их ожидания в этой сфере. Обратимся к анализу данных, представленных в таблице 2.

Таблица 2

Связь ожиданий от труда с формами социокультурных девиаций молодёжи, %

Формы социокультурных девиаций	Ожидания от труда						
	Профессиональная самореализация	Интересная творческая работа	Возможность для предпринимательской деятельности	Самоутверждение в коллективе	Повышение уровня жизни	Деньги, чтобы жить	Асимптотическая значимость
«Буллинг» (насмешки, издевательства, травля)...	Согласен	32,8	17,5	11,5	4,9	13,1	0,000
	Не согласен	44,6	19,2	5,6	2,9	16,0	
«Троллинг» (провокации, разжигание ссор...	Согласен	36,5	19,4	9,7	4,5	13,9	0,018
	Не согласен	44,7	18,9	5,5	2,8	16,1	

Формы социокультурных девиаций	Ожидания от труда							
	Профессиональная самореализация	Интересная творческая работа	Возможность для предпринимательской деятельности	Самоутверждение в коллективе	Повышение уровня жизни	Деньги, чтобы жить	Асимптотическая значимость	
«Пранк» (розыгрыш) – это хороший способ...	Согласен	37,3	20,3	8,9	3,2	15,0	12,5	0,003
	Не согласен	46,1	18,4	4,9	3,1	16,0	8,8	
Учитель не имеет права требовать...	Согласен	33,1	22,1	8,7	4,6	15,2	13,3	0,010
	Не согласен	45,2	18,4	5,7	2,8	15,8	9,4	

Источник: данные исследования «Саморегуляция жизнедеятельности молодёжи – 2021».

Из ответов респондентов следует, что рассматриваемые суждения в целом не дифференцируют молодёжь по таким ожиданиям от труда как «интересная, творческая работа», «самоутверждение в коллективе» и «повышение уровня жизни». Но разделяют респондентов по ожиданиям, связанным с «профессиональной самореализацией», «возможностью для предпринимательской деятельности» и «деньгами, чтобы жить». Если в первом случае значения связи в группах несогласных превалируют над значениями связи в группах согласных, то во втором и третьем случаях прослеживается обратная ситуация. Так в группе молодых людей, которые одобряют буллинг, ожидания от труда могут связываться исключительно со стратегией выживания. Доля согласных с суждением о буллинге и связывающих свои ожидания от труда с «деньгами, чтобы жить» составила 17,5% против 9,1% в группе, несогласных с этим суждением. А это означает, что когда молодые люди в сфере труда считают для себя нормальным надсмехаться, издеваться над другими, провоцировать ссоры, разыгрывать других и проявлять неуважение к учителю, их ожидания и от этой сферы переосмысливаются и связываются не с профессиональной самореализацией, а в большей степени с возможностью заработать деньги, чтобы прокормить себя и применить навыки разобщения и самоутверждения в будущем в предпринимательской сфере, используя их, вероятно, по отношению к своим конкурентам. Таким образом, девиации, отражающие смыслы разобщения, проявляют себя и в стратегиях труда молодёжи.

В таблице 3 представлены связи смыслов общения в молодёжной среде с формами социокультурных девиаций. Сущностное понимание общения в проведённом исследовании раскрывается через ответы респондентов на вопрос «В чем для Вас смысл общения?». Варианты ответов, представленные в таблице, отражают ценностное отношение к общению. Терминальная ценность обще-

ния определяется набором следующих смыслов: радость, счастье, внутренняя потребность и удовольствие. Инструментальное отношение к общению определялось с помощью смысловых значений: вынужденная необходимость, долг вежливости и полезные связи.

Таблица 3

Связь смыслов общения с формами социокультурных девиаций молодёжи, %

Формы социокультурных девиаций	Смысл общения							
	Вынужденная необходимость	Радость, счастье	Внутренняя потребность	Удовольствие	Долг вежливости	Полезные связи	Асимптотическая значимость	
«Буллинг» (насмешки, издевательства, травля)...	Согласен	6,0	33,9	16,9	26,2	2,7	13,7	0,016
	Не согласен	2,7	26,6	26,9	26,6	3,3	13,2	
«Троллинг» (провокации, разжигание ссор...	Согласен	4,5	31,3	19,1	25,7	4,9	14,2	0,028
	Не согласен	2,7	26,6	27,2	26,8	2,9	13,0	
«Пранк» (розыгрыш) — это хороший способ...	Согласен	2,7	29,2	23,3	29,2	3,2	11,7	0,372
	Не согласен	3,2	26,6	27,0	25,4	3,2	13,9	
Учитель не имеет права требовать...	Согласен	4,2	35,4	16,7	28,5	3,4	11,8	0,001
	Не согласен	2,8	25,9	27,5	26,2	3,2	13,5	

Источник: данные исследования «Саморегуляция жизнедеятельности молодёжи – 2021».

Из анализа таблицы 3 следует, что смыслы-суждения о буллинге, троллинге и учителе дифференцируют молодёжь по отношению к смыслам общения «радость, счастье» и «внутренняя потребность». Значения связи со смыслом общения «радость, счастье» в группах согласных с суждениями о буллинге, троллинге и учителе превалируют над значениями в группе несогласных (в группах согласных с суждениями — 33,9%, 31,3%, 35,4% и в группах несогласных — 26,6%, 26,6% и 25,9% соответственно. В группах респондентов, не одобряющих практики троллинга, буллинга и проявления неуважения к учителю, значительно выше значения смысла общения как внутренней потребности, чем в группах, одобряющих эти практики (27,2%, 26,9% и 27,5% против 16,9%, 19,1% и 16,7% соответственно). А это означает, что социокультурные девиации регулируют взаимодействия в молодёжных группах, вследствие чего общение с собеседником перестаёт осмысливаться молодыми людьми как внутренняя потребность,

а самоутверждение на фоне собеседника доставляет радость и счастье, как самому инициатору травли, провокации, так и тем, кому потенциальная жертва травли попросту не нравится. Это пример не просто социокультурного отклонения, но проявления деструктивной составляющей девиаций в социальных взаимодействиях молодёжи. Поскольку в рассматриваемых случаях девиации регулируют взаимодействия на основании образцов глумления, издевательств, групповой травли и провокаций над другими участниками, которые невольно становятся жертвами инициаторов травли. Вероятно, молодые люди, которые осмысливают взаимодействия с окружающими через призму социокультурных девиаций, испытывают проблемы в общении с близкими, кроме того, это свидетельствует о недостаточной сформированности у них навыков полноценного общения. Прибегая к таким практикам, молодые люди, помимо всего прочего, пытаются обратить на себя внимание окружающих.

Проанализируем связи ожиданий от общения с формами социокультурных девиаций молодёжи. В анкете респондентам было предложено ответить на вопрос: «А что Вы ожидаете от общения?». Полученные взаимосвязи представлены в таблице 4.

Таблица 4

Связь ожиданий от общения с формами социокультурных девиаций молодёжи, %

Формы социокультурных девиаций	Ожидания от общения (а что Вы ожидаете от общения?)							
	Внимания и понимания других	Терпимости к моим взглядам	Единомыслия с близкими	Помощи и поддержки, когда я в этом нуждаюсь	Вежливости	Доверия	Асимптотическая значимость	
«Буллинг» (насмешки, издевательства, травля)...	Согласен	36,6	12,6	19,7	6,0	3,3	7,1	0,001
	Не согласен	39,6	5,4	24,8	3,8	3,2	3,8	
«Тролинг» (провокации, разжигание ссор...	Согласен	38,9	10,4	21,5	9,7	4,2	5,2	0,009
	Не согласен	39,3	5,3	24,8	10,8	3,0	3,9	
«Пранк» (розыгрыш) — это хороший способ...	Согласен	39,2	6,8	25,9	9,7	3,2	3,6	0,846
	Не согласен	39,3	5,8	23,4	11,1	3,1	4,4	
Учитель не имеет права требовать...	Согласен	38,4	9,5	22,4	8,0	3,8	4,6	0,348
	Не согласен	39,4	5,5	24,5	11,1	3,1	4,1	

Источник: данные исследования «Саморегуляция жизнедеятельности молодёжи – 2021».

Как следует из таблицы 4, смыслы-суждения «Буллинг (насмешки, издевательства, травля) допустимы, если человек не приятен» и «Троллинг» (провокации, разжигание ссор, кривляние) — это норма общения» дифференцируют молодёжь по такому ожиданию от общения как «терпимость к моим взглядам» (от 10,4% до 12,6% в группе согласных против 5,3–5,4% — у несогласных). По-видимому, молодые люди полагают, что свидетели происходящего с терпимостью отнесутся к учинённой ими травле и словесным провокациям. Атмосфера терпимости выгодна агрессорам, поскольку все окружающие воспринимают травлю и провокацию как нормальное поведение, происходящее в рамках правил, которые навязывают окружающим сами агрессоры. Смысл-суждение о допустимости буллинга дифференцирует молодёжь по смыслу общения «единомыслие с близкими» (19,7% среди согласных к 24,8% среди несогласных). Из этого следует, что участие этой формы социокультурных девиаций в регуляции социальных взаимодействий в молодёжной среде не сопровождается у молодых людей ожиданием того, что в ходе акции у агрессора появятся новые единомышленники. Агрессор, таким образом, ожидает что он сам будет вершить свой суд над жертвой по своим правилам, и не рассчитывает сильно на понимание близких людей.

Теперь рассмотрим, как проявляют себя девиации в регулировании взаимодействий молодёжи в сфере образования. В таблице 5 представлены связи смыслов образования с рассматриваемыми формами социокультурных девиаций. Сущностное понимание образования раскрывается через ответы респондентов на вопрос «В чем для Вас смысл образования?». Терминальный смысл образования определялся набором следующих характеристик: развитие способностей, потребность в познании и общая культура. Инструментальный смысл: диплом, престиж и возможность сделать карьеру.

Таблица 5

Связь смыслов образования с формами социокультурных девиаций молодёжи, %

Формы социокультурных девиаций	Смысл образования							
	Развитие способностей	Диплом	Потребность в познании	Престиж	Возможность сделать карьеру	Общая культура	Асимптотическая значимость	
«Буллинг» (насмешки, издевательства, травля)...	Согласен	23,5	26,8	13,7	1,6	28,4	6,0	0,442
	Не согласен	28,0	23,5	10,1	2,8	29,5	6,0	
«Троллинг» (провокации, разжигание ссор...	Согласен	24,3	28,5	12,8	2,1	26,0	6,3	0,155
	Не согласен	28,2	22,9	10,0	2,8	30,1	6,0	
«Пранк» (розыгрыш) — это хороший способ...	Согласен	22,2	24,1	11,0	3,2	32,8	6,8	0,024
	Не согласен	30,0	23,8	10,3	2,4	27,8	5,7	

Формы социокультурных девиаций	Смысл образования						
	Развитие способностей	Диплом	Потребность в познании	Престиж	Возможность сделать карьеру	Общая культура	Асимптотическая значимость
Учитель не имеет права требовать...							
Согласен	27,0	26,6	12,9	3,8	22,1	7,6	0,047
Не согласен	27,6	23,4	10,0	2,5	30,8	5,7	

Источник: данные исследования «Саморегуляция жизнедеятельности молодёжи – 2021».

Из анализа таблицы 5 следует, что смыслы-суждения «Пранк» (розыгрыш) — это хороший способ повеселиться и не надо его стесняться, если это прикольно» и «Учитель не имеет права требовать от ученика уважения и послушания, потому что он оказывает образовательную услугу, а клиент всегда прав» дифференцируют молодёжь по смыслу образования «Возможность сделать карьеру». При этом, если по отношению к пранку значение связи в группе согласных с суждением об этой практике превалирует над значением в группе несогласных с ней (32,8% среди согласных и 27,8% среди несогласных), то в группах разделяющих суждение об учителе ситуация обратная: 22,5% среди согласных к 30,8% среди несогласных. Объясняется это тем, что для молодых людей, разделяющих практики злых розыгрышей, сфера образования рассматривается как арена самопрезентации, на которой можно завоевывать популярность у группы.

Самоутверждаясь за счёт окружающих, выкладывая, как им представляется, смешные ролики в интернет и в дальнейшем монетизируя свой контент, пранкеры оправдывают применение практик злых розыгрышей по отношению к другим участникам образовательного процесса. Для тех молодых людей, которые рассматривают учебный процесс как источник получения знания, а учителя как наставника, заслуживающего уважения, построение карьеры в будущем связывается скорее с прилежным обучением и послушанием. Смысл-суждение о допустимости пранка также дифференцирует молодёжь по смыслу образования «развитие способностей». Значение доли несогласных превалирует над соответствующим значением в группе согласных с этим суждением (30,0% к 22,0%). Полученные данные свидетельствуют в пользу вывода о том, что эта форма социокультурной девиации регулирует взаимодействия в молодёжной среде в сфере образования посредством переосмысления её как бесполезной для развития способностей.

Выводы. Таким образом, социокультурные девиации молодёжи, в своей смысловой основе построенные на разобщении и самоутверждении за счёт других, реализуются в одобрении буллинга, троллинга, пранка и проявлении неуважения к учителю. Ориентация молодых людей на эти образцы во взаимодействиях в значимых сферах жизнедеятельности приводит к тому, что смысловое пространство этих сфер жизнедеятельности тоже меняется. Разделяемые девиантные смыслы регулируют ожидания молодых людей в сфере труда посредством переосмысления труда как общественно бесполезного или как вынужденной необходимости, а сами ожидания связываются не с профессиональной самореализацией, а с заработком денег и с возможностями для ведения предпринимательской деятельности.

В сфере образования выбор участниками социальных взаимодействий социокультурных девиаций в качестве образцов взаимодействий приводит к тому, что образование начинает осмысливаться ими как система, не способствующая развитию способностей у учащихся, а нахождение в этой системе должно сопровождаться поиском возможностей для построения карьеры в будущем.

Опора на социокультурные девиации в сфере межличностных взаимодействий способствует переосмыслению общения не как внутренней потребности, а как возможности испытать радость и счастье в процессе самоутверждения над собеседником. Таким образом, нормализация девиантных смыслов имеет более глубокие последствия, отражаясь в саморегуляции взаимодействий молодёжи в социально значимых сферах жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Общая социология / Под общ. ред. А. Г. Эфендиева. М. : Инфра-М, 2009. 654 с. ISBN 978-5-16-000176-0. EDN [QOJLRR](#).
2. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени : пер. с англ. М. : Наука, 1997. 352 с. ISBN 5-02-013649-2.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики : пер. с англ. М. : Фонд экономический книги «Начала», 1997. 180 с. ISBN 5-88581-006-0. EDN [YQDVYE](#).
4. Сорокин О. В. Смысловые компоненты отношения к родине в культурном пространстве молодёжи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2021. № 3(284). С. 110–121. DOI [10.53598/2410-3691-2021-3-284-110-121](#). EDN [TTBUHU](#).
5. Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Г. В. Осипова. М. : Норма–Инфра-М, 1998. 488 с. ISBN 5-89123-162-X. EDN [TRWDJG](#).
6. Чешев В. В. Россия и этос капитализма // Идеи и идеалы. 2015. Т. 1, № 1(23). С. 20–32. EDN [TNVPJR](#).
7. Бахитановский В. И., Согомонов Ю. В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социологические исследования. 2003. № 5(229). С. 8–20. EDN [OOOTIP](#).
8. Сорокин П. А. Кризис нашего времени. М. : ИСПИ РАН, 2009. 384 с. ISBN 978-5-7556-0409-3. EDN [QOKKGX](#).
9. Зубок Ю. А., Яковук Т. И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. Брест : Альтернатива, 2008. 204 с. ISBN 978-985-521-004-8. EDN [XSNCSF](#).
10. Сафьянов В. И. Этика общения. М. : МГУИ, 1998. 164 с. ISBN 5-8122-0042-4. EDN [UTUTME](#).
11. Сорокин О. В. Отклоняющиеся смыслы в межличностных коммуникациях молодежи через призму тезаурусного подхода // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 3. С. 145–158. DOI [10.17805/zpu.2021.3.11](#). EDN [KMOVBJ](#).
12. Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности : дис... д-ра социол. наук : 22.00.04 / Чанкова Елена Вадимовна. М., 2018. 382 с. EDN [FVUKDM](#).
13. Цифровая культура: правила, ответственность и регуляция / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, С. В. Чигарькова, Е. Н. Львова // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : сб. науч. ст. / Под общ. ред. Р. В. Ершовой. Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 374–379. EDN [XWNBXV](#).
14. Becker H. S. Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance. NY : Free press, 1963. 177 p. ISBN 978-0684836355.
15. Ben-Yehuda N. Contextualizing deviance within social change and stability, morality, and power // Sociological Spectrum. 2006. Vol. 26(6). P. 559–580. DOI [10.1080/02732170600948790](#).
16. Goode E. Deviance, norms, and social reaction // Deviant Behavior. 1981. № 3-1. P. 47–53.
17. Bryand C. D., Forsyth C. J. The complexity of deviant lifestyles // Deviant Behavior. 2012. Vol. 33(7). P. 525–549. DOI [10.1080/01639625.2011.636694](#).
18. Zajdow G. Moral panics: The old and the new // Deviant Behavior. 2008. Vol. 29(7). P. 640–664. DOI [10.1080/01639620701839476](#).

19. Социология преступности (Современные буржуазные теории) : сб. ст. / Под ред. Б. С. Никифорова. М. : Прогресс, 1966. 319 с.
20. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с. ISBN 5-85691-036-2.
21. Тощенко Ж. Т. Социология жизни: поиск ответа на научные и общественные вопросы // Социологическая мозаика-2018. М. : КноРус, 2018. С. 147–221. EDN YLDIEH.
22. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2007. 487 с. ISBN 978-5-89357-237-7. EDN QXQUUJ.
23. Чуров В. И., Zubok Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : Норма, 2014. 352 с. ISBN 978-5-91768-444-4. EDN XRYSUR.
24. Zubok Ю. А., Любутов А. С. Молодёжь в социокультурной реальности российского общества: смысловые детерминанты саморегуляции // Россия реформирующаяся. 2022. № 20. С. 339–378. DOI [10.19181/ezheg.2022.13](https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.13). EDN JEIBXB.

Поступила: 16.06.2024. Доработана: 12.08.2024. Принята: 29.08.2024.

Сведения об авторе:

Сорокин Олег Владимирович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия. sorokinov@my.msu.ru

Author ID РИНЦ: 719446; ORCID: 0000-0003-2597-9465

O. V. Sorokin¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

SOCIO-CULTURAL DEVIATIONS IN THE REGULATION OF SOCIAL INTERACTIONS OF YOUNG PEOPLE

Abstract. Social interactions in the youth environment are regulated not only on the basis of generally accepted models, but also on the basis of goals-principles that are formed among young people themselves as a response to changes in social and cultural conditions of life. From the point of view of the institutionally approved norm, these principles are socio-cultural deviations. At the level of consciousness, they are represented in the form of various configurations of meanings-judgments that are realised by different groups of young people in the process of interactions. One of the manifestations of deviation is the regulatory meanings orienting to separation and self-assertion at the expense of others. The data obtained in the course of a nationwide survey conducted by the Centre for Sociology of Youth of ISPR FCTAS RAS in 2021 are analysed. The links between labour, education and interpersonal interactions with sociocultural deviations of young people in social reality are considered. The incorporation of sociocultural deviations into the process of regulating interactions in the youth environment is reflected in young people's justification of the practices of bullying, provocation, evil pranks and disrespect for teachers as acceptable ways of interaction in important spheres of life. Their use is accompanied by the assignment of certain semantic characteristics to labour, communication and education in youth groups. In the course of data analysis, it was found that judgments about bullying and trolling differentiate young people by the meaning of labour "feeling of their usefulness". In addition, the judgement of bullying differentiates youth on the meaning of "forced necessity". The links of respondents' approval of judgements about bullying, trolling and teacher with the meaning of communication "joy, happiness" and "inner need" were revealed. It was also found that judgements about prank and teacher differentiate young people according to the meanings of education "opportunity to make a career" and "development of abilities".

Keywords: youth, social interactions, socio-cultural deviations, social reality, regulation of interactions

For citation: Sorokin O. V. Socio-cultural deviations in the regulation of social interactions of young people. *Science. Culture. Society*. 2024;30(3):61–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.4>

References

1. Efendiev A. G. (ed.). General sociology. Moscow: Infra-M; 2009. (In Russ.). ISBN 978-5-16-000176-0.
2. Sorokin P. A. The Basic trends of our time. Moscow: Nauka; 1997. (In Russ.). ISBN 5-02-013649-2.
3. North D. Institutions, institutional change and economic performance. Moscow: Nachala; 1997. (In Russ.). ISBN 5-88581-006-0.
4. Sorokin O. V. Semantic components of attitudes towards the homeland in the cultural space of young people. *The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"*. 2021;(3):110–121. (In Russ.). DOI [10.53598/2410-3691-2021-3-284-110-121](https://doi.org/10.53598/2410-3691-2021-3-284-110-121).
5. Osipov G. V. (ed.). Sociological Encyclopedic Dictionary. Moscow: Norma–Infra-M, 1998. (In Russ.). ISBN 5-89123-162-X.
6. Cheshev V. V. Russia and the ethos of capitalism. *Ideas and Ideals*. 2015; 1(1):20–32. (In Russ.).
7. Bakshtanovsky V. I., Sogomonov Yu. V. Sociology of morals: normative values systems. *Sociological Studies*. 2003;(5):8–20. (In Russ.).
8. Sorokin P. A. The crisis of our time. Moscow: ISPI RAN; 2009. (In Russ.). ISBN 978-5-7556-0409-3.
9. Zubok Yu. A., Yakovuk T. I. Spiritual life of youth in the transforming society. Brest: Alternativa; 2008. (In Russ.). ISBN 978-985-521-004-8.
10. Safyanov V. I. Ethics of communication. Moscow: MGUP; 1998. (In Russ.). ISBN 5-8122-0042-4.
11. Sorokin O. V. The thesaurus approach in the study into deviant meanings of interpersonal communication of young people. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2021;(3):145–158. (In Russ.). DOI [10.17805/zpu.2021.3.11](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.11).
12. Chankova E. V. Communicative competence of personality in the conditions of changing social reality: Doctor Degree Thesis. Moscow; 2018. (In Russ.).
13. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Chigarkova S. V., Lvova E. N. Digital culture: rules, responsibility and regulation. In: Ershova R. V. (ed). Digital society as a cultural and historical context of human development: coll. of scientific articles. Kolomna: State University of Humanities and Social Studies; 2018. P. 374–379. (In Russ.).
14. Becker H. S. Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance. New York: Free press; 1963. ISBN 978-0684836355.
15. Ben-Yehuda N. Contextualizing deviance within social change and stability, morality, and power. *Sociological Spectrum*. 2006;26(6):559–580. DOI [10.1080/02732170600948790](https://doi.org/10.1080/02732170600948790).
16. Goode E. Deviance, norms, and social reaction. *Deviant Behavior*. 1981;(3-1):47–53.
17. Bryand C. D., Forsyth C. J. The complexity of deviant lifestyles. *Deviant Behavior*. 2012;33(7):525–549. DOI [10.1080/01639625.2011.636694](https://doi.org/10.1080/01639625.2011.636694).
18. Zajdow G. Moral panics: The old and the new. *Deviant Behavior*. 2008;29(7):640–664. DOI [10.1080/01639620701839476](https://doi.org/10.1080/01639620701839476).
19. Nikiforov B. S. (ed.). Sociology of crime (modern bourgeois theories): col. of art. Moscow: Progress; 1966. (In Russ.).
20. Berger P., Luckmann T. The social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium; 1995. (In Russ.).
21. Toshchenko Jh. T. Sociology of life: the search for an answer to scientific and social questions. In: Sociological Mosaic-2018. Moscow: KnoRus; 2018. P. 147–221. (In Russ.).
22. Leontiev D. A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality. Moscow: Smysl; 2003. (In Russ.). ISBN 978-5-89357-237-7.
23. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. Attitude to social reality in Russian society: sociocultural mechanism of formation and reproduction. Moscow: Norma; 2014. (In Russ.). ISBN 978-5-91768-444-4.
24. Zubok Yu. A., Lyubutov A. S. Youth in the socio-cultural reality of Russian society: semantic determinants of self-regulation. *Rossiia reformiruyushchayasya*. 2022;(20):339–378. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2022.13](https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.13).

Received: 16.06.2024. Corrected: 12.08.2024. Accepted: 29.08.2024.

Information about the author:

Oleg V. Sorokin, Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. sorokinov@my.msu.ru
ORCID: [0000-0003-2597-9465](https://orcid.org/0000-0003-2597-9465)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.3.5](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.5)
EDN [ADXWES](https://edn.ru/ADXWES)
УДК 316.6+391.91

Е. И. Медведева¹, С. В. Крошили^{1,2}

¹ Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

² Рязанский государственный медицинский университет им. академика И. П. Павлова.
Рязань, Россия

МОТИВАЦИЯ НА «ТАТУ» ИЛИ ЧЕМ ОПРАВДАНЫ ЗАТРАТЫ НА САМОВЫРАЖЕНИЕ ИНДИВИДА

Аннотация. Целью статьи является выявление новых трендов восприятия татуировок современным социумом с дополнительным фокусом анализа мотивов принятия решений об их нанесении, включая финансовый аспект затрат на данный вид самовыражения индивида. Объект исследования — доминантные причины/факторы татуирования в современных реалиях. Предмет — современные тренды восприятия татуировок различными категориями работающих россиян с акцентом на выявление противоречий между самореализацией посредством нанесения татуировок и возникающими препятствиями со стороны общества. Авторы используют аналитические подходы и статистические методы сравнения при анализе вторичных и получении первичных данных по изучаемой проблематике. В качестве первичной информации были использованы данные авторских исследований 2023 года. Также был применён метод контент-анализа высказываний в ходе тематической дискуссии на портале педагогического сообщества. Как показало исследование, внутри социума ситуация неоднозначна. Значительное число россиян заинтересованы в самовыражении через татуирование, но в обществе по-прежнему распространено традиционно настороженное отношение к обладателям татуировок, особенно к тем, кто трудоустроен в социальных отраслях. Для носителей «тату», вне зависимости от их профессиональных качеств, зачастую возникают существенные барьеры при трудоустройстве и продвижении по карьерной лестнице. Несмотря на это, данные исследования демонстрируют тренд роста числа обладателей татуировок. Те, кто ими уже «обзавёлся» ранее, готовы к дальнейшим финансовым затратам на обновление старых и нанесение новых татуировок. Объём средств, которые планируют, хотя и могут потратить респонденты на татуирование, несмотря на сложную экономическую обстановку, достигает 100 тыс. руб. Результаты исследования могут быть практически значимы для учёных, специалистов, а также исследователей потребительского поведения россиян с т.зр. экономических аспектов принятия решений на новые виды товаров и услуг и специфики формирования трат на самовыражение.

Ключевые слова: потребитель, потребительское поведение, татуировка, мотивация на тату, татуирование, позиционирование индивида, самовыражение

Для цитирования: Медведева Е. И., Крошили С. В. Мотивация на «тату» или чем оправданы затраты на самовыражение индивида // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 78–93. DOI [10.19181/nko.2024.30.3.5](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.5). EDN [ADXWES](https://edn.ru/ADXWES).

Нельзя назвать ни одной великой страны,
от полярных областей на севере до Новой Зеландии на юге,
в которой аборигены не татуировали себя.

Чарльз Роберт Дарвин

Введение. Если для западного общества татуирование¹ собственного тела воспринимается как нормальное распространённое явление, то в России отношение к данному виду самовыражения до сих пор неоднозначно. На западе, по име-

¹ Татуирование (от полинезийского tatau) — универсальный обычай выводить на теле неизгладимые знаки (линии, узоры, изображения деревьев, цветов, животных и др. фигуры) посредством введения в кожу механическим путём (накалыванием, надрезанием) красящих веществ. В современном обществе всё чаще употребляется сокращение «тату». Источник: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/99747/Татуирование (дата обращения: 24.02.2024).

© Медведева Е. И., Крошили С. В., 2024

ющимся статистическим данным [1; 2; 3], с конца 80-х годов прошлого столетия уже наблюдалась устойчивая тенденция к увеличению количества взрослого населения, которые имеют татуировки. Так в США в 90-х годах было татуировано около 5% взрослого населения² [4]. В начале нашего столетия (2001 г.) их число увеличилось до 20%, в 2006 г. показатель был равен 24%, в 2015 — примерно четверть взрослого населения имели «тату» [5]. В России подобной регулярной статистики не ведётся и можно судить о динамике охвата только на основе отдельных исследований. Например, в 2013 году опрос газеты «Аргументы и факты» показал, что татуировки есть у 8% читателей из возрастной группы 16–24 лет, у 27% в возрасте 25–44 лет и 40% у тех, кто старше 45 лет³.

В нашей стране процессы татуирования в обществе как относительно массовое явление начались с конца XX в. в период радикальной «перестройки», когда изменениям подверглись не только политические и экономические основы развития нашего общества, но и были пересмотрены социальные и культурные традиции. Практически сразу современная российская тату-культура [6; 7], стала позиционировать себя как направление современного художественного искусства. Большинство тех, кто сделал себе татуировки, квалифицировали их как произведение искусства. С другой стороны, для конца 90-х – начала 2000-х характерны иные варианты нанесения татуировок, — их обладатели зачастую аппроксимировались с тюремными наколками. Данная тенденция к началу 2000-х коренным образом изменилась и «новые» татуировки уже не могли ни по качеству, ни по смысловой нагрузке интерпретироваться как непрофессионально выполненные «армейские» или «тюремные» иллюстрации тем [8]. В этот период уже просматривается тенденция, когда «тату» начинают интересоваться как различные возрастные когорты, так и определённые субкультуры. Ещё более очевидным становится тренд на повышающийся спрос среди состоятельных людей из высоких социальных страт: звёзд кино, артистов, спортсменов и даже политических деятелей.

Новое поколение россиян совершенно по-иному воспринимает татуировки. Даже в начале 2000-х годов этот «вид искусства украшения собственного тела» не был так популярен как сегодня. Что именно способствует и мотивирует россиян на «тату», и чем они готовы оправдать достаточно весомые затраты на такую форму самовыражения — основные вопросы данного исследования.

«Тату» и позиционирование индивида в обществе. Истрия вопроса. Многие россияне до сих пор склонны считать, что нанесённый на тело рисунок в виде «тату» — это в большей степени атрибут преступного мира. Неоднозначное отношение к такому способу украшения своего тела и в различных странах. Для лучшего представления изучаемой проблемы целесообразно представить варианты отношения к татуировкам (включая исторический обзор) в разных странах в форме таблицы (см. табл. 1).

Каждая страна имеет свои ментальные характеристики, которые предопределили развитие татуирования тела людей. В каких-то случаях это обычаи, связанные с украшением, когда-то данные рисунки выступали своего рода оберегами. Сейчас, в частности, молодое поколение всё чаще прибегает к татуированию себя для собственной самореализации, чтобы, как они повествуют, «выделиться в толпе».

² Лиходед В. Татуировка — тайна, история, жизнь. М.: Лабиринт, 2005. 128 с. ISBN 5-9287-0682-0.

³ Вы могли бы сделать себе татуировку?: результаты опроса // Аргументы и факты. 27.09.2013. URL: <http://www.aif.ru/health/life/939932> (дата обращения: 20.02.2024).

Таблица 1

Ментальные характеристики и отношение к татуировкам в разных странах

Страна	Характеристика /отношение к «тату»
Соединённые Штаты Америки	Татуировки являются неотъемлемой частью поп-культуры и сегодня модернизируются в зависимости от развития социума. Исторически тату-культура в США базируется на временах морских путешествий либо военных походов. Сегодня «тату» становится частью многих субкультур и вариантом самовыражения. Татуировки также стали предметом популярных телешоу и реалити-сериалов, стимулируя развитие рынка соответствующих услуг, способствуя популяризации данного направления и процесса принятия их обществом.
Западная Европа (в целом)	В Западной Европе «тату» воспринимается как форма искусства и самовыражения. Направлений развития сферы татуирования множество. Развитие происходит также благодаря тенденциям глобализации. В конкретных странах региона наблюдаются различия в отношении к татуировкам, но общий тренд для Европы — признание «натальной живописи» как формы искусства и средства самовыражения.
Восточная Европа: Польша, Россия	Отношение к татуировкам в большинстве своём скептическое. В данных странах сохраняется ассоциация наличия татуировок с криминальным миром или маргинальными слоями. Однако наблюдается тенденция к более свободному и открытому восприятию, особенно в больших городах и среди молодёжи.
Скандинавские страны: Швеция, Норвегия, Дания	В Скандинавских странах татуировки у людей встречаются достаточно часто. Отношение к ним в обществе более либеральное. Эти страны можно охарактеризовать как ориентированные на более высокую ценность индивидуальности и самовыражения. Татуировки могут быть как средством личной идентификации, так и продолжением древних традиций, таких как символы викингов и руны, отражающие культурное наследие.
Латинская Америка: Мексика и страны Центральной Америки	Отношение к татуировкам переплетается с культурными и социальными вопросами. Часто татуировки имеют символическое и религиозное значение. В некоторых регионах Латинской Америки, где действуют более строгие социальные нормы, татуировки могут восприниматься как знак бунтарства или принадлежности к определённой социальной группе.
Австралия, Океания, Новая Зеландия	Татуировки здесь имеют глубокий культурный и исторический контекст. Для маори традиционные татуировки, или «та моко», являются главным способом выражения личной идентичности, социального статуса и семейной истории. Каждый узор имеет особое значение и часто передаётся по наследству, обозначая связь человека с его предками и племенем. В Австралии и Океании сегодня татуировки получили вторую жизнь. Новые форматы и спектр стилей — от традиционных и культурно значимых узоров до современных дизайнов — характеризуют современное развитие тату-культуры.
Индия	В основе татуирования лежат религиозные и культурные значения. Традиционные мехенди являются временными татуировками, которые согласно обычаям рисуют хной во время свадебных церемоний.
Япония	Существуют различные стили, характерные именно для Японии. Например, ирезуми (татуировки с изображением драконов, гейш, карпов и других символов). Другой, отличный от него стиль — якудза — ассоциируется с японской мафией, а в хоримоно присутствуют рисунки, отображающие природные мотивы, цветы, водопады, горы.

Окончание таблицы 1

Страна	Характеристика /отношение к «тату»
Китай	Популярны татуировки в стиле гонг би (татуировки, имитирующие каллиграфию и стиль письма гонг би), китайские иероглифы и символы, а также изображения драконов и фениксов — символов силы и удачи.
Корея	В данной стране татуировки могут выполнены в стиле мунхва (корейская живопись) либо содержать корейские иероглифы.
Страны Африки	Татуировки в Африке представляют собой важную часть идентичности и истории африканского народа, являясь важным элементом культуры. Они используются как для косметических, так и для религиозных и социальных целей. Татуировки могут наноситься для обозначения молодости, красоты, силы и мужества, а также «тату» могут быть связаны с обрядами перехода во взрослость или относиться к клану/роду. Можно сказать, что «тату» в африканских странах являются определённой формой искусства и ремесла, передаваемого из поколения в поколение.

Источник: Составлено авторами на основе открытых источников⁴.

Однако до сих пор в обществе присутствуют стереотипы и предрассудки на тему татуирования. Схематично самые распространённые стереотипы и предрассудки представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. Предрассудки и стереотипы, связанные с татуированием человека

Источник: Составлено авторами на основе источников [9; 10; 11; 12].

⁴ Как татуировки воспринимаются в разных странах? // TatuFoto.com. 9.11.2023. URL: <https://tatufoto.com/2023/11/kak-tatuirovki-vosprinimayutsya-v-raznyx-stranax/>; Азиатские татуировки: культура, история и искусство // Inked Ink. 29.07.2023. URL: <https://inkedink.ru/8206-aziatskie-tatuirovki>; Тату-дэй Л. Основные особенности африканской культуры татуировки // TattooToday.org. 24.01.2023. URL: <https://tattootoday.org/tattoo-history/articles-about-the-tattoo/africa-tribes> (дата обращения: 03.03.2024).

В наше время, по оценке Объединённого исследовательского центра Еврокомиссии (European Commission's Joint Research Centre), у 12% европейцев и порядка 24% людей, проживающих в Соединённых Штатах, имеются татуировки [13]. Анализируя данные по различным возрастным группам можно сказать, что среди подростков распространённость «тату» может быть вдвое выше. Очевидно, что в развитых странах восприятие татуировок и перманентного боди-арта у женщин позитивнее, нежели чем у мужчин.

Сменился тренд увлечения: с татуировок, характерных для люмпенизированного слоя населения спрос распространился на все когорты вне зависимости от уровня дохода, сферы деятельности и места проживания. Даже граждане, работающие в традиционно социально-ориентированных и консервативных сферах (образование, здравоохранение и пр.), стали более лояльно относиться к внешнему виду сотрудников с татуировками.

Методы исследования изучаемой проблемы. Дизайн структуры исследования включал в себя два этапа: первый — кабинетный, подразумевающий анализ вторичных данных, отражающих тренды развития тату-индустрии, выявляющих мнение россиян о возможности нанесения «тату» в зависимости от сферы их деятельности, а также анализ трендов татуирования и выведения «тату» в современных реалиях. Информационную базу этого этапа составили данные информационно-аналитических агентств, материалы отечественных и зарубежных экспертов, результаты социологических исследований различных организаций. Также применялся контент-анализ для изучения мнения родителей по отношению к татуировкам учителей и самих учителей (проанализировано 162 высказываний экспертов) в рамках дискуссионного обсуждения на цифровой платформе Урок.рф⁵.

В рамках второго этапа работы с целью получения первичной информации было проведено качественное исследование в форме глубинного структурированного интервью⁶ среди имеющих татуировки на своём теле граждан, которые на момент опроса работали в образовании, здравоохранении, сфере культуры, предпринимательства, на производственных предприятиях, государственных учреждениях, в спорте, сельском хозяйстве, в банковском секторе, транспорте. Также в выборку включили учащихся в техникумах/училищах/ВУЗах. Был разработан инструментарий, а именно гайд глубинного структурированного экспертного интервью. Полученные результаты стали основой для выявления трендов развития запросов общества на самореализацию индивида посредством нанесения татуировок с акцентом на изучение потенциальных рисков от данной процедуры в дальнейшем (в т.ч. связанных с трудоустройством и продвижением по карьерной лестнице), что, по сути, стало гипотезой данного исследования.

⁵ Учитель с татуировками — это нормально? : ветка дискуссии // Урок.рф. 15.02.2020. Всего просмотрено 4701. URL: <https://урок.рф/discussion/653678> (дата обращения: 24.02.2024).

⁶ Пилотное (качественное) исследование, реализованное в форме глубинного структурированного интервью. При формулировании вопросов гайда были учтены особенности опрашиваемых экспертов. Это позволяет получить релевантные данные среди различных групп опрашиваемых: 1 — кто имеет «тату», 2 — кто планирует нанесение новых «тату», 3 — респондентов, столкнувшихся со сложностями и задумавшихся о сведении татуировок. В качественном исследовании приняли участие 30 экспертов. 60% женщин и 40% мужчин. Это обусловлено спецификой изучаемой проблематики и возможностями (желанием мужчин) респондентов участвовать в исследовании. Возраст респондентов: 20% — до 18 лет; 53,3% — 19–25 лет; 6,7% — 26–40 лет; 20% — 41–50 лет. Более половины респондентов учатся в высших и средних профессиональных учебных заведениях; 36,7% имеют среднее профессиональное образование; 10% — высшее. Порядка 55% выборки работают в частном секторе, в государственных организациях — 45%.

Уникальность исследования заключается в возможности многоаспектного анализа специфики восприятия данного явления различными категориями граждан, включая тех, кто имеет «тату», кто планирует их нанесение, а также тех, кто уже столкнулся с определёнными трудностями и задумался над вопросом удаления нательных рисунков.

Статистика изучаемого вопроса. Для анализа динамики показателей актуальности изучаемого явления был сделан запрос в поисковой системе Google по вопросам/направлениям: «стоимость тату», «сделать тату», «вывести тату» (за пять лет, в период с 20 января 2019 г. по 20 января 2024 г. Графическая интерпретация полученных данных представлена на рисунке 2.

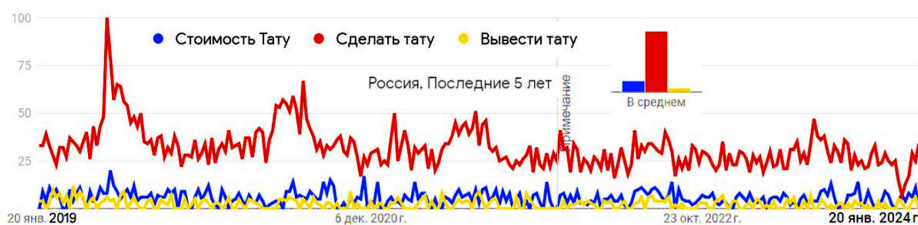

Рисунок 2. Количество запросов российских пользователей в поисковой системе Google по направлениям «стоимость тату», «сделать тату», «вывести тату» (данные за пять лет, с 20.01.2019 по 20.01.2024)

Источник: Построено авторами на основе статистики запросов в поисковой системе Google.

За прошедшие 5 лет видны скачкообразные изменения запросов на тему татуирования. Максимум запросов наблюдался весной 2019 года, второй скачок произошёл ближе к концу 2020 г. Достаточно стабильной выглядит динамика показателей запроса «Вывести тату». Наряду с этим пользователи всегда интересуются вопросом цены, т.е. «какова стоимость тату». В один из периодов роста числа пользовательских запросов «Сделать тату», Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провёл среди россиян опрос по теме «Отношение россиян к татуировкам»⁷. В результате исследования было выявлено, что 11% россиян в возрасте 18 лет и старше имеют татуировки, ещё 4% хотят их набить, а 3% свести. В среднем наши соотечественники имеют 2 татуировки.

Стремлением выделиться среди других объясняют татуирование 43% опрошенных россиян. 41% считает, что это просто «дань моде», почти треть (27%) уверена, что наличие татуировки — это знак, что человек «отбывал срок в тюрьме». Пятая часть (20%) видит в «тату» стремление «украсить себя» (см. рис. 3).

В отношении мотивации для нанесения татуировок, можно выделить три основные группы. Треть (30%) опрошенных респондентов-обладателей «тату» обосновывает данное решение «глупостью, молодостью». Почти столько же (29%) сделали свою первую «тату» в армии (в память о службе). Пятая часть (19%) сказали, что «просто было желание сделать». Среди остальных, реже встречаемых мотивов, 6% считают тату красивым украшением, 4% сделали татуировку на память. Аналогичное количество респондентов обосновали своё решение следующим девизом: «Многие делают и я тоже» и связали это с «символом своих убеждений» (см. рис. 4).

⁷ На эту и на ту, зачем мы бьем тату? // ВЦИОМ. 23.07.2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/na-etu-i-na-tu-zachem-my-bem-tatu> (дата обращения: 02.02.2024)

Рисунок 3. Перечень причин для нанесения татуировок (до трех ответов), %

Источник: Данные опроса ВЦИОМ об отношении россиян к татуировкам, 2019 г.⁸

Рисунок 4. Мотивы принятия решения о нанесении «тату» (до трех ответов), % от тех, у кого сейчас есть татуировки

Источник: Данные опроса ВЦИОМ об отношении россиян к татуировкам, 2019 г.⁹

Треть тех, кто сейчас имеет татуировки (27%), хотели бы в будущем от них избавиться. Мотивация у 34% респондентов связана с чувством стыда и ощущением того, что «это неприлично». Практически столько же респондентов (33%) считают, что она была сделана не совсем качественно и теперь выглядит некрасиво. 16% обосновали своё желание избавиться от «тату» тем, что она им просто уже «надоела и перестала нравиться». Всего лишь 5% обосновали данную необходимость «требованиями работодателя» и столько же опрошенных — «отсутствием актуальности» (см. рис. 5).

Многие работодатели вносят ограничения на наличие «тату» по определённым должностям. Наличие татуировок, которые нельзя скрыть под одеждой, может стать препятствием работы в банке, если сотрудником непосредственно контактирует с клиентом. Аналогичные требования к стюардессам, к телеведущим. Отдельная полемика разворачивается вокруг возможности иметь «тату» у преподавателей ВУЗов и в школе. Остановимся на данном вопросе подробнее.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Рисунок 5. Мотивация к сведению татуировки/желанию свести «тату» в будущем (до трех ответов), % от тех, кто свёл татуировки или хотел бы их свести

Источник: Данные опроса ВЦИОМ об отношении россиян к татуировкам, 2019 г.¹⁰

«Тату» в сфере образования (допустимо ли делать «тату» преподавателям и учителям?). Можно выделить позитивные и негативные аспекты обучения детей и подростков учителями с нанесёнными на тело рисунками.

Из наиболее положительных вариантов в отношении обучения выделяют «доступность» при общении и обсуждении проблемных тем, укрепление образовательных взаимоотношений «ученик-учитель», вариант «вдохновения» учеников и даже зачастую «продвижения» инклюзивности (см. рис. 6).

Но существуют и сложности при педагогической практике людьми, имеющими «тату». Так, до сих пор присутствует вариант неприятия людей с «тату» как высокопрофессиональных специалистов. Отвлечение внимания учащихся — ещё один недостаток, мешающий качественно осуществлять преподавательскую деятельность. При наличии политики дресс-кода в образовательной организации обладатели «тату» автоматически её нарушают (если отсутствует возможность скрыть изображение под одеждой). И, конечно же, консервативность руководства, учительского сообщества и родителей напрямую оказывают сдерживающее воздействие на возможность самореализации учителей посредством татуирования себя, работая в образовательных организациях.

Вопросов о допустимости «украшать» татуировками своё тело достаточно много. Есть отрасли, где доминируют классические/традиционные взгляды на возможность ношения «тату» на теле, не прикрывая одеждой. На сегодняшний день к ним относятся преимущественно образование, государственная служба, здравоохранение, банковский сектор. Но есть и примеры, когда наличие татуировки у школьного учителя не только не воспринималось негативно, но её наличие было неким стимулом к самораскрытию учеников.

С этой точки зрения было интересно проанализировать мнения родителей по вопросу наличия татуировок у учителей, а также изучить специфику взглядов самих учителей. Проведённый контент-анализ (всего было изучено и проанализировано 162 высказывания экспертов портала Урок.рф¹¹) позволил выявить различные точки зрения по данному вопросу. В 2020 году пользователь ЛС (имена участников дискуссии заменены условными обозначениями) задала вопрос своей

¹⁰ Там же.

¹¹ Учитель с татуировками — это нормально? : ветка дискуссии // Урок.рф. 15.02.2020. Всего просмотров 4701. URL: <https://урок.рф/discussion/653678> (дата обращения: 24.02.2024).

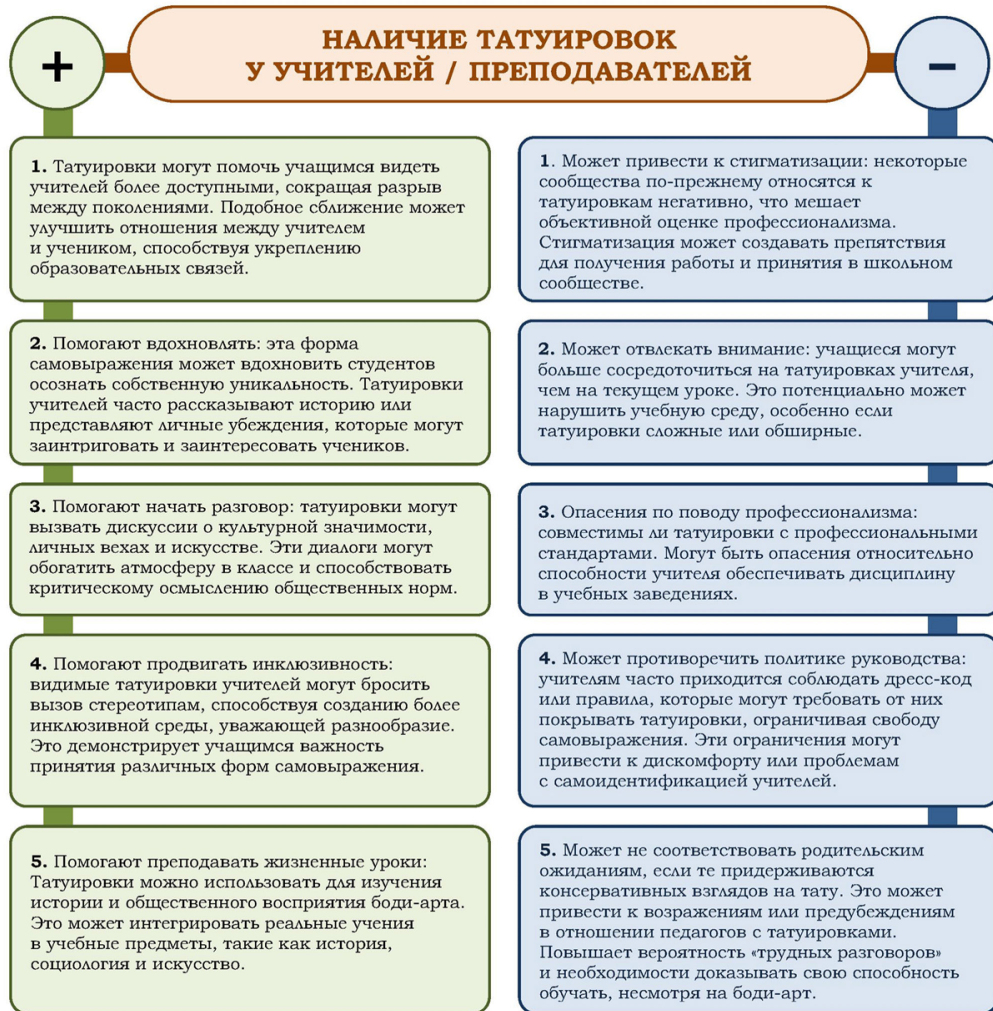

Рисунок 6. Плюсы и минусы наличия татуировок у учителей/преподавателей

Источник: Составлено авторами на основе¹² и источника [13].

аудитории: «Слышала разговор детей о новой учительнице, а точнее о её татуировках. Из их разговора поняла, что урока они не слышали, разглядывали наколки. Наверно, вскоре привыкнут и не будут так остро обсуждать. Как вы относитесь к татуировкам у учителей? Есть ли они у вас?» Мнения разделились на несколько групп. Первая — настроена категорически против наличия у учителей татуировок. «Я до сих пор думала, что профессия учитель всё-таки накладывает ограничения. И учитель с наколками на видных для детей местах — неприлично. <...> И всё-таки я на уроках биологии пытаюсь уберечь детей от такого украшения своего тела» (эксперт ЛС). Негативного отношения придерживается и эксперт АК: «Разумеется, у меня нет татуировок. Вообще, к татуировкам отношусь отрицательно. Но в школе, где учится мой сын, в этом году

¹² Kwan B. Educator Tattoo Policy: Can Teachers Have Tattoos? // Removery. Jan 31, 2024. URL: <https://removery.com/blog/can-teachers-have-tattoos/> (accessed: 12.02.2024).

работает новый зам. директора с татуировками на видном месте. C'est la vie...». С ней полностью согласны 7 участников дискуссии по данной проблеме.

Вторая группа рассматривает подобный формат самореализации учителя как возможность любого человека. *«Я за то, что учитель — тоже человек и имеет право на... но люди некоторых профессий должны соблюдать некоторые нормы приличий, в том числе и внешний вид... У меня вполне может быть бабочка на определённом месте, дырка в пупке, но в школе я должна соответствовать занимаемой должности... Сегодня вполне можно совмещать и моду, и дресс-код...»,* — такое мнение высказала эксперт АР и её поддержали 10 человек. Интересно нейтральное мнение участника дискуссии ТА, которое положительно оценили 5 дискуссионтов: *«Давно уже не 90-е на дворе, татуировки, пирсинг, цветные волосы не являются атрибутом маргинальных слоёв общества. Но к «деловым слоям общества» перечисленная «атрибутика» отношения не имеет... Не представляю врача, адвоката, нотариуса и лиц многих других профессий с тату и пирсингом. Недаром ни одна серьёзная фирма не берёт на работу «разрисованных людей»».*

Третья же группа, можно сказать, следует новациям. Наличие рисунка на теле представителями этой группы не только не критикуется, а наоборот интерпретируется как вариант собственной реализации вне зависимости от сферы деятельности. Мнение участника дискуссии ЛБ таково: *«Француз Сильвиан забил всё тело татуировками, превратив своё тело в произведение искусства. Несмотря на свой яркий внешний вид, Сильвиан работает в парижской школе учителем начальных классов. Говорит, что детишки привыкли. На тот момент, когда Сильвиан сделал первую татуировку, он уже 2 года работал учителем. Как французский гражданин, я могу делать с собой, что хочу. Все люди, которых я встречаю на работе — коллеги, родители, дети, — к этому уже привыкли. Если взрослые и могут что-то за спиной сказать, то дети очень легко принимают меня таким, какой я есть. Сильвиан».* Хотя автор сообщения в конце подводит итог, что сама не хотела бы иметь «тату», но тех кто их делает она не осуждает.

Учитель ЕР (и её поддержали 8 членов сообщества) считает, что *«Учитель с татуировками — нормально. Недавно девчонки-десятиклассницы свои татуировки мне показывали, познакомили с технологией выполнения...»,* но сама, как и эксперт ЛБ, их не имеет. По мнению ЛС: *«Сейчас, чтобы выделиться из массы, делают татуировки. Возможно, в будущем будут выделяться люди без татуировок»,* что однозначно свидетельствует о позитивном отношении к такой форме самореализации людей.

Итак, каково же отношение к татуировкам среди россиян? Для одних это полный запрет на такую форму самовыражения. Особенно это касается сфер, где специалист работает в формате «человек–человек». Для других — уже некая допустимая форма. Третьи не видят препятствий между профессионализмом и самореализацией в виде татуирования себя. Для них люди с «тату» могут работать во всех сферах и не существует связи между наличием рисунка и возможностями трудоустройства.

Результаты авторских исследований. В 2023 году было реализовано пилотное качественное исследование в форме глубинного структурированного интервью по следующим вопросам: отношение респондентов, имеющих нательные рисунки, к данному явлению; наиболее частые места для нанесения (вне зависимости от сферы деятельности респондентов); желание увеличить их количество/либо избавиться от татуировок; оценка уже потраченных на «тату»

средств и планы по увеличению финансовых вложений в создание нательных рисунков либо по избавление от существующих в будущем.

40% участвующих в исследовании респондентов — мужского пола и 60% — женского. В современных условиях выявился тренд, иллюстрирующий большее внимание женской аудитории к изменению своего внешнего образа посредством татуировок. Для сильного пола характерна скорее форма самореализации себя с помощью «тату», нежели украшение своего тела. На вопрос: «Как Вы относитесь к татуировкам?» татуированным респондентам, 13,3% ответили «нейтрально», а большинство — «положительно». 53,3% сделали татуировки из стремления к индивидуализации. Для 33,3% это было «детской мечтой». У 13,3% «тату» есть у родителей. 20% решили «украсить себя» исходя из стимула соответствовать модным тенденциям (см. рис. 7).

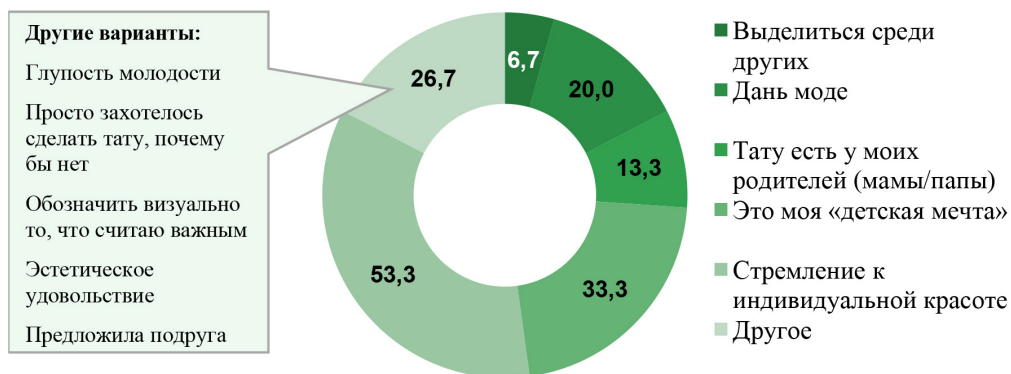

Рисунок 7. Что предопределило желание респондентов сделать себе татуировку? %

Источник: Данные авторского исследования, 2023 г.

Свою первую татуировку опрошенные эксперты сделали в 16–18 лет, в том возрасте, когда смогли самостоятельно принять данное решение (см. рис. 8). Для большинства это был некий «денежный» подарок родителей, который они потратили на татуировки на своём теле.

Многие из опрошенных сейчас имеют уже более двух татуировок. Около 13% сообщили о наличии большого количества нанесённых изображений (более 5) и высказали намерение не останавливаться на данном количестве (см. рис. 9).

Чаще всего, согласно полученным данным, люди предпочитают «набивать» щиколотки, голени, предплечья и плечи. Менее востребованы для татуирования лицо и шея.

Порядка 7% тех, кто имеет татуировки, хотя в будущем от них избавиться. Большинство же считает, что изображение они будут носить всю жизнь. Однако многие указали, что для соблюдения достойного вида необходима коррекция, которую целесообразно осуществлять через определённые интервалы времени (например, каждые 5 лет). Это также предопределяет дополнительные финансовые затраты на соответствие нормам модных тенденций. Как было верно замечено одним из популярных на западе татуировщиков Сэйлором Джерри: «Хорошие татуировки недёшевы, а дешёвые татуировки не хороши»¹³. 26,7% опрошенных уже потратили на свои татуировки 10–25 тыс. руб. Ещё столько же респондентов обошлось затратами от 5 до 10 и столько же — до 5 тыс. руб. (см. рис. 10).

¹³ Твоя идеальная художественная татуировка // Всё для художественных татуировок : [сайт]. URL: https://28opt.ru/ideal_tattoo/ (дата обращения: 03.03.2024).

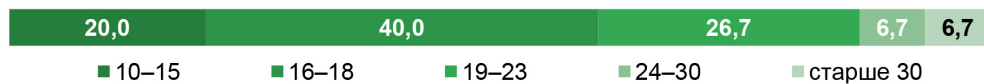

Рисунок 8. Возраст, в котором респонденты сделали свою первую татуировку, %

Источник: Данные авторского исследования, 2023 г.

Рисунок 9. Распределение ответов на вопрос: «Сколько татуировок у Вас на теле?», %

Источник: Данные авторского исследования, 2023 г.

Примерно 7% вложили в свои «тату» свыше 100 тыс. руб. Столько же — в диапазоне от 50 до 100 тыс. руб. Треть (33,3%) не планируют избавляться от своих татуировок, а около половины высказали готовность потратить на это не более 5 тыс. руб. (очевидно, что данная сумма не сможет покрыть расходы на избавление даже от небольшой татуировки). 26,7% опрошенных собираются в будущем увеличить траты на «украшение своего тела» в диапазоне от 25 до 50 тыс. руб., ещё 13,3% — от 50 до 100 тыс. руб. А 6,7% участников опроса могут позволить себе потратить свыше 100 тыс. руб.

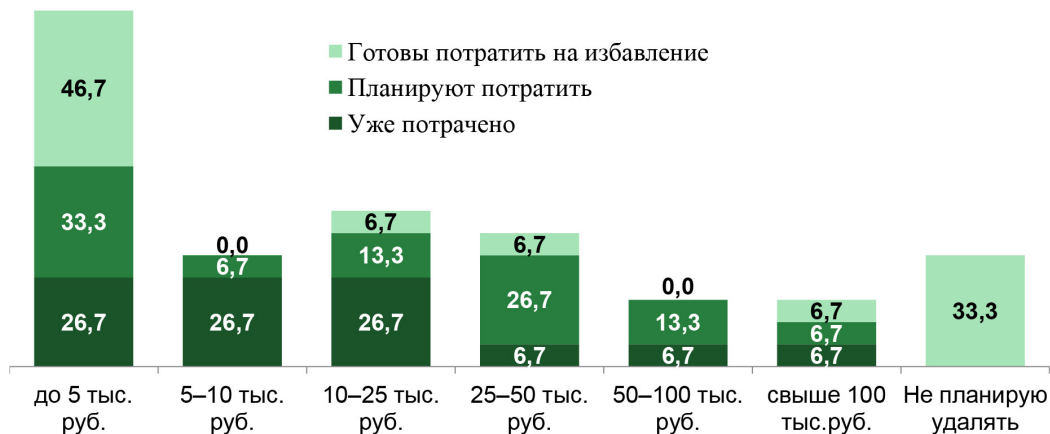

Рисунок 10. Какую сумму респонденты потратили и планируют потратить на татуировки или на избавление от них, %

Источник: Данные авторского исследования, 2023 г.

Рассматривая вопрос финансовых вложений в татуировки, можно констатировать, что это достаточно дорогая форма самореализации для россиян. Средняя стоимость «тату-рукава» в Московской области варьируется вокруг 50 000 рублей. В зависимости от места оказания услуги, известности мастера, цветового оформления и иных факторов цена может существенно отличаться. Данные вложения всегда носят безвозвратный характер: невозможно обменять или «сдать в ломбард» подобное произведение искусства. Из числа опрошенных носителей татуировок 6,5% высказали мнение, что уже столкнулись с пробле-

мами при трудоустройстве на работу, и им пришлось избавляться от части татуировок. Также 13,3% считают, что наличие татуировок у них на теле приводит к дискриминации их обществом. Однако, несмотря на все трудности, спрос на индивидуальность в нашей стране растёт не только среди молодёжи, но и людей разных возрастов и социальных групп.

Выводы. Отношение нашего общества к самореализации индивида через татуирование до сих пор не однозначно. С одной стороны, начиная с 2000-х годов наблюдается изменение стереотипов восприятия «тату», её всё в большей степени начинают определять как некий вид художественного искусства (многие современные татуировки могут в полной мере претендовать на это). С другой, — сохраняется отношение социума к «тату» как форме самовыражения, присущей лишь определённым индивидам: бывшим заключённым, членам криминальных группировок/банд и представителям маргинальных слоёв общества. Современное поколение относится к подобным способам самовыражения достаточно лояльно.

Согласно результатам авторского исследования, 53,3% сделали татуировки из стремления к индивидуализации, а для трети опрошенных — это было детской мечтой. Свою первую татуировку большинство респондентов сделали в 16–18 лет, для многих это стало возможным благодаря подарку родителей. Чаще всего люди предпочитают «набивать» шиколотки, голени, предплечья и плечи.

Большинство людей с татуировками (как утверждают практически все опрошенные) отмечают дальнейший интерес к этому виду услуг, они готовы делать новые рисунки на своём теле в большем объёме. Сдерживающим фактором выступает лишь высокая стоимость подобного увлечения. При этом люди не боятся болевых ощущений, опасности получить заражение, потенциальных неудобств и возможной дискриминации в будущем. Те, кто уже имеет татуировку, почти сразу выстраивают новые потребительские предпочтения в отношении следующих процедур татуирования. Треть нынешних обладателей татуировок собираются в будущем потратить на украшение своего тела сумму в диапазоне от 25 до 50 тыс. руб. Почти 7% могут вложить в приобретение новых «тату» свыше 100 тыс. руб. Все полученные данные в целом соотносятся с результатами исследований, проведённых ВЦИОМ в 2019 году (11% россиян имеют татуировки и 4% хотят их набить).

Авторское исследование позволило реализовать многоаспектный анализ специфики восприятия данного явления различными категориями граждан. В рамках контент-анализа было рассмотрено отношение родителей к татуировкам у педагогов, а также проанализирован фокус проблемы татуирования с точки зрения самих учителей о возможности данной самореализации. Стало возможным выяснить потенциальные достоинства и недостатки наличия татуировок у учителей/преподавателей. Были установлены и выявлены тренды на увеличение количества людей имеющих (или желающих иметь) татуировки, а также на увеличение затрат в перспективе (при появлении финансовой возможности) на их приобретение. Большинство опрошенных видят в этом как собственную самореализацию, так и индивидуальность. Минимизируется восприятие рисков от данной процедуры в дальнейшем (связанных с трудоустройством, продвижением по карьерной лестнице, потенциальных осложнений со здоровьем). Это полностью подтвердило выдвинутую гипотезу исследования.

Таким образом, можно констатировать, что затраты на татуирование человек оправдывают, прежде всего, желанием индивидуального самовыражения. При

этом он сознательно делает выбор и жертвует приобретением стратегических товаров и услуг в пользу татуирования, даже рассматривая возможность привлечения финансов кредитных организаций.

Полученные данные и разработанный в рамках авторского исследования инструментарий могут быть использованы учёными, специалистами и исследователями, которые занимаются проблемами изучения потребительских предпочтений, в том числе, в такой специфической сфере как татуировки. Современный человек готов нести значительные расходы и приобретать специфические услуги ради возможности самовыражения. Поэтому необходимо понимание факторов, лежащих в основе специфичного потребления для выяснения изменения спроса современного индивида.

Библиографический список

1. *Steward S. M.* Bad boys and tough tattoos: a social history of the tattoo with gangs, sailors, and street-corner punks, 1950-1965. New York : Harrington Park Press, 1990. 204 p. ISBN 978-1560240235.
2. *Atkinson M. F., Young K.* Flesh journeys: neo primitives and the rediscovery of radical body modification // *Deviant Behavior*. 2001. № 22(2). P. 117–146. DOI: [10.1080/016396201750065018](https://doi.org/10.1080/016396201750065018).
3. *Laumann A. E., Derick A. J.* Tattoos and body piercings in the United States: a national data set // *Journal of the American Academy of Dermatology*. 2006. № 55(3). P. 413–421. DOI: [10.1016/j.jaad.2006.03.026](https://doi.org/10.1016/j.jaad.2006.03.026).
4. *Некителова В. А.* Татуировка как популярный идентификационный символ 21 века // Современная школа России. Вопросы модернизации. 2022. № 3-2(40). С. 47–48. EDN [MASPWP](#).
5. *Dickson L., Dukes R., Smith H., Strapko N.* To ink or not to ink: the meaning of tattoos among college students // *College Student Journal*. 2015. Vol. 49, № 1. P. 106–120.
6. *Макиевская Ю. Ю.* Культура татуировки среди молодёжи России и Китая // Наука и инновации – современные концепции : Сб. науч. ст. по итогам работы Международного научного форума (Москва, 10 апреля 2020) / Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. М. : Инфинити, 2020. С. 66–72. EDN [VYXMXD](#).
7. *Волкова А. И.* Татуировка, как часть многовековой истории человечества // Внедрение передового опыта и практическое применение результатов инновационных исследований : Сб. ст. Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 05 июня 2021). Уфа: Аэтерна, 2021. С. 312–324. EDN [AGPIYD](#).
8. *Воробьева Е. С.* Татуирование как объект социологического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 3. С. 148–161. EDN [WVOXIZ](#).
9. *Собкин В. С., Лыкова Т. А.* Распространенность татуировок среди учащихся общеобразовательных школ: социально-психологические аспекты // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26, № 5. С. 101–115. DOI [10.17759/pse.2021260508](https://doi.org/10.17759/pse.2021260508). EDN [BXUTKN](#).
10. *Зозуленко А. А.* Влияние принципов авторского права на работу тату-мастеров с учётом особенностей российского законодательства // Бизнес и общество. 2023. № 3(39). EDN [WVWEIC](#).
11. *Копылова П. Э.* Татуировка в истории культуры и медицины // Молодежная наука и современность : материалы 85-ой Международной научной конференции студентов и молодых учёных (Курск, 23–24 апреля 2020). Часть III. Курск: Курский государственный медицинский университет, 2020. С. 87–90. EDN [DADVXD](#).
12. *Хренова М. В., Отургашева Н. В.* Тату как элемент современного искусства // Интеллектуальный потенциал Сибири : 27-я Региональная научная студенческая конференция: сб. науч. трудов (Новосибирск, 23–25 сентября 2019). В 2-х частях. Ч. 1. Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2019. С. 329–330. EDN [GCXZAC](#).
13. *Piccinini P., Pakalin S., Contor L. [et al.]* Safety of tattoos and permanent make-up: final report. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2016. 118 p. JRC101601. DOI [10.2788/011817](https://doi.org/10.2788/011817).

Поступила: 04.03.2024. Доработана: 07.05.2024. Принята: 11.06.2024.

Сведения об авторах:

Медведева Елена Ильинична, доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римащевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. e_ lenam@mail.ru
Author ID РИНЦ: 381176; ORCID: 0000-0003-4200-1047

Крошилин Сергей Викторович, кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римащевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; доцент кафедры математики, физики и медицинской информатики, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова, Рязань, Россия.
krosh_sergey@mail.ru
Author ID РИНЦ: 664581; ORCID: 0000-0002-6070-1234

E. I. Medvedeva¹, S. V. Kroshilin^{1,2}

¹ Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS. Moscow, Russia

² Ryazan State Medical University. Ryazan, Russia

MOTIVATION FOR “TATTOO” OR WHAT JUSTIFIES THE COSTS OF SELF-EXPRESSION OF AN INDIVIDUAL

Abstract. The purpose of the article is to identify new trends in the perception of tattoos in modern society with an additional focus on analyzing the motives for making decisions about their application, including the financial aspect of the costs of this type of self-expression of an individual. The object of the study - dominant reasons/factors of tattooing in modern realities. Subject - modern trends in the perception of tattoos by different categories of working Russians with a focus on identifying contradictions between self-actualization through tattooing and emerging obstacles from society. The authors use analytical approaches and statistical methods of comparison in analyzing secondary and obtaining primary data on the studied problems. Data from the authors' 2023 surveys were used as primary data. The method of content analysis of statements during the thematic discussion on the portal of pedagogical community was also used. As the research has shown, the situation within society is ambiguous. A significant number of Russians are interested in self-expression through tattooing, but society still has a traditionally wary attitude towards tattoo wearers, especially those employed in social sectors. For tattoo wearers, regardless of their professional credentials, there are often significant barriers to employment and career advancement. Despite this, the study shows a growing trend in the number of tattoo wearers. Those who have already got them earlier are ready for further financial expenditures for renewal of old and application of new tattoos. The amount of money that respondents plan, want and can spend on tattooing, despite the difficult economic situation, reaches 100 thousand rubles. The results of the study can be practically significant for scientists, specialists, as well as researchers of consumer behavior of Russians from the point of view of economic aspects of decision-making on new types of goods and services and the formation of spending on self-expression.

Keywords: consumer, consumer behavior, tattoo, tattoo motivation, tattooing, individual positioning, self-expression

For citation: Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Motivation for “tattoo” or what justifies the costs of self-expression of an individual. *Science. Culture. Society*. 2024;30(3):78–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.5>

References

1. Steward S. M. Bad boys and tough tattoos: a social history of the tattoo with gangs, sailors, and street-corner punks, 1950-1965. New York: Harrington Park Press; 1990. ISBN 978-1560240235.
2. Atkinson M. F., Young K. Flesh journeys: neo primitives and the rediscovery of radical body modification. *Deviant Behavior*. 2001;22(2):117–146. DOI: [10.1080/016396201750065018](https://doi.org/10.1080/016396201750065018).

3. Laumann A. E., Derick A. J. Tattoos and body piercings in the United States: a national data set. *Journal of the American Academy of Dermatology*. 2006;55(3):413–421. DOI: [10.1016/j.jaad.2006.03.026](https://doi.org/10.1016/j.jaad.2006.03.026).
4. Nekipelova V. A. Tattoo as a popular identification symbol of the 21st century. *Sovremennaya shkola Rossii. Voprosy modernizatsii*. 2022;(3-2):47–48. (In Russ.).
5. Dickson L., Dukes R., Smith H., Strapko N. To ink or not to ink: the meaning of tattoos among college students. *College Student Journal*. 2015;49(1):106–120.
6. Makievskaya Yu. Yu. Tattoo culture among the youth of Russia and China. In: Khismatullin D. R. (ed). Science and Innovation – modern concepts: coll. of sci. art. based on the results of the International Scientific Forum (Moscow, April 10, 2020). Moscow: Infiniti; 2020. P. 66–72. (In Russ.).
7. Volkova A. I. Tattooing as a part of the centuries-old history of mankind. In: Introduction of best practices and practical application of the results of innovative research: coll. of art. of the International Scientific and Practical Conf. (Novosibirsk, June 05, 2021). Ufa: Aeterna; 2021. P. 312–324. (In Russ.).
8. Vorobyeva E. S. Tattooing as an object of sociological research. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2016;19(3):148–161. (In Russ.).
9. Sobkin V. S., Lykova T. A. The prevalence of tattoos among students of secondary schools: sociopsychological aspects. *Psychological Science and Education*. 2021;26(5):101–115. (In Russ.). DOI [10.17759/pse.2021260508](https://doi.org/10.17759/pse.2021260508).
10. Zozulenko A. A. The influence of copyright principles on the work of tattoo artists taking into account the peculiarities of Russian legislation. *Biznes i obshchestvo*. 2023;(3). (In Russ.).
11. Kopylova P. E. Tattooing in the history of culture and medicine. In: Youth science and modernity: proc. of the 85th International Scientific Conference of Students and Young Scientists (Kursk, April 23-24, 2020). Part III. Kursk: Kursk State Medical University; 2020. P. 87–90. (In Russ.).
12. Khrenova M. V., Oturgasheva N. V. Tattoo as an element of modern art. In: Intellectual potential of Siberia: 27th Regional Scientific Student Conference: col. of sci. papers (Novosibirsk, September 23-25, 2019). In 2 parts. Part 1. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University; 2019. P. 329–330. (In Russ.).
13. Piccinini P., Pakalin S., Contor L. [et al.]. Safety of tattoos and permanent make-up: final report. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2016. JRC101601. DOI [10.2788/011817](https://doi.org/10.2788/011817).

Received: 04.03.2024. Corrected: 07.05.2024. Accepted: 11.06.2024.

Information about the authors:

Elena I. Medvedeva, Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Scientific Researcher, N.M. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Problems of Population of the FCTAS RAS. Moscow, Russia. e_lenam@mail.ru
ORCID: [0000-0003-4200-1047](https://orcid.org/0000-0003-4200-1047)

Sergey V. Kroshilin, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, N.M. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Problems of Population of the FCTAS RAS. Moscow, Russia; Associate Professor of the Department of Mathematics, Physics and Medical Informatics, Ryazan State Medical University. Ryazan, Russia.
krosh_serгей@mail.ru
ORCID: [0000-0002-6070-1234](https://orcid.org/0000-0002-6070-1234)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРАХ ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДА

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.3.6](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.6)
EDN [AOCUOP](https://edn.ru/AOCUOP)
УДК 316.334.22:371.15

М. Б. Буланова¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА И ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЫХ РОССИЙСКИХ ПЕДАГОГОВ

Аннотация. В статье поднимаются проблемы, связанные с особенностями построения профессиональной карьеры выпускниками, получившими педагогическое образование. Несмотря на постоянную востребованность на рынке труда, образовательные организации находятся в ситуации хронической нехватки педагогических кадров. Цель статьи — анализ трудностей и вызовов, с которыми сталкиваются молодые педагоги не только при трудоустройстве, но и в период адаптации в образовательном учреждении. На основе большого массива статистических данных, а также социологических исследований, проведённых научными коллективами Института социологии ФНИСЦ РАН и РГГУ, показаны факторы риска и каналы ухода с рынка труда молодых педагогов-профессионалов. В статье поставлена, во-первых, проблема недостаточно осмысленного выбора и, как следствие, мотивации будущих педагогов в период их поступления в вуз, формирование «профессионального балласта» немотивированных на профессию педагога студентов. Во-вторых, проблема отсутствия необходимых вакансий, недостаточного размера заработной платы, некомфортных условий труда. В-третьих, проблема адаптации к работе в образовательном учреждении: недостаток стрессоустойчивости, профессионализма, коммуникативной компетентности, ответственности и инициативности. Сделан вывод, что для привлечения в школы молодых педагогов необходимы продуманные меры удержания в профессии мотивированных людей, начиная с вузовской ступени и заканчивая созданием благоприятных условий для их карьерного роста на рабочем месте.

Ключевые слова: российское образование, профессиональный отбор, молодые педагоги, трудоустройство, занятость

Для цитирования: Буланова М. Б. Проблемы и перспективы трудоустройства и занятости молодых российских педагогов // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 94–113. DOI [10.19181/nko.2024.30.3.6](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.6). EDN [AOCUOP](https://edn.ru/AOCUOP).

Благодарность: Статья выполнена в рамках реализации государственного задания РГГУ на тему: «Социальные факторы производительности труда: состояние, проблемы, пути решения» (FSZG-2022-001).

Введение. Профессия педагога относится к видам деятельности с ярко выраженным так называемым «личностным компонентом», в основе которого лежат любовь и солидарность с учениками к самому процессу обучения. Отсюда, выражаясь словами М. Вебера, требуется особое призвание для человека, который выбрал профессию учителя [1]. Не каждый приходящий в эту профессию понимает, что на первый план в ней выходят такие качества, как дружелюбие и искренность в отношении к детям; преодоление и совершенствование самого себя в процессе обучения других; способность и интерес к коллективной работе с коллегами, учениками и родителями [2]. Не случайно молодые специалисты, считающие выбор полученной в вузе педагогической специальности правильным, в первую очередь отметили полное совпадение своих наклонностей с ха-

© Буланова М. Б., 2024

рактором выбранной специальности (65,8%), и только потом её общественную значимость (38,3%) и высокий спрос (33,3%) [3, с. 86]. Продолжению семейной традиции последовали 16,1% и столько же подчеркнули престиж профессии. О возможности высокого заработка подумали 15,8%, ещё 12,5% рассчитывают на перспективу карьерного роста, а 5% — на обучение в аспирантуре по данной специальности [3, с. 86]. Итак, заработок не стоит на первом месте при выборе этой профессии, но зачастую становится причиной ухода из неё молодых специалистов.

Необходимо учесть и то, что молодых педагогов можно рассматривать, с одной стороны, как представителей социально-профессиональной группы учителей, а с другой, — как часть особой социально-демографической группы молодёжи. Как молодёжь они несут на себе специфические черты поколения, в том числе присущее им отношение к социальной реальности: восприятие труда и его этических составляющих, особую направленность жизненной мотивации. Эти компоненты у современного молодого поколения существенно инструментальны. Причём инструментализацию сложно назвать типично молодёжным явлением: она укоренилась в сознании предыдущих поколений, встретившихся с резко меняющейся реальностью и поставленных в ситуацию самостоятельного выживания при минимальной поддержке со стороны государства. Притом, что профессия педагога всегда требовала и требует от человека полной самоотдачи, практически не оставляя возможности и времени для какой-либо подработки, тем более в ситуации современной чрезмерной загруженности учителей. Не удивительно, что возникает острое противоречие между социальными ожиданиями социально-профессиональной группы и возможностями их реализации. Складывается ситуация, в которой молодые педагоги не могут получить ни удовлетворения от профессии, ни достичь материального достатка, а период адаптации к профессии, наращивания опыта, формирования социальных и психологических компетенций в таких условиях затягивается на неопределённый срок. Следовательно, под угрозой оказываются ключевые составляющие социальной транзитуции — перехода от учёбы к работе, обретения социально-экономической и психологической самостоятельности, независимости от родительской и возможности создания собственной семьи [4; 5; 6].

Выбор профессии педагога начинается со школьной скамьи, но не всегда заканчивается поступлением в вуз. Среди тех абитуриентов, которые поступают в вуз на педагогические специальности, можно выделить две группы: мотивированные, но не поступившие и не мотивированные, но поступившие. Согласно исследованиям под руководством Ф. Э. Шереги, среди факторов, которые помешали мотивированным выпускникам пойти учиться на педагога, были названы: не прошли по конкурсу (45,3%), не хватило средств оплатить обучение (43,0%), переосмыслили своё желание (10,5%), родители не советовали далеко уезжать от дома (8,1%) [7]. Однако, если указанная группа не дошла до студенческой скамьи, то доля тех, кто поступил на педагогические специальности и не был мотивирован на профессию педагога — 20,1% [3, с. 80]. Получается, что пятая часть студентов первого курса оказывается в положении «профессионального балласта» без каких-либо гарантий сохранения верности выбранной специальности. Скорее всего, большая часть из немотивированных студентов будет отчислена ещё в период обучения.

О важности учёта мотивации в выборе педагогических специальностей заявляют немало исследователей. Так, Ф. Г. Зиятдинова предложила выделить

три типа мотивации абитуриентов, выбирающих будущую профессию педагога: первый — те из них, кто к моменту поступления уже имел представление о педагогической деятельности и сознательно к ней стремился; второй — те, кто проявлял интерес к предмету обучения, но не к профессии учителя; третий — те, кто сделал случайный выбор. В процентном отношении распределение между типами соответственно 40%—40%—20% [8, с. 218]. В какой-то степени данная типология актуальна на сегодняшний день. Конечно, можно попытаться вовлечь в профессию педагога второй и третий тип, но не всегда это удаётся.

Исторически картина востребованности педагогов на рынке труда складывалась неравномерно. Период постоянного возрастания выпуска педагогов наблюдался с 1928 г. по 1955 г., когда достиг 41% от всех специалистов с высшим образованием. Затем происходил процесс снижения, достигнув нижней планки к 2020–2021 гг. (12,5% и 10,7% соответственно)¹. Кроме того, за период 2010–2015 гг. численность учителей сократилась на 265 тыс. человек. Объективно такая ситуация происходила на фоне процесса сокращения городских и укрупнения малокомплектных сельских школ, но и была связана с попыткой частичной оптимизации фонда оплаты труда за счёт сокращения численности учителей. Обратной стороной данного процесса стала возросшая нормативная нагрузка работающих учителей, увеличившаяся в среднем на 30%. Однако начавшийся экономический кризис в значительной степени нивелировал реальную составляющую оплаты труда учителей, которая в 2015 г. вернулась на уровень 2010 г, а увеличенная нагрузка на учителей сохранилась [7]. Таким образом сформировался и поддерживается до сих пор постоянный дефицит кадров учителей.

В настоящее время каждый год российские вузы дают «путёвку в жизнь» сотням тысяч квалифицированных молодых педагогов², окончивших бакалавриат, специалитет, магистратуру или несколько из этих ступеней. Однако школы до сих пор испытывают недостаток в молодых учителях-предметниках, страдают от ухода тех из них, кто на своём рабочем месте не проработал и нескольких лет. Цель данной статьи — анализ текущей ситуации с трудоустройством и занятостью молодых педагогов, а также поиск возможных способов изменения сложившейся ситуации. Эмпирической базой предпринятого исследования явились массивы данных Обследования рабочей силы 2022 (ОРС-2022)³, Выборочного наблюдения трудоустройства выпускников (ВТР-2021)⁴, а также привлечены данные Федеральной службы государственной статистики (ФГС-2023) в сфере оплаты труда педагогов⁵. Использовались результаты Всероссийского исследования выбора жизненного пути и профессиональной карьеры молодёжи, проведённого в 2021 г. ФНИСЦ РАН под руководством М. К. Горшкова (ФНИСЦ РАН-2021)⁶.

¹ Индикаторы образования: 2023 г.: статистический сборник. М.: ВШЭ, 2023. С. 240. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/819352620.pdf> (дата обращения: 21.07.2024).

² По данным ОРС-2022, за пятилетний период (2017–2021 гг.) было выпущено 318 561 педагогов.

³ ОРС-2022 (2017–2021). Выборка — 2181 чел. выпускников-педагогов из 20546 чел. выпускников. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ORS-2022-all.rar> (дата обращения: 21.07.2024).

⁴ ВТР-2021 (2016–2020). Выборка — 1188 выпускников-педагогов из 10763 чел. выпускников. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html (дата обращения: 21.07.2024)

⁵ Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь–декабрь 2023 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04-23-02.xlsx> (дата обращения: 21.07.2024).

⁶ ФНИСЦ РАН-2021. Опрошены 4000 молодых специалистов 207 предприятий и учреждений в 41 субъекте Российской Федерации, имеющих стаж работы после вуза 1–5 лет [3].

Общая характеристика группы молодых педагогов. В общественном мнении россиян прочно укрепился стереотип, что профессия педагога является женской. Этот стереотип подтверждается статистически: за период 2017–2021 гг. основной контингент выпускников-педагогов составляли женщины, что свидетельствует о сохраняющемся гендерном перекосе в составе рабочей силы по данной профессии (см. рис. 1).

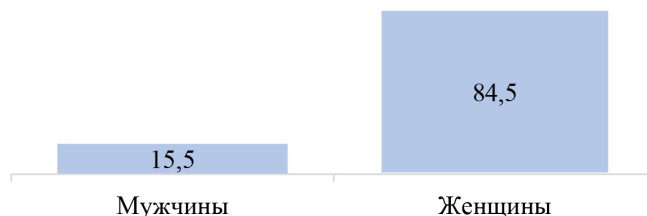

Рисунок 1. Выпускники-педагоги по полу, %

Источник: ОРС-2022.

В последние годы ситуация начинает изменяться: в школьное образование приходят молодые учителя-мужчины, реагируя, в частности, на повышение оплаты труда, но процесс имеет региональную специфику и затрагивает скорее крупные города, чем сельские поселения.

Подавляющая часть выпускников (82%), получивших педагогическое образование, находится в возрастных пределах молодёжи, что, с одной стороны, обеспечивает воспроизводство и смену поколений в профессиональной группе педагогов, с другой стороны, поднимает проблему адаптации молодых кадров к трудовой деятельности на рабочем месте (см. рис. 2).

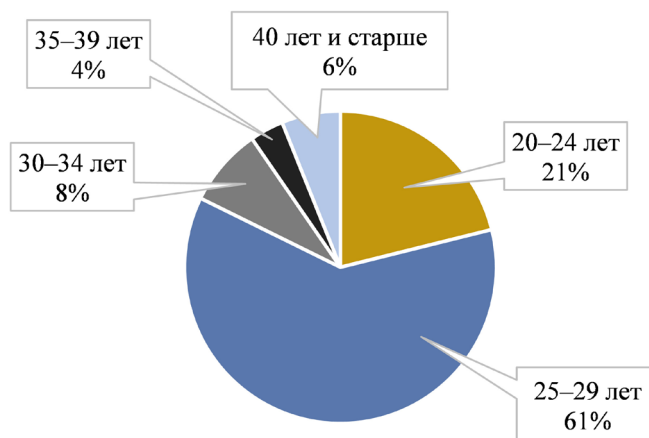

Рисунок 2. Выпускники-педагоги по возрастным группам, %

Источник: ОРС-2022.

Основную часть выпускников-педагогов составляют окончившие такие формы обучения, как бакалавриат (43,65%) и специалитет (35,9%). На долю магистратуры приходится примерно одна пятая часть тех, кто выпускается из стен вуза более подготовленным к педагогической деятельности (см. рис. 3).

Рисунок 3. Выпускники-педагоги по ступеням (оконченного) высшего образования, %

Источник: ОРС-2022.

Необходимо отметить, что начавшееся в 2011 г. приведение подготовки педагогов в соответствие с требованиями Болонского процесса оказалось весьма сложным делом. Общая запись в дипломах (бакалавр и магистр педагогического образования) не позволяла определить конкретную квалификацию учителя по тому или иному предмету. Для того, чтобы повысить уровень подготовки, в ряде педагогических вузов пошли на введение двухпрофильного бакалавриата, согласно которому можно выбрать, например, профиль «география и иностранный язык» и учиться пять лет, т.е. получить более качественную подготовку и быть более востребованным на рынке труда⁷.

Подавляющему большинству выпускников-педагогов (90%) после окончания вуза не потребовалась профессиональная переподготовка или повышение квалификации, что, скорее всего, говорит об их удовлетворённости обучением, полученной программой подготовки и востребованностью приобретённых квалификационных навыков на рынке труда (см. рис. 4).

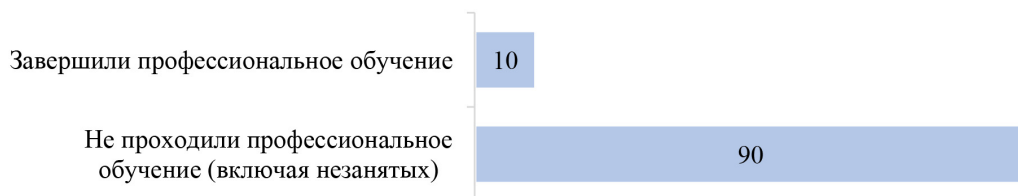

Рисунок 4. Профессиональное обучение выпускников-педагогов в течение 12 месяцев, %

Источник: ОРС-2022.

⁷ Гурьянов С. Уместный специалитет: подготовку будущих учителей хотят усилить //Известия. 29 марта 2023 г. URL: <https://iz.ru/1489261/sergei-gurianov/umestnyi-spetsialitet-podgotovku-budushchikh-uchitelei-khotiat-usilit> (дата обращения: 21.07.2024).

Трудовая занятость выпускников-педагогов. Специфика педагогической профессии состоит в её постоянной востребованности, отсюда подавляющее количество выпускников-педагогов (87%) является трудоустроенной. Экономически неактивными оказались 13% выпускников, их них 10% взяли «паузу» от работы и учёбы (и в этой связи неизбежно пополнили в группу NEET-молодёжи) (см. рис. 5).

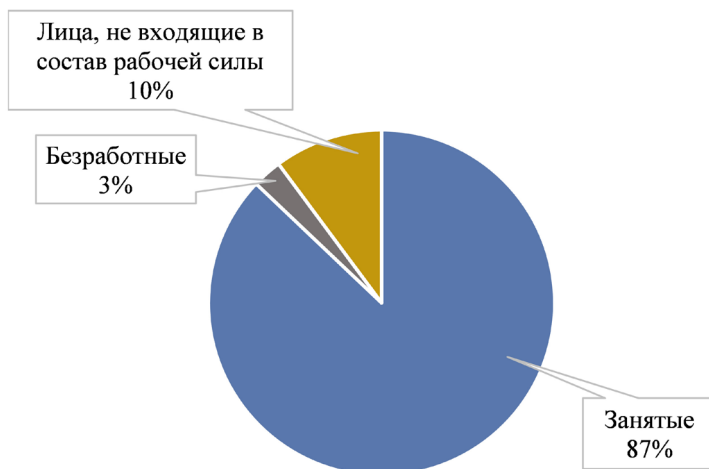

Рисунок 5. Структура выпускников-педагогов по экономической активности, %

Источник: ОРС-2022.

Основным местом трудоустройства выпускников-педагогов являются образовательные организации (преимущественно среднего общего и среднего профессионального образования), где они трудятся по найму. Лишь ничтожно малое количество выпускников имеют необходимые стартовые возможности для начала собственной индивидуальной деятельности (в том числе, в сфере образования) (см. рис. 6).

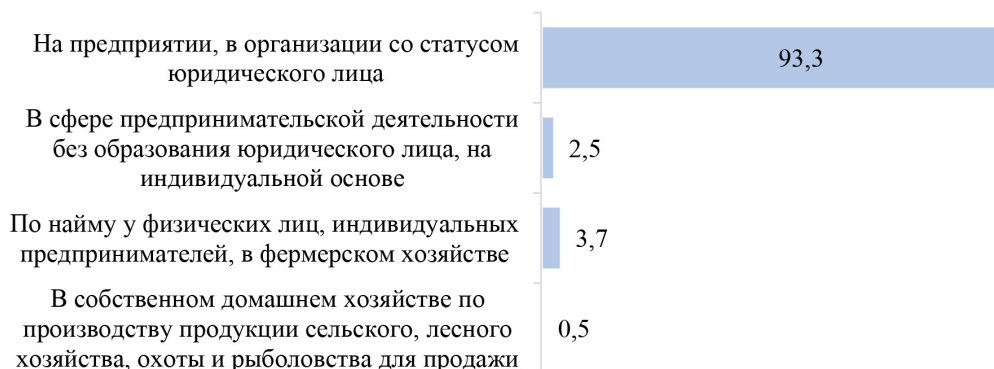

Рисунок 6. Место основной работы выпускников-педагогов, %

Источник: ОРС-2022.

Устроившись работать по найму, молодые педагоги основным источником дохода имеют заработную плату (97,2%), и лишь занятые в сфере индивидуального предпринимательства могут рассчитывать на прибыль от данного вида деятельности (см. рис. 7).

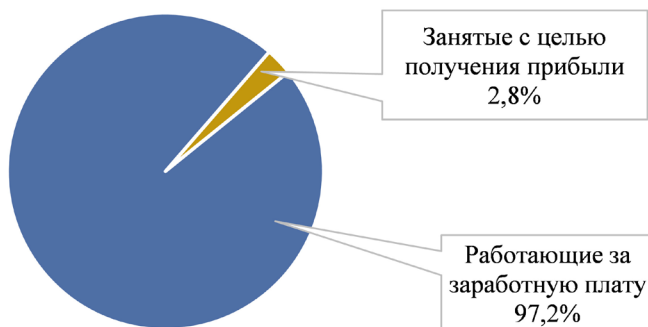

Рисунок 7. Типы работников среди выпускников-педагогов, % от занятых
 Источник: ОРС-2022.

По типу трудовой занятости, основная масса выпускников-педагогов трудится, имея официально заключённый трудовой договор (служебный контракт) с образовательной организацией (98,4%). Доля имеющих на руках договор гражданско-правового характера, или устную договорённость с работодателем, ничтожно мала (см. рис. 8).

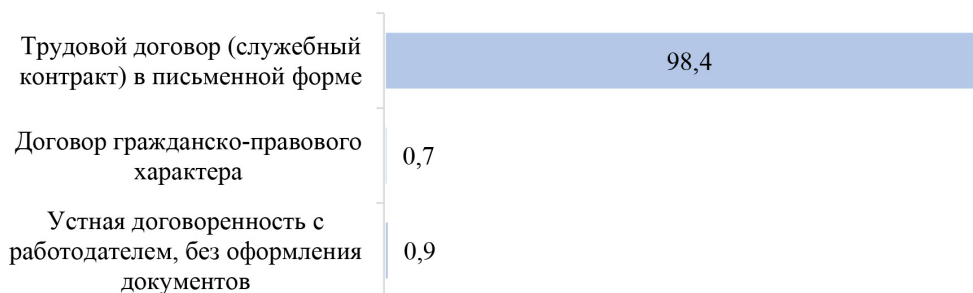

Рисунок 8. Выпускники-педагоги по типам договоров, % от занятых
 Источник: ОРС-2022.

Профессия педагога не относится к прекаризованным видам деятельности, т.к. при трудоустройстве молодые педагоги заключают в своём большинстве (98,7%) бессрочные трудовые контракты (см. рис. 9).

Ещё одним фактором возможной прекаризации выступает продолжительность рабочего дня (рабочей недели). Согласно статистическим данным, практически все выпускники-педагоги, трудоустроившиеся по найму, имеют работу с полным рабочим днём и полной рабочей неделей (см. рис. 10).

Как правило, основная деятельность выпускников-педагогов не связана с удалённой работой (см. рис. 11). Исключение составляет лишь период вынужденного перехода на удалённую работу во время пандемии 2020–21 гг. После пандемии учителя охотно вернулись к прежним методам работы, оставив полученные дистанционные навыки для экстренных случаев.

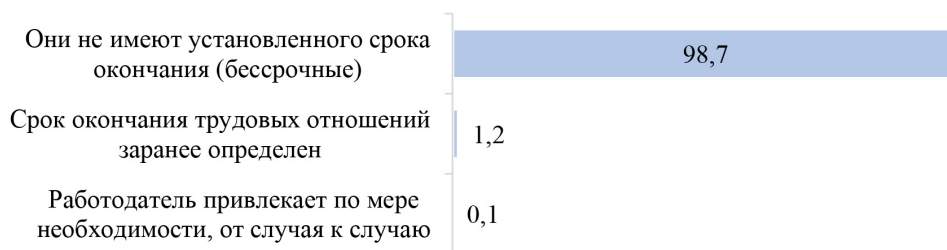

Рисунок 9. Установленная продолжительность трудовых отношений выпускников-педагогов, % от занятых

Источник: ОПС-2022.

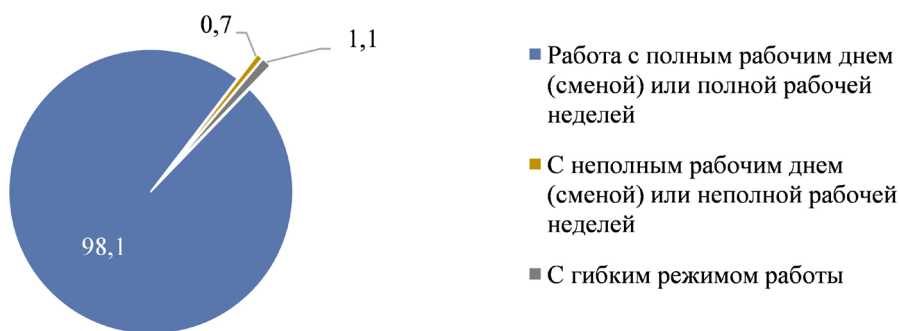

Рисунок 10. Работа по найму с полной или неполной рабочей неделей выпускников-педагогов, % от занятых

Источник: ОПС-2022.

Рисунок 11. Удалённая работа у выпускников-педагогов, % от занятых

Источник: ОПС-2022.

Итак, можно сделать промежуточный вывод о том, что выпускники-педагоги успешно трудоустраиваются на работу по найму в образовательные организации, имея бессрочный официально оформленный трудовой договор с работодателем, получая заработанную плату на основном месте работы. Однако трудности все-таки имеются.

Трудоустройство по специальности. Для профессии педагога характерен высокий процент трудоустройства по специальности (59,2%) или скорее по специальности (13,1%) в период обучения. Обычно это происходит в том случае, если работодатель проявляет интерес к студенту в период производственной практики (рис. 12).

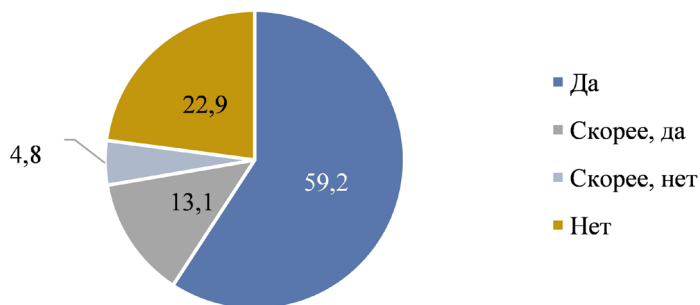

Рисунок 12. Трудоустройство студентов по специальности в период обучения, %
 Источник: ВТР-2021.

Понятно, что после окончания вуза в числе трудоустроенных по специальности оказываются и те, кто основное время уделял учёбе, не совмещая её с работой (рис. 13).

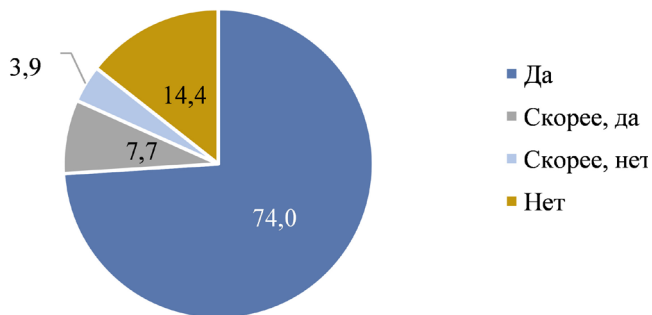

Рисунок 13. Связь первой работы выпускников-педагогов с полученной профессией, %

Источник: ВТР-2021.

В дальнейшем процент трудоустроенных по специальности несколько уменьшается (до 73,8%), возможно за счёт тех, кто покинул профессию педагога вскоре после трудоустройства (рис. 14).

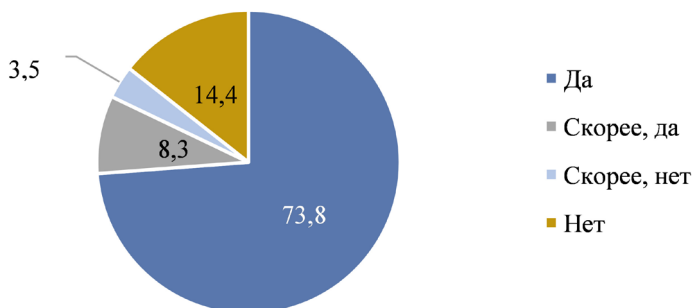

Рисунок 14. Связь работы выпускников-педагогов с профессией, %

Источник: ВТР-2021.

Однако нас интересует процент тех выпускников, которые при первом трудоустройстве работали не по специальности. Их (если суммировать ответы «нет» и «скорее нет») — 17,9%, т.е. пятая часть. Поиск причин работы не по полученной специальности у педагогов привёл к следующему раскладу (табл. 1):

Таблица 1

Факторы, влияющие на устройство педагогов не по специальности, %

Факторы выбора другой специальности выпускниками-педагогами	От числа занятых
Отсутствие вакансий по полученной профессии (специальности)	31,0
Низкий уровень заработной платы	29,0
Не устроили условия, предложенные работодателем: график, условия	20,6
Изначально не собирался работать по этой профессии, специальности	18,9
Другие причины	13,0

Источник: ВТР-2021.

Первые позиции (в порядке понижения значимости) заняли неоправданные ожидания выпускников по поводу вакансий, зарплаты и условий труда. Обращает на себя внимание четвёртая позиция, занимаемая пятой частью выпускников. Как отмечают эксперты, сама идея бакалавриата спровоцировала появление среди абитуриентов слоя людей, которые изначально собирались получить базовое гуманитарное образование (в данном случае — педагогическое), но не планировали идти работать в школу⁸.

Время и способы трудоустройства молодых педагогов. Поиск работы и трудоустройство выпускника — довольно затратный по времени и способам процесс. Какие каналы использует выпускник-педагог для поиска работы? Они в общем не отличаются от тех, что используют выпускники других специальностей и профессий. На первом месте — непосредственное обращение к работодателю (33,3%). Педагогам в значительной степени помогает тот факт, что все виды практик — ознакомительная, учебная, производственная — проходят на базе тех образовательных организаций, которые сразу или в будущем становятся первыми местами работы для студентов. Процент обучающихся, совмещающих работу и учёбу по педагогическим специальностям, достаточно большой (см. рис. 12). Поэтому этот канал трудоустройства для молодых педагогов очевиден и востребован. На втором месте в поисках работы стоит обращение к друзьям, знакомым, родственникам (23,4%), что имеет смысл, т.к. канал трудоустройства по знакомству и по рекомендации реально востребован в российском обществе. На третьем месте — просмотр информации о вакансиях (20,8%), что в условиях распространения Интернета не представляет затруднений, т.к. работодатели часто имеют свой сайт и размещают на нём сведения о вакансиях. Через Интернет происходит также подача объявления и размещения резюме кандидата-педагога на вакантное место (9,9%). Неэффективными способами

⁸ Гурьянов С. Уместный специалитет: подготовку будущих учителей хотят усилить //Известия. 29 марта 2023 г. URL: <https://iz.ru/1489261/sergei-gurianov/umestnyi-spetsialitet-podgotovku-budushchikh-uchitelei-khotiat-usilit> (дата обращения: 21.07.2024).

трудоустройства оказались: помощь образовательной организации (3,6%) и обращение в государственную службу занятости (4,3%). Эти каналы нуждаются в реформировании, совершенствовании способов взаимодействия с ищущими работу. Интересно, что такой широко разрекламированный в последнее время канал трудоустройства, как участие в ярмарке вакансий, на деле оказался неэффективным (рис. 15).

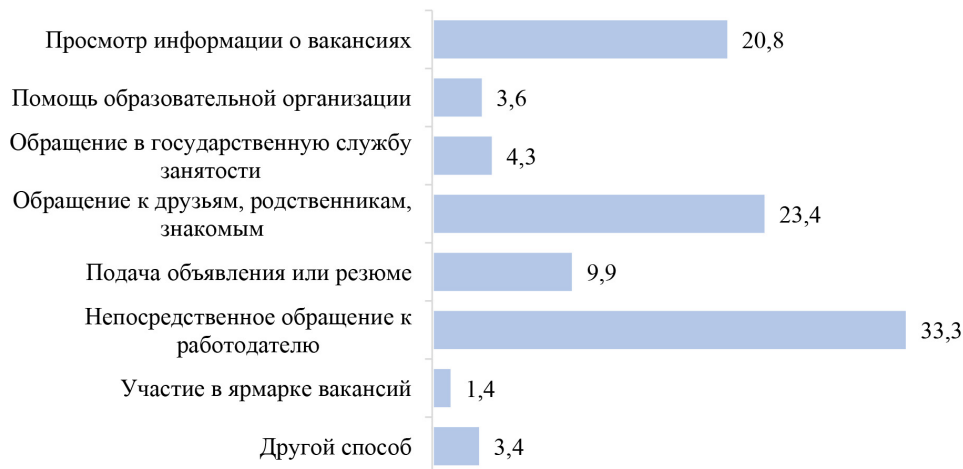

Рисунок 15. Способы поиска работы выпускниками-педагогами, %

Источник: ВТР-2021.

Как показывают статистические данные, примерно у пятой части выпускников-педагогов не возникло трудностей при трудоустройстве (16,5%). С одной стороны, это касается тех из них, кто фактически был трудоустроен ещё до окончания вуза. С другой стороны, для части из выпускников удачным оказался аспект совпадения предложений на рынке труда с их ожиданиями. Данное предположение косвенно подтверждается тем, что для двух третей ищущих работу педагогов (59,9%) препятствиями успешного трудоустройства по полученной специальности оказались (в порядке убывания значимости): низкий уровень предлагаемой работодателем зарплаты (зарплатные ожидания выпускников оказались выше реального значения); недостаточный опыт работы (наработка этого опыта оказалась затруднена в связи со снижением часов, выделенных на практику у педагогов-бакалавров); отсутствие подходящих вакансий (отчасти это вызвано расширительной трактовкой квалификации в дипломах, согласно которой сами выпускники могли неоднозначно трактовать предмет своей педагогической деятельности). Тем не менее, у большинства педагогов-выпускников не возникло сомнений в уровне своей профессиональной подготовки: по этой причине не трудоустроились по специальности только 4,4% выпускников (см. рис. 16).

К моменту окончания вуза четверть выпускников-педагогов являются трудоустроенными и продолжают трудиться на своём рабочем месте (25,6%). Как правило, это работа по специальности. Больше половины трудоустраиваются примерно через год после окончания вуза (59,9%). В это число попадают как те, кто нашёл работу по специальности в соответствии со своими запросами, так и те,

Рисунок 16. Трудности поиска работы студентами-педагогами, %

Источник: ВТР-2021.

кто в силу названных ранее причин ушёл из профессии. Что касается тех, чьё трудоустройство заняло период от 1 до 5 лет (7,9%), скорее всего, они нашли работу не по полученной специальности, т.к. запрос рынка на педагогические услуги достаточно высокий и постоянный, поэтому затянувшиеся поиски могут быть связаны с переподготовкой и переквалификацией. Необходимо обратить внимание на тех выпускников, которые после окончания вуза не трудоустроились вообще (6,6%). Это люди, не реализовавшие свой потенциал высшего образования, нередко занимавшие в вузе бюджетные места, оплаченные государством. Рискую пополнить ряды NEET-молодёжи, они выбывают из экономически активного населения, занимая пассивную, нередко иждивенческую позицию (см. рис. 17).

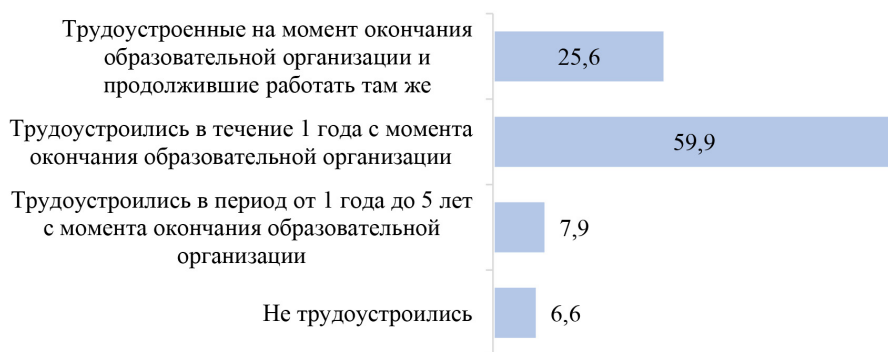
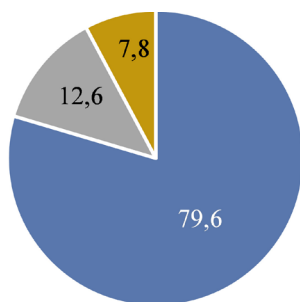

Рисунок 17. Период трудоустройства после окончания образовательной организации, % от всех выпускников-педагогов

Источник: ВТР-2021.

Итак, несмотря на убедительный общий процент трудоустройства педагогов по окончании вуза (93,4%), работодатель «теряет» не только тех, решил вообще не работать (6,6% — рис. 17), но и ту часть молодых людей, которые уже в период обучения не хотели связывать себя работой в школе (18,9% — табл. 1), а также тех, кто сменил специальность в период поиска работы (14,4% — рис. 13–14). Другими словами, к моменту трудоустройства вакансию педагога из всех выпускников не выбрали 39,9% — недобор молодых педагогов уже очевиден.

Трудности адаптации к профессии педагога. Как было отмечено, удовлетворённость полученными профессиональными знаниями характерна для подавляющего количества выпускников-педагогов (рис. 4), однако первые годы трудоустройства всегда связаны с адаптацией к требованиям конкретной образовательной организации. Исключение, пожалуй, составляют те из выпускников, которые в данной организации проходили практику и в процессе её были трудоустроены (рис. 18).

- Уровень образования был достаточный для выполнения основных обязанностей
- Для выполнения работы требовался более низкий уровень образования
- Для выполнения работы требовался более высокий уровень образования

Рисунок 18. Готовность выпускников-педагогов к работе по специальности, %

Источник: ВТР-2021.

Если в период трудоустройства о недостатке или отсутствии профессиональных знаний заявляли 4,4% выпускников, то в первые годы трудовой деятельности недостаточный уровень образования по предмету стал очевиден для 7,8%. Скорее всего именно среди этой категории педагогов произойдёт отсев либо по собственному желанию, либо по требованию работодателя. Настораживает и факт устройства 12,6% выпускников на педагогическую работу, выполнение которой не требует того уровня знаний, которые были получены в вузе. Для этих людей очевидна деквалификация на рабочем месте, и среди них также найдутся те, кто в ближайшем будущем покинет профессию. Таким образом, в группе риска оставить профессию оказываются 20,4% (пятая часть) уже трудоустроенных молодых педагогов (рис. 18).

Рассмотрим, каких ещё навыков не хватило трудоустроенным по специальности (см. табл. 2).

На первом месте оказался фактор стрессоустойчивости (26,6%). О том, что профессия педагога отличается высоким уровнем стресса, написано немало научной литературы [9]. Молодые педагоги сталкиваются с обилием напряжённых

Таблица 2

Перечень недостающих знаний, навыков и умений, %

Перечень недостающих конкретных знаний, навыков и умений	От числа ответивших
Стрессоустойчивость	26,6
Профессиональные (технические) навыки, относящиеся к работе	24,5
Навыки использования профессиональной документации	19,2
Умение брать на себя ответственность, принимать решения	16,3
Навыки поиска новых идей, приёмов работы	15,8
Способность работать в режиме многозадачности	15,5
Навыки устной и письменной коммуникации, ведения переговоров, разрешения конфликтов	12,7
Иное	11,8

Источник: ВТР-2021.

ситуаций: от выставления оценок до межличностных контактов с учениками, родителями, коллегами. Педагоги подвержены развитию синдрома эмоционального выгорания, который зачастую не зависит от возраста и стажа работы, а связан с неблагоприятным сочетанием социальных, организационных, профессиональных стрессов с личными особенностями [10]. На втором месте оказались вполне ожидаемые профессиональные навыки (24,5%). Парадоксальность ситуации состоит в том, что у молодых педагогов высокий уровень технологической грамотности, но они зачастую не способны распространить их на предмет обучения. На третье место попала работа с профессиональной документацией (19,2%). В геометрической прогрессии произошло нарастание в школах количества документов контроля и отчётности, отнимающее у учителя время и силы, и, в конечном счёте, отвлекающее его от образовательного процесса [11; 12]. Загруженность учителя работой с электронными и бумажными документами отмечалась и в исследованиях коллег. Так, согласно мониторингу самооценки учителями своего статуса, проводимого Московским городским педагогическим университетом в 2013, 2018 и 2021 гг., перегрузку данным видом деятельности подчеркнули соответственно 14,9%, 16,6%, 21,9% опрошенных [13]. Среди навыков, препятствующих успешной адаптации молодых педагогов, также были отмечены неумение нести ответственность за самостоятельные решения (16,3%), неумение вести переговоры и разрешать конфликтные ситуации (12,7%). Такие навыки сложно сформировать в вузах, они оттачиваются со временем, преимущественно опытным путём. В какой-то степени может помочь учебная и производственная практика. Однако перевод педагогических специальностей на формы обучения бакалавр/магистр способствовал увеличению в программе обучения теоретической компоненты и снижению частоты и времени прохождения производственной практики. В режиме практики и на практике у педагогов формируются и новые приёмы работы (15,8%), в том числе в режиме многозадачности (15,5%).

Реальное состояние практики педагогов в российских вузах было исследовано в ходе пилотного опроса, проведённого научным коллективом РГГУ⁹. Опрошенные отметили такие положительные стороны практики как: получение

⁹ Опрос «Практика глазами студентов-педагогов», октябрь 2022 г. N=99 (92 — бакалавры, 7 — магистры).

ние практических навыков в профессии (90 чел.), опыт работы в коллективе (54 чел.), профессиональные связи (38 чел.). Вместе с тем, среди недостатков отмечались следующие: несоответствие целей и задач практики реальной деятельности в школе, сведение практики к написанию планов, отсутствие творческих заданий, несоответствие содержания практики с получаемой педагогической специальностью. Кроме того, продолжительность практики у большинства опрошенных составляла 1 месяц (79 чел.). Понятно, что при такой организации практики в вузах у части современных выпускников могли появиться проблемы при реальной встрече с учениками, при организации работы в классе, донесении своих знаний до учащихся. В конечном счёте это способствует накоплению стрессов у молодых преподавателей и может косвенно способствовать принятию ими решения покинуть школу и профессию педагога.

Помочь молодому педагогу пройти непростой период адаптации и восполнить недостающие навыки могла бы образовательная организация. Вместе с тем, статистические данные показывают, что только каждый десятый выпускник получает такую возможность на рабочем месте (рис. 19).

Рисунок 19. Место проведения дополнительного обучения или переобучения выпускников-педагогов, %

Источник: ВТР-2021.

В основном дополнительное обучение осуществляется на рабочем месте либо самостоятельно, либо под руководством наставника, реже — при общении с коллегами. Курсы повышения квалификации, переподготовки, стажировки, тренинги и семинары также востребованы, но зависят от возможностей работодателя их предоставить (рис. 20).

Важным показателем стабильной работы молодых преподавателей в организации является их удовлетворение от собственной работы, которое, как показывает статистика, находится на высоком уровне (рис. 21).

Тем не менее, намерение в ближайшее время сменить место работы высказали 9,5% уже работающих молодых педагогов (рис. 22).

Таким образом, от успешности прохождения периода адаптации зависит решение молодых преподавателей остаться на работе или сменить профессию педагога. Факторами, усиливающими риски молодых преподавателей оставить профессию, являются: недостаточная отработка навыков стрессоустойчивости, профессионализма, работы с документами, ответственности и освоения новых приёмов деятельности. Примерно каждый десятый молодой человек, уже работающий в образовательной организации, готов её покинуть.

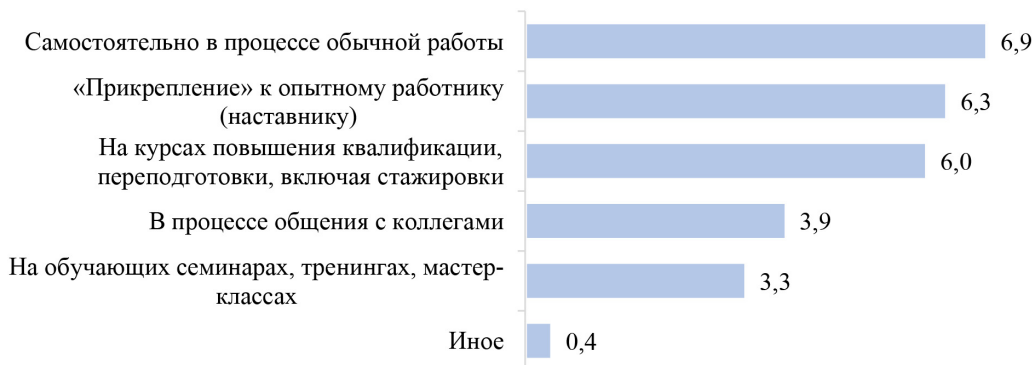

Рисунок 20. Виды дополнительного обучения выпускников-педагогов, %
Источник: ВТР-2021.

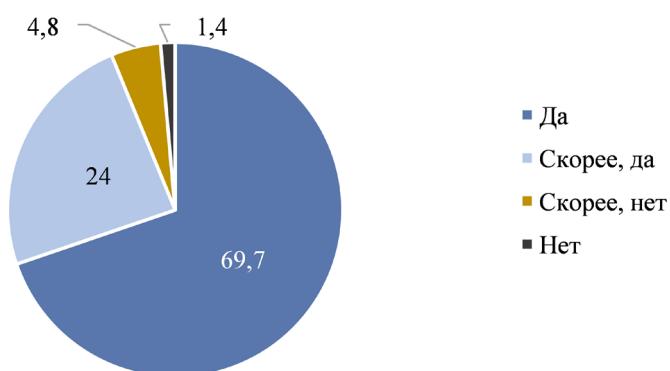

Рисунок 21. Удовлетворение педагогов от собственной работы, %
Источник: ВТР-2021.

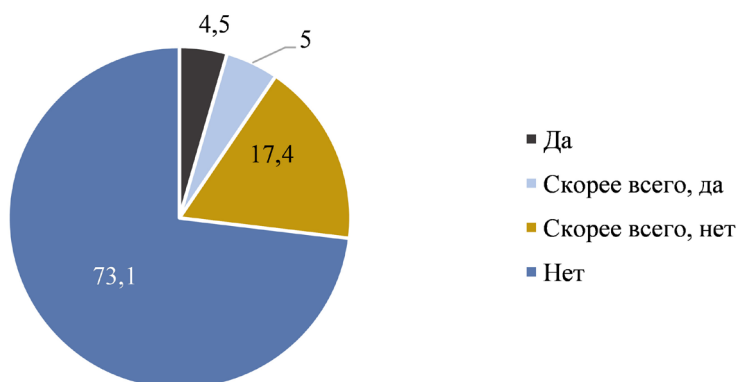

Рисунок 22. Намерение выпускников-педагогов сменить работу, %
Источник: ВТР-2021.

Зарботная плата – стимул или препятствие для молодых педагогов? Несмотря на то, что выпускники, мотивированные на работу педагога, не считают первоочередными вопросы заработной платы, тем не менее, эта проблема осознается ими в процессе трудовой деятельности. С 2024 г. зарплата педагога достигла не менее двух с половиной МРОТ по региону. По подсчётам Росстата, средняя зарплата учителей в России составляет 55 634 руб., однако она дифференцирована по регионам. Например, по Центральному федеральному округу: в Москве – 111 744 руб., в Ивановской области – 33 980 руб. По Северо-Западному округу: в Санкт-Петербурге – 79 094 руб., а в Псковской области – 35 746 руб. Меньше всего педагоги получают в Чеченской Республике – 29 784 руб.¹⁰. Точный размер заработной платы устанавливается в школе и состоит из нескольких частей: базовой (регулируемой размером ставки), стимулирующей, компенсирующей и премий. Стимулирующая часть зарплаты и премии целиком определяются управляющим советом школы и распределяются в зависимости от высоких результатов учеников на ЕГЭ, олимпиадах, от стажа работы и повышения квалификации. Молодые педагоги, приходя в школу после вуза, не могут рассчитывать сразу на соответствие данным критериям, поэтому часто остаются и без стимулирующих выплат, и без премий. Кроме того, как показало исследование Ф. Шереги, некоторые виды деятельности учителям оплачиваются не в полной мере (40% оплаты за сверхурочные работы). Помимо этого, на общественных началах производятся: уборка класса, подготовка документации, организация участков для выборов и пр. [4]. Наличие таких составляющих в деятельности приводит к сверхзанятости учителей и может служить для молодых учителей основанием расторжения трудового контракта.

Выводы. Проведённое исследование показало, что есть целая совокупность факторов, влияющих на ситуацию постоянной нехватки в школьных образовательных организациях педагогических кадров вообще и молодых педагогов в частности. Необходимо учитывать тот факт, что в период обучения в вузах происходит отсев студентов, мотивация и успеваемость которых недостаточна для получения высшего педагогического образования. Среди выпускников примерно пятая часть не связывала своё будущее с педагогической профессией. Столько же покинули профессию, т.к. не согласились с имеющимися вакансиями, размером заработной платы, условиями труда, а часть из них вообще приняли решение не устраиваться ни на какую работу. Получается, что после окончания вуза примерно две пятых из всех выпускников не выходят на рынок педагогических специальностей, т.е. не доходят до работодателя. Сами руководители образовательных организаций объясняют нежелание выпускников работать по специальности низким уровнем мотивации, связанной с понижением статуса педагогической профессии, а также реальной возможностью, имея диплом педагога, получить менее стрессовую, более денежную и привлекательную работу. В условиях постоянной нехватки кадров работодатели снижают планку отбора молодого специалиста, сведя её к собеседованию и наличию диплома.

Для тех выпускников, которые все-таки трудоустроились по специальности, фактором риска остаётся начальный период адаптации в образовательной орга-

¹⁰ Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь-декабрь 2023 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04-23-02.xlsx> (дата обращения: 21.07.2024).

низации. Недостаток стрессоустойчивости, профессионализма, коммуникативной компетентности, ответственности и инициативности нередко приводит молодого педагога к решению покинуть школу и сменить работу. Для того, чтобы остаться в профессии, молодой педагог нуждается не только в материальной поддержке (хотя и в ней тоже), но и в сопровождении со стороны более опытных коллег-наставников, помогающих ему преодолеть шок столкновения с реальными трудностями педагогической деятельности. Среди мер, которые помогут удержать молодых педагогов в школе, можно порекомендовать также введение ступеней учительского роста: учитель, старший учитель, ведущий учитель, которые будут сопровождаться соответствующими денежными надбавками. Не помешает наметившаяся в настоящее время тенденция к снижению «бумажной нагрузки» на учителя, отвлекающей его от творческой деятельности по воспитанию и обучению детей.

В дальнейшем исследовании нуждаются проблемы трудовой мотивации молодых педагогов, а также воспроизводства и сохранения учительских династий.

Библиографический список

1. Буланова М. Б. Педагог: грани профессионального становления // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 4. С. 89–98. DOI [10.28995/2073-6401-2022-4-89-98](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-4-89-98). EDN [QKSYMM](https://www.edn.ru/entry/10.28995/2073-6401-2022-4-89-98).
2. Тощенко Ж. Т. К классификации профессий: социотехнологическое измерение (опыт методологического анализа) // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 66–76. DOI [10.31857/S013216250019104-7](https://doi.org/10.31857/S013216250019104-7). EDN [IPODKV](https://www.edn.ru/entry/10.31857/S013216250019104-7).
3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Тюрин И. О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023). EDN [DMQCRN](https://www.edn.ru/entry/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023).
4. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи. М. : Норма, 2011. 335 с. ISBN 978-5-91768-174-0. EDN [QOMKVB](https://www.edn.ru/entry/978-5-91768-174-0).
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция образа труда в культурном пространстве молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 243–259. DOI [10.15838/esc.2019.6.66.14](https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.14). EDN [EWTMRI](https://www.edn.ru/entry/10.15838/esc.2019.6.66.14).
6. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.]. Белгород : Эпицентр, 2021. 500 с. ISBN 978-5-6045221-7-2. EDN [SUHSWJ](https://www.edn.ru/entry/978-5-6045221-7-2).
7. Шереги Ф. Э., Арефьев А. Л. Социология труда. Условия труда педагогов. М. : Юрайт, 2024. 298 с. ISBN 978-5-534-10961-0.
8. Зиятдинова Ф. Г. Социальные проблемы образования. М. : РГГУ, 1999. 281 с. ISBN 5-7281-0289-1.
9. Бергис Т. А., Кривуля Ю. С. Проблема профессионального стресса педагогов в условиях современной образовательной системы // Карельский научный журнал. 2020. Т. 9, № 1(30). С. 47–49. DOI [10.26140/knz4-2020-0901-0013](https://doi.org/10.26140/knz4-2020-0901-0013). EDN [BMCNKZ](https://www.edn.ru/entry/10.26140/knz4-2020-0901-0013).
10. Константиновский Д. Л., Пинская М. А., Звягинцев Р. С. Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 14–25. DOI [10.31857/S013216250004949-6](https://doi.org/10.31857/S013216250004949-6). EDN [RBKSMV](https://www.edn.ru/entry/10.31857/S013216250004949-6).
11. Осипов А. М., Матвеева Н. А., Бояджијева П. А., Воронцов Я. А. Российское образование в бумажной пучине: опыт социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 60–70. DOI [10.31857/S013216250008798-0](https://doi.org/10.31857/S013216250008798-0). EDN [PJKRKN](https://www.edn.ru/entry/10.31857/S013216250008798-0).
12. Осипов А. М., Матвеев В. В., Матвеева Н. А., Воронцова Т. И. Школьные администраторы: агенты и жертвы бумажного прессинга // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 71–79. DOI [10.31857/S013216250014215-9](https://doi.org/10.31857/S013216250014215-9). EDN [NTSRIF](https://www.edn.ru/entry/10.31857/S013216250014215-9).
13. Шевченко П. В. Изменение статусных характеристик учителя московской школы // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 72–83. DOI [10.31857/S013216250020284-5](https://doi.org/10.31857/S013216250020284-5). EDN [AFVECQ](https://www.edn.ru/entry/10.31857/S013216250020284-5).

Поступила: 07.08.2024. Принята: 05.09.2024.

Сведения об авторе:

Буланова Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия. marina_bulanova@inbox.ru
Author ID РИНЦ: 112262; ORCID: 0000-0002-0001-6315

M. B. Bulanova¹

¹ Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR EMPLOYMENT OF YOUNG RUSSIAN TEACHERS

Abstract. The article raises the problems related to the peculiarities of building a professional career of graduates with pedagogical education. Despite the constant demand in the labor market, educational organizations are in a situation of chronic shortage of teaching staff. The aim of the article is to analyze the difficulties and challenges faced by young teachers not only during employment, but also during the period of adaptation in an educational institution. Based on a large array of statistical data, as well as sociological studies conducted by the research teams of Institute of Sociology of FCTAS RAS and RSUH, risk factors and channels of leaving the labor market of young teachers-professionals shown. The article poses, firstly, the problem of insufficiently meaningful choice and, as a consequence, motivation of future teachers during their enrollment in the university, the formation of “professional ballast” of students unmotivated for the profession of teacher. Secondly, the problem of lack of necessary vacancies, insufficient salary, uncomfortable working conditions. Thirdly, the problem of adaptation to work in an educational institution: the lack of stress resistance, professionalism, communication competence, responsibility and initiative. It is concluded that in order to attract young teachers to schools it is necessary to take thoughtful measures to retain motivated people in the profession, starting from the university stage and ending with the creation of favorable conditions for their career development in the workplace.

Keywords: Russian education, professional selection, young teachers, job placement, employment

For citation: Bulanova M. B. Problems and prospects for employment of young Russian teachers. *Science. Culture. Society.* 2024;30(3):94–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.6>

Acknowledgements: The article was completed as part of the implementation of the state task of the Russian State University for the Humanities on the topic: “Social factors of labor productivity: status, problems, solutions” (FSZG-2022-001).

References

1. Bulanova M. B. Teacher. Sides of professional development. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2022;(4):89–98. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2022-4-89-98](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-4-89-98).
2. Toschenko Zh. T. Professions: socio-technological dimension (experience of methodological analysis). *Sociological Studies.* 2022;(6):66–76. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250019104-7](https://doi.org/10.31857/S013216250019104-7).
3. Gorshkov M. K., Sheregi F. E., Tyurina I. O. Reproduction of specialists in intellectual labor: sociological analysis. Moscow: FNISCRAN; 2023. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023).
4. Chuprov V. I., Zubok Yu. A. *Sociology of youth.* Moscow: Norma; 2011. (In Russ.). ISBN 978-5-91768-174-0.
5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Self-regulation of the image of labor in young people’s cultural space. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast.* 2019;12(6):243–259. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2019.6.66.14](https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.14).
6. Zubok Yu. A., Bezrukova O. N., Vishnevsky Yu. R. [et al.]. Self-regulation of youth life activity: methodology and social practices. Belgorod: Epicenter; 2021. (In Russ.). ISBN 978-5-6045221-7-2.

7. Sheregi F. E., Arefiev A. L. *Sociology of labor. Labor conditions of teachers*. Moscow: Yurait; 2024. (In Russ.). ISBN 978-5-534-10961-0.
8. Ziyatdinova F. G. *Social problems of education*. Moscow: RGGU; 1999. (In Russ.). ISBN 5-7281-0289-1.
9. Bergis T. A., Krivulya Ju. S. The problem of professional stress of teachers in the modern educational system. *Karelian Scientific Journal*. 2020;9(1):47–49. (In Russ.). DOI [10.26140/knz4-2020-0901-0013](https://doi.org/10.26140/knz4-2020-0901-0013).
10. Konstantinovsky D. L., Pinskaya M. A., Zviagintsev R. S. Professional health of teachers: from enthusiasm to burnout. *Sociological Studies*. 2019;(5):14–25. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250004949-6](https://doi.org/10.31857/S013216250004949-6).
11. Osipov A. M., Matveeva N. A., Boyadjieva P. A., Vorontsov Ya. A. Russian education in paper abyss: a sociological study. *Sociological Studies*. 2020;(3):60–70. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250008798-0](https://doi.org/10.31857/S013216250008798-0).
12. Osipov A. M., Matveev V. V., Matveeva N. A., Vorontsova T. I. School administrators: agents and victims of paper pressure. *Sociological Studies*. 2021;(9):71–79. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250014215-9](https://doi.org/10.31857/S013216250014215-9).
13. Shevchenko P. V. Changing status characteristics of Moscow school teacher. *Sociological Studies*. 2022;(9):72–83. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250020284-5](https://doi.org/10.31857/S013216250020284-5).

Received: 07.08.2024. Accepted: 05.09.2024.

Information about the author:

Marina B. Bulanova, Doctor of Sociology, Professor,
Head of the Department of Theory and History of Sociology, Faculty of Sociology,
Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.

marina_bulanova@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-0001-6315

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.3.7](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.7)
EDN IHYSZN
УДК 323:316.346.32

И. Н. Воробьева¹, А. А. Мехова¹

¹Череповецкий государственный университет. Череповец, Россия

ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Аннотация. Проблема национальной идентичности — одна из самых дискуссионных, не теряющих научной и социально-политической актуальности на протяжении многих веков. В основе национальной идентичности лежит система ценностных ориентиров, объединяющих индивидов в единую историко-культурную и социальную общность. Формирование национального самосознания происходит в процессе интернализации индивидом системы ценностей своей страны. При этом самоощущение принадлежности к определённой нации не предопределено формальным гражданством и не задано раз и навсегда, на протяжении жизни индивида существует возможность выбора, изменения национальной идентичности. Этот выбор неизбежен, когда меняются ценностные ориентиры страны. Современный период в российской истории — своеобразная точка бифуркации, ценности глобализирующегося мира, так называемые западные ценности приходят в противоречие с традиционными российскими ценностями. Для сохранения российской национальной идентичности особую значимость представляет выбор молодёжи. От того, какие ценностные ориентиры ложатся в основу национального самоопределения сегодняшней российской молодёжи, зависит будущее страны. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи социально-политических ценностей и выбора национальной идентичности российских студентов. Студенчество определено в качестве объекта наблюдения не случайно. Как авангардная, наиболее образованная часть молодёжи с высокими амбициями и стремлением к социальной самостоятельности, студенчество наиболее восприимчиво к изменениям. Для анализа были использованы эмпирические данные исследования Центра политологии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии». Методом факторного анализа по результатам эмпирического исследования было выявлено три базовых типа идентичности: «россиянин, человек своего города», «человек мира, Интернета», «азиат». Было доказано, что преобладающий тип идентичности студента тесно связан с его социально-политическими ценностями. Наиболее сильно по своим взглядам отличаются типы «россиянин, человек города» и «человек мира, Интернета». Для первого типа характерны выраженные позитивные оценки ситуации России на мировой арене, оптимистичные прогнозы развития как экономики, так и развития страны в целом через 10-15 лет. Основная национальная идея представителям данного типа видится в единении народов России в целях возрождения страны как великой державы. Представителям типа «человек мира, Интернета» характерны менее позитивные оценки настоящего и будущего России. Основная национальная идея для них заключается в создании правового и современного демократического государства, путь развития – свободная рыночная экономика. Среди ценностей более значимо представлены такие понятия как права человека, свобода и демократия. Но самым главным отличием второго типа являются ярко выраженные миграционные настроения.

Ключевые слова: национальная идентичность, социально-политические ценности, студенческая молодежь, факторный анализ

Для цитирования: Воробьева И. Н., Мехова А. А. Проявление национальной идентичности в социально-политических ценностях студенческой молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 114–129. DOI [10.19181/nko.2024.30.3.7](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.7). EDN IHYSZN.

© Воробьева И. Н., Мехова А. А., 2024

Введение. Проблема взаимосвязи социально-политических ценностей и национальной идентичности молодёжи имеет сложный междисциплинарный характер. В первую очередь это касается самого понятия «национальная идентичность». Его исследование находится на пересечении многих научных подходов в психологии, в политических и социальных науках. Один из ракурсов исследований сосредоточен на поиске общего и особенного в соотношении национальной идентичности с индивидуальной, социальной идентичностью, выявлении факторов внешнего объективного и внутреннего субъективного влияния на самоопределение индивида. В этом ракурсе современные исследования национальной идентичности интегрируют в себе особенности социально-психологического (Э. Эриксон [1], А. Тэшфел [2], Дж. Тернер [3]), феноменологического (П. Бергер и Т. Лукман [4], Э. Гидденс [5], А. Шюц [6]) подходов, символического интеракционизма (Ч. Кули [7] и Дж. Мид [8]), теории структурации. В контексте исследуемой проблемы важной представляется идея множественности, гибкости и изменчивости идентичности в течение жизни человека (Э. Гидденс [5], З. Бауман [9]), возможности выбора индивидом той идентичности, которая более ему подходит в сложившейся ситуации (А. Тэшфел и Дж. Тернер [3]). Эта идея сейчас активно развивается в работах отечественных авторов (Е. А. Авдеев, М. Е. Ерохина [10], Ю. Г. Волков и В. И. Курбатов [11], С. А. Тулаева, Е. Ф. Гладун и О. В. Захарова [12]) и соотносятся с возможностью выбора и изменчивости национальной идентичности.

Социально-политический и аксиологический дискурс исследований обусловлен тесной связью категории «национальная идентичность» с понятиями «государство», «гражданство», «нация», «этнос», «национальность». Здесь сталкиваются позиции рассмотрения национальной идентичности как формальной принадлежности к определённому государству, гражданства, имеющего характер внешней объективной детерминации [13], и как единства ценностей, которое превращает нацию не только в политическую, но и в социокультурную общность, а национальное самоопределение, идентичность становится для индивида выбором, принятием общих ценностей как своих [14; 15; 16].

Одной из составляющих ценностной основы национальной идентичности являются политические ценности, как «устойчивые, имплицитно присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, определяющие идеологические приоритеты и политические принципы социальных отношений» [16, с. 178]. Политические предпочтения формируют представления о желаемом будущем политического и экономического пути развития страны, общественного порядка. Это может стать базой для устойчивости общества, либо причиной его раскола, рассогласования. Важно отметить, что высокий уровень национальной идентичности подкрепляется идентичностью местной, региональной, локальным патриотизмом, и даёт синергетический эффект устойчивости обществу. Тем самым политические ценности опосредуют восприятие не только политической реальности [17], но и в целом структурируют пространство идентичности, определяют возможности объединения граждан на основе жизненно смысловых ценностей.

Многие учёные отмечают, что именно ценностный аспект исследования национальной идентичности приобретает особую актуальность для российского государства. Глобализационные процессы, формирование единого информа-

ционного, образовательного, экономического пространства привели к вестернизации и либерализации общих ценностных ориентиров в постсоветской России. Приоритет интересов индивида, а не коллектива и общества, право на выбор места жительства и гражданства, уход от традиционного представления о роли семьи и брака, гендерных ролях — все это долгие годы воспринималось, особенно молодёжью, как путь к свободе, социальному прогрессу. Однако практика последних лет показала, что абсолютизация либеральных ценностей приводит к серьёзным социальным последствиям. Очевидно, что либеральные западноевропейские и традиционные российские ценности приходят в противоречие, и это находит отражение в национальном самосознании россиян [15; 18; 19].

По мнению академика В. А. Тишкова, ответы на вопросы, что такое Россия, что значит быть россиянином, что связывает гражданина с его страной, не передаются по наследству и не воспроизводятся механически, каждое новое поколение заново задаётся этим вопросом [15]. Вот почему особенно актуальным представляется исследование выбора ценностей как основы национальной идентичности молодыми россиянами. Как пишут Ю. А. Зубок и Н. А. Селиверстова, основные компоненты образа будущего страны, которые сейчас видятся молодёжью, определяют их жизненные стратегии, «смыслы, осознаваемые молодёжью через призму развития страны, трансформируются в цели, достижение которых рассматривается как значимое» [20, с. 43]. В. К. Левашов, О. В. Гребняк и О. П. Новоженина отмечают, что политические, информационные и экономические вызовы являются фактором риска социально-политической устойчивости общества, что обуславливает необходимость активного исследования ценностей и ожиданий, социально-политических установок у наиболее динамичной и остро реагирующей на изменения социальной группы молодёжи [21]. Рассогласование, разногласие в понимании основных социальных и политических ценностей, расхождение между доминирующими в массовом сознании ценностными представлениями с практикой могут повлечь социальную дезинтеграцию общества, а молодёжь рассматривается в качестве социальной группы, наиболее склонной к радикальным формам политического участия в силу своих возрастных характеристик [22]. А. А. Вилков отмечает, что от ценностно-идеологических ориентаций разных социальных групп молодёжи зависит мотивация и характер участия в политической жизни современной России [23]. В этом контексте представляется особенно актуальным рассмотреть позицию российского студенчества высшей школы, как прообраза будущей интеллектуальной и культурной элиты, наиболее образованной части российской молодёжи [24]. Какую систему ценностей, какую национальную идентичность выбирает российское студенчество? Какой они видят будущую Россию и себя в ней?

Целевой исследовательский вопрос, который мы ставим в данной статье: какая форма идентичности (гражданская, региональная, глобальная) наиболее ярко представлена у современного студенчества и каким образом она отражается в социально-политических ценностях. Идентичность может быть измерена на основании самоидентификации респондента, насколько он ощущает себя россиянином, жителем своего города, посёлка, человеком мира, европейцем. Основными показателями социально-политических ценностей выступают: во-первых, идеологические представления молодёжи, такие как путь развития, пред-

ставления о государственном устройстве, экономическая траектория развития; во-вторых, оценка ситуации в экономической, политической сферах; в-третьих, уровень оптимизма/пессимизма в оценках развития страны; в-четвертых, проявление ценностных установок, миграционные настроения, желание уехать за рубеж.

Методы исследования. Эмпирической базой стало социологическое исследование, проведённое Центром политологии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии». Исследование проводилось в апреле-мае 2023 г. методом интернет-опроса, в нем приняли участие студенты из 29 субъектов, представляющих все федеральные округа РФ. Эмпирическим объектом исследования выступало студенчество России. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, места жительства, уровня получаемого образования и направлений подготовки высшего образования. Объём выборочной совокупности составил 6389 респондентов. Научный руководитель исследования — д-р полит. н., проф. Н. М. Великая.

Результаты исследования. Для выявления основных комбинаций множественной идентичности был использован факторный анализ, который в данном случае позволяет большое количество идентичностей соединить в несколько групп. Анализ был проведён по блоку вопросов «Насколько Вы ощущаете себя...», включающих набор идентичностей. Был применён метод выделения: метод главных компонент, вращение – варимакс с нормализацией Кайзера. Сумма дисперсии, объясняемая выделенными группами, составила 59%. В первую группу, которая включает 32% дисперсии вошли идентичности: житель населённого пункта, где родился; житель города, в котором живу сейчас; представитель своей национальности; россиянин (см. табл. 1). Во вторую группу, которая включает 17% дисперсии, вошли переменные: европеец, человек мира, человек Интернета, менее значимо — евразиец. Третья группа собрала 11% дисперсии, в неё вошли переменные: азиат, евразиец, член субрегионального сообщества. Таким образом, мы можем выделить три основных превалирующих типа идентичности, в которых заложена множественность пересечения разных идентичностей: которые мы условно можем назвать «россиянин, человек своего города» (ярко выражена национальная и региональная идентичности), «человек мира, человек Интернета» (размытая глобальная), азиат. Обратим внимание, что первая — общероссийская и региональная наиболее явно выражена. В этой группе в связке идут территориальная идентичность (принадлежность к своей малой родине) и национальная — принадлежность к своей стране. Подтверждается тезис, что территориальная идентичность — необходимая составляющая идентичности национальной. Через любовь к малой родине, через территориальную идентичность формируется и национальная идентичность, национальное самосознание и патриотизм. Достаточно сильно среди студенчества представлена и глобальная идентичность, что не удивительно. Это поколение росло в условиях глобальных идей формирования единого мира — общего экономического, образовательного, информационного пространства.

Таблица 1

**Результаты факторного анализа по результатам ответа на вопрос:
«В какой степени Вы ощущаете себя...»**

Суждения	Группы		
	1	2	3
Жителем населённого пункта, где родился и вырос	0,75	0,03	0,14
Жителем города, где живу сейчас	0,72	0,21	-0,14
Членом субрегионального сообщества	0,53	-0,02	0,59
Представителем своей национальности	0,69	0,05	0,32
Россиянином	0,76	0,22	-0,11
Европейцем	0,06	0,68	0,21
Азиатом	-0,05	0,20	0,80
Евразийцем	0,03	0,56	0,56
Человеком мира	0,16	0,71	0,07
Человеком Интернета	0,14	0,75	0,01

Для ответа на основной исследовательский вопрос нам необходимо было выделить из массива респондентов с явно выраженными тремя типами идентичностей. Для этого по каждому фактору были сохранены переменные. По переменной каждого из трех типов все респонденты были разбиты на четыре квартили, где первая группа, — те, кто которые менее всего соответствуют данному типу, а четвертая, — кто ближе всего к данному типу идентичности. Далее каждому из респондентов был присвоен тот код, который у него наиболее выражен. Благодаря большому массиву данных, мы могли позволить себе отбросить из анализа тех респондентов, у которых идентичность размыта, и отобрать наиболее ярких представителей каждой группы. Таким образом, в анализе осталась половина респондентов. Представительство каждой группы можно увидеть в таблице 2.

Таблица 2

Представительство выделенных типов в массиве данных

Типы идентичности	Количество, чел.	Процент выборки
Россиянин, человек своего города	1111	17,4
Человек мира, Интернета, европеец	866	13,6
Азиат	858	13,4
Размытый тип идентичности	3554	55,6

Для наглядного описания идентичности каждого из представленных типов, мы вывели двухмерное распределение их ответов на вопрос «Оцените, по пятибалльной шкале, кем и в какой степени Вы ощущаете себя...», по которому проводился факторный анализ (см. табл. 3). Для сжатия данных рассчитали сумму ответов только по крайним позитивным ответам — 4 и 5, которые соответствуют вариантам «скорее ощущаю» и «полностью ощущаю».

Таблица 3

Сумма положительных ответов «полностью ощущаю» и «скорее ощущаю» на вопрос: «Оцените по пятибалльной шкале, кем и в какой степени Вы ощущаете себя...» (в зависимости от превалирующего типа идентичности, в процентах)

Варианты ответа	Россиянин, человек своего города	Человек мира, человек Интернета, европеец	Азиат	Весь массив
Жителем населённого пункта, где родился и вырос	97	49	52	60
Жителем города, где живу сейчас	95	70	33	62
Членом субрегионального сообщества	64	14	48	36
Представителем своей национальности	91	41	56	55
Россиянином	99	80	45	70
Европейцем	11	57	13	24
Азиатом	0	1	36	12
Евразийцем	3	29	19	17
Человеком мира	39	83	28	42
Человеком виртуального пространства (Интернета)	31	81	22	39

Среди представителей первого типа, которых мы условно обозначили «россиянин, человек своего города», 99% ощущают себя россиянами, 97% — жителями населённого пункта, в котором родились; 95% — жителями города, в котором живут; 91% — представителями своей национальности. Достаточно часто в этой группе отмечается позиция «ощущаю представителем субрегионального сообщества — 64% при 36% по всему массиву данных.

Второй тип, который мы обозначили, как «человек мира, Интернета» чаще остальных демонстрирует следующие идентичности: 83% ощущают себя человеком мира (42% по всему массиву), 81% — человеком Интернета (39% по всему массиву), 57% — европейцами (при 24% по всему массиву). Обратим внимание, что у данной группы также выражены идентичности «житель города» и «россиянин», но существенно ниже, чем по всему массиву.

Третий тип наиболее устойчиво демонстрирует идентичность «азиат» — 36% при 12% по всему массиву. Остальные идентичности представлены существенно меньше, чем в среднем по массиву, значимо выделяется только идентичность члена субрегионального сообщества — 48% при 36% по всему массиву.

Превалирующая идентичность тесно взаимосвязана с социально-политическими ценностями, которые выбрали респонденты. А это, в свою очередь, отражается на оптимизме/пессимизме при оценке настоящего и будущего России. Среди представителей первого типа наиболее распространено мнение, что Россия занимает лидирующую позицию на мировой арене — сумма позитивных ответов по данному суждению составила 55% (39% по всему массиву), тогда как во втором типе «человек мира, Интернета» позитив составил только 33% (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответа на вопрос: «Как бы Вы оценили позицию России на мировой арене...» (в процентах от преобладающего типа идентичности)

Варианты ответа	Россиянин, человек своего города	Человек мира, Интернета, европеец	Азиат	Весь массив
1 балл — отстающая	4	10	8	7
2	10	21	16	18
3	31	36	40	36
4	31	24	27	25
5 баллов – лидирующая	25	9	9	14
Сумма ответов 4 и 5	55	33	36	39

Существенно выше респонденты с общероссийской идентичностью оценивают и уровень развития России во всех сферах. 39% представителей данной идентичности согласились, что уровень экономического развития страны сильный, развивающийся (24% по всему массиву), тогда как среди «людей мира и Интернета» позитивную оценку дали только 18% (см. рис. 1).

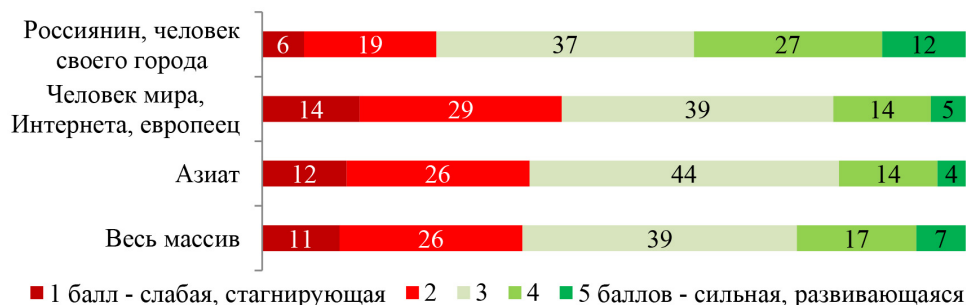

Рисунок 1. Распределение ответа на вопрос: «Как бы Вы оценили уровень развития экономики России сейчас ...» (в процентах от преобладающего типа идентичности)

Перспективы развития экономики страны в будущем, через 10–15 лет первой группой видятся существенно более оптимистичными. 72% считают, что экономика в России будет сильной, развивающейся (52% по всему массиву), тогда как среди второго и третьего типа идентичностей так считает только 45–48% (см. рис. 2).

По-разному представители разных идентичностей видят и траекторию развития страны в будущем. У «россиян, жителей своего населённого пункта» выражено преобладает траектория «рано или поздно вокруг России начнётся процесс объединения народов» — 46% (лишь 33% по всему массиву). У представителей типа «человек мира, Интернета» наиболее частый вариант ответа — «Россия будет существовать в нынешних границах» — 31%. У представителей третьего типа траектория развития страны представлена размыто, в равных долях представлены обе указанные тенденции — 26–28% (см. табл. 5).

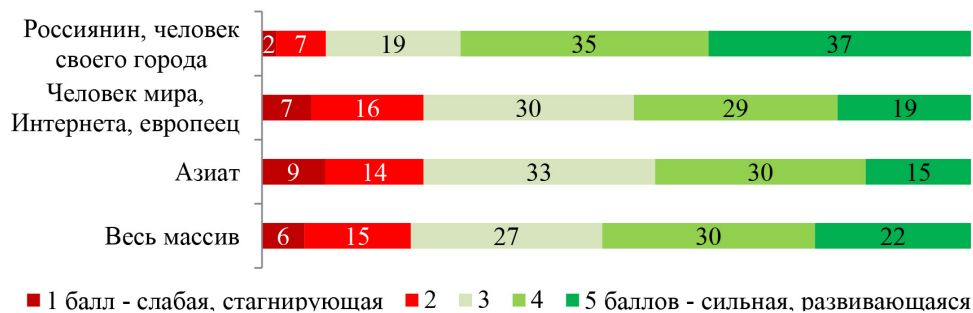

Рисунок 2. Распределение ответа на вопрос:
«Как бы Вы оценили уровень развития экономики России через 10-15 лет ...»
(в процентах от преобладающего типа идентичности)

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы думаете, какое будущее ожидает Россию»
(в процентах от преобладающего типа идентичности)

Варианты ответа	Россиянин, человек своего города	Человек мира, Интернета, европеец	Азиат	Весь массив
Рано или поздно вокруг России начнётся процесс объединения народов	46	26	28	33
Россия будет существовать в нынешних границах	27	31	26	27
Россия обречена на распад	1	9	6	6
Затрудняюсь ответить	26	33	40	34

Значимо различается у представителей разных типов идентичностей и представление о национальной идее, которая может объединить общество. По всему массиву наиболее выражены три идеи (см. табл. 6) — «идея правового государства, равенства всех граждан перед законом» (36%), «единения народов в целях возрождения страны как великой державы» (32%), «идея объединения народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством» (31%). При этом у первого типа идентичности преобладающей является идея «единения народов России в целях возрождения страны как великой державы» — 44%. Существенно выделяется по сравнению со всем массивом и идея «патриотизма, служения на благо России и будущего моих детей» — 26% (по всему массиву 18%).

У второго типа выделяется «идея правового государства, равенства всех граждан перед законом» (43%), а также больше, чем по массиву в целом выражена идея «сближения с Западом, вхождение России в общеевропейский дом» — 18%. У третьего типа общие тенденции соответствуют всему массиву данных, но значимее выделяется «идея сближения со странами Азии» — 16%.

Вполне закономерно, что представителям трех выделенных типов по-разному видится экономический путь развития страны (см. табл. 7). Если у первого типа более явно прослеживается тенденция определения «особого пути развития» России (26% при 22% по всему массиву и только 16% у второго типа),

Таблица 6

**Распределение ответа на вопрос:
«Какая национальная идея могла бы объединить российское общество»
(в процентах от преобладающего типа идентичности)**

Варианты ответа	Россиянин, человек своего города	Человек мира, Интернета, европеец	Азиат	Весь массив
Идея правового государства, равенства всех граждан перед законом	34	43	33	36
Идея единения народов России в целях возрождения страны как великой державы	44	22	29	32
Идея объединения народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством	32	33	33	31
Идея социально справедливого государства и обеспечения благополучия	28	40	25	31
Идея России, как современного демократического государства	21	37	18	24
Идея индивидуальной свободы, приоритет интересов личности над интересами государства	14	28	18	20
Идея патриотизма, служения на благо России, будущего моих детей	26	12	16	18
Идея сближения со странами Азии	8	11	16	11
Идея сближения с Западом, вхождение России в общеевропейский дом	5	18	12	11
Идея национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа	13	10	9	11
Возвращение к социалистическим идеалам и ценностям	6	8	9	9
Идея объединения славянских народов	9	9	9	9

то у второго типа идентичности приоритет получил западный путь экономического развития — «свободная рыночная экономика» (36% при 26% по всему массиву). У третьего типа ответы соответствуют распределению по массиву в целом при большом количестве затруднившихся с ответом на заданный вопрос.

Разными видятся и понятия, которые должны лежать в основе политики России (см. табл. 8). У первого типа на первом месте «справедливость» — 62%; больше, чем по массиву в целом выражена ценность «патриотизма» (22% при 16% по всему массиву) и существенно меньше выражена ценность «свободы» (44% при 50% по всему массиву). У второго типа, наоборот, более выражены западные ценности, на первом месте у представителей этого типа идентичности расположены «права человека» и «свобода» (60–61% при 50–55% по всему массиву), более значимо выражена ценность «демократии» (33% и 27% соответственно). Не так существенно отличаются выраженные ценности у третьего типа, только более выражена ценность «народности».

Таблица 7

**Распределение ответа на вопрос:
«Какой путь развития, по Вашему мнению, наиболее приемлем для России?»
(в процентах от преобладающего типа идентичности)**

Варианты ответа	Россиянин, человек своего города	Человек мира, Интернета, европеец	Азиат	Весь массив
Свободная рыночная экономика	22	36	21	26
У России должен быть свой особый путь развития	26	16	22	22
Социально-ориентированная экономика	14	20	14	16
Экономика с преобладанием государственных форм собственности	8	5	10	8
Другое мнение	1	1	1	1
Затрудняюсь ответить	29	22	32	28

Таблица 8

**Распределение ответа на вопрос:
«Какие три понятия должны лежать в основе политики России»
(в процентах от преобладающего типа идентичности)**

Варианты ответа	Россиянин, человек своего города	Человек мира, Интернета, европеец	Азиат	Весь массив
Справедливость	62	53	53	57
Права человека	52	61	50	55
Свобода	44	60	46	50
Демократия	23	33	25	27
Равенство	21	25	26	25
Закон	19	21	20	20
Порядок	17	15	20	18
Патриотизм	22	10	16	16
Духовность, нравственность	17	12	18	16
Государственность, сильная государственная власть	15	8	13	12
Социальное государство	9	14	11	12
Частная собственность	7	12	12	11
Суверенитет	12	10	12	11
Свобода предпринимательства	8	13	11	11
Народность	11	7	14	10
Солидарность	8	10	10	9
Народовластие	6	9	11	9
Согласие	7	5	10	7
Религия, религиозные традиции	7	3	7	6
Конкуренция	3	7	7	5
Самодержавие	4	3	7	5
Интернационализм	2	5	6	4
Православие	4	2	4	3
Другое	1	1	2	1

Важным аспектом для анализа являются установки и ощущение принадлежности к стране, где родился и живёшь (см. табл. 9). В целом большинство российских студентов (61%) по всему массиву Родины считают Россию, независимо от того, где жить лучше — здесь или в другой стране. При этом у студентов с приоритетной общероссийской идентичностью эта установка выражена существенно заметнее — 81% (у студентов с идентичностью «человек мира» — 58%, «азиат» — 50%). Обращает на себя внимание, что каждый пятый (22%) респондент с идентичностью «человек мира» выбрал суждение «Для меня Родина там, где мне комфортно, хорошо жить, независимо от того, где я родился».

Таблица 9

Распределение ответа на вопрос: «Где твоя родина?»
(в процентах от преобладающего типа идентичности)

Варианты ответа	Россиянин, человек своего города	Человек мира, Интернета, европеец	Азиат	Весь массив
Я считаю Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше — здесь или в другой стране	81	58	50	61
Я хотел бы считать Россию своей Родиной, при условии, что в ней жить будет лучше, чем в других странах	4	8	10	8
Для меня Родина там, где мне комфортно, хорошо жить, независимо от того, где я родился	7	22	17	17
Я думал об этом, но пока затрудняюсь ответить	4	7	10	7
Я не задумывался над этим вопросом	3	5	13	8

Соответственно и установки жить за рубежом существенно меньше выражены у представителей первого типа идентичности (22%), тогда как у второго типа такое желание высказал каждый второй — 50%, среди третьего типа — 42% (см. рис. 3).

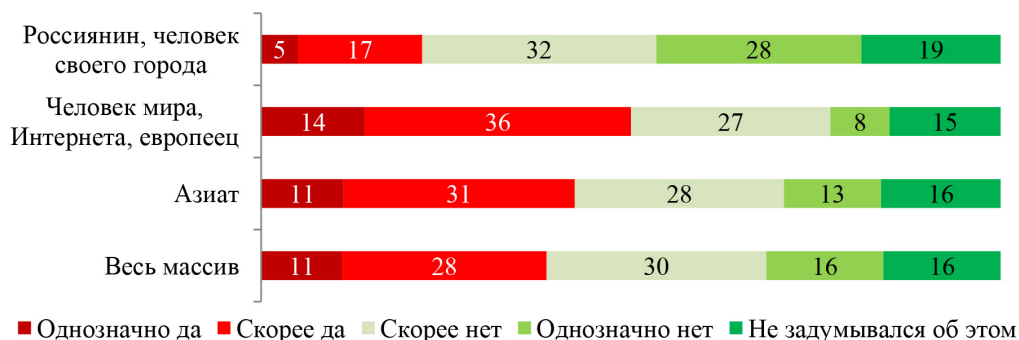

Рисунок 3. Распределение ответа на вопрос:
«Есть ли намерение после окончания ВУЗа жить за рубежом?»
(в процентах от преобладающего типа идентичности)

Основными причинами планов переезда в другую страну студенты с идентичностью «люди мира, Интернета» в первую очередь называют «интерес, желание посмотреть мир» (66%). На втором месте — неудовлетворённость российскими зарплатами (38%). Каждый третий (33%) в качестве причины переезда за рубеж называет недовольство общественно-политическим устройством страны» (20% по всему массиву) (см. табл. 10).

Таблица 10

Распределение ответа на вопрос: «Если Вы планируете поехать в другую страну, то по какой причине?» (в процентах от превалирующего типа идентичности)

Варианты ответа	Россиянин, человек своего города	Человек мира, Интернета, европеец	Азиат	Весь массив
Из интереса, хочу посмотреть мир	58	66	55	59
Не устраивает уровень зарплат в России	25	38	34	33
Хочу найти новых друзей за рубежом	17	24	20	20
Не устраивает общественно-политический курс страны	10	33	18	20
В России мало перспектив для карьерного роста	11	21	19	18
Планирую дальше учиться за рубежом	6	13	15	11
Хочу удачно выйти замуж / жениться за рубежом	5	10	11	9
Хочу получить другое гражданство	4	14	8	9
Мало развлечений в России	4	7	10	7
В России нет нужной вакансии	3	6	7	5
Другая причина	2	3	3	3
НЕ планирую жить за рубежом	53	26	32	37

Выводы. Ценностный подход к исследованию выбора национальной идентичности молодёжи имеет большой эвристический потенциал. В данной работе было доказано, что существует значимая взаимосвязь социально-политических ценностей и выбора национальной идентичности. По материалам эмпирического исследования выявлено, что среди российского студенчества наиболее выражен общероссийский тип национальной идентичности, который тесно связан и интегрируется с региональной идентичностью. Студенты с этим типом идентичности чаще других выбирают такие ценности, как справедливость, патриотизм, государственность, сильная государственная власть. Для данного типа характерны более позитивные оценки положения России на мировой арене, уровня развития экономики, а также более оптимистические прогнозы развития страны через 10–15 лет. Основная национальная идея им представляется в единении народов России в целях возрождения страны как великой державы. У студентов с общероссийской идентичностью слабо выражена установка уехать за рубеж, демонстрируется желание строить карьеру в родной стране и родном городе. Второй тип — люди, которые ощущают себя «человеком мира», «человеком Интернета», «европейцем». Они чаще выбирают либеральные ценности, дают существенно менее позитивные оценки настоящего и будущего России. Основной национальной идеей «люди мира, Интернета», в первую очередь, видят сближение России с Западом на основе построения современного

правового демократического государства, обеспечивающего своим гражданам права и индивидуальную свободу. Главным отличием этого типа является ярко выраженное желание уехать за рубеж на постоянное место жительства. Одной из важных причин желания жить за рубежом они называют недовольство общественно-политическим курсом страны. Третий тип — наиболее выраженная идентичность «азиат». По основным социально-экономическим настроениям и пессимизму близки ко второму типу, но выбор ценностей и идеологических ориентиров размыт, отличается неопределённостью. У студентов, выбравшие идентичность «азиат», сильно выражены миграционные установки.

Таким образом эмпирически подтверждена острота и актуальность исследуемой проблемы. Молодое поколение, система ценностей которого формировалась в эпоху утверждения западных ценностных стандартов, испытывает серьёзные трудности при выборе идентичности. При этом, очевидно, что вектор будущего развития нашей страны, её место и роль в составе мирового целого во многом будет определяться выбором идентичности молодого поколения, тех студентов, которые участвовали в нашем исследовании и всех молодых россиян, становящимися уже сегодня субъектами развития и управления страной. Проблема требует постоянного исследовательского мониторинга, данные которого должны стать основой своевременных корректировок молодёжной государственной, региональной, вузовской политик.

Библиографический список

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. М. : Прогресс, 1996. 344 с. ISBN 5-01-004479-X.
2. *Tajfel H.* Human groups and social categories. Cambridge : Cambridge University Press, 1981. ISBN 978-0521280730.
3. *Tajfel H., Turner J. C.* The social identity theory of intergroup behavior // *Political Psychology*. New York : Psychology Press, 2004. P. 276–293. DOI [10.4324/9780203505984-16](https://doi.org/10.4324/9780203505984-16).
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии сознания / Пер. с англ. Е. Руткевич. Москва : Медиум, 1995. 322 с. ISBN 5-85691-036-2.
5. *Giddens A.* Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. Cambridge : Polity Press, 1991. 264 p. ISBN 978-0-8047-1943-8.
6. Шюц А. Структура повседневного мышления // *Социологические исследования*. 1988. № 2. С. 129–137.
7. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок : пер. с англ. М. : Идея-Пресс, 2000. 309 с. ISBN 5-7333-0016-7.
8. Мид Дж. Г. Избранное : сб. переводов / Сост. и пер. В. Г. Николаев; Отв. ред. Д. В. Ефременко. М. : ИНИОН РАН, 2009. 290 с. ISBN 978-5-248-00476-8. EDN [MQGIQV](https://www.edn.ru/MQGIQV).
9. *Vauman Z.* Migration and identities in the globalized world // *Philosophy & Social Criticism*. 2011. Vol. 37, № 4. P. 425–435. DOI [10.1177/0191453710396809](https://doi.org/10.1177/0191453710396809).
10. Авдеев Е. А., Ерохина М. Е. Ценностные основания идентичности молодежи Северного Кавказа // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2022. № 1(65). С. 56–65. DOI [10.52452/18115942_2022_1_56](https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_56). EDN [HLJPNC](https://www.edn.ru/HLJPNC).
11. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Конфликт идентичностей: зарубежные исследовательские концепции // *Социально-гуманитарные знания*. 2022. № 6. С. 34–40. EDN [UQNKLJ](https://www.edn.ru/UQNKLJ).
12. Тулаева С. А., Гладун Е. Ф., Захарова О. В. Молодежь коренных малочисленных народов Севера: стратегии конструирования идентичности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022. Т. 25, № 1. С. 168–189. DOI [10.31119/jssa.2022.25.1.6](https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.6). EDN [LKLOQI](https://www.edn.ru/LKLOQI).
13. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // *Нации и национализм : сб. ст.* М. : Праксис, 2002. С. 332–346.

14. *Герштейн И. З., Казаков М. А.* Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 36–42. EDN [VMWNVL](#).
15. *Тишков В. А.* Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской Академии наук. 2019. Т. 89, № 4. С. 408–412. DOI [10.31857/S0869-5873894408-412](#). EDN [YDHEYZ](#).
16. *Селезнева А. В.* Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177–192. DOI [10.17223/1998863X/49/18](#). EDN [GOSNKF](#).
17. *Селезнева А. В.* Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан: поколенческий срез // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3(15). С. 22–33. EDN [OEYQSN](#).
18. *Латин Н. И.* Традиционные и либеральные ценности в современном российском обществе // Человек. Наука. Цивилизация : К семидесятилетию академика В. С. Степина : сб. ст. М. : Канон+, 2004. С. 738–755. ISBN 5-88373-225-9.
19. *Павлова Т. П.* Национальная идентичность: проблема выбора ценностей // Вестник Бурятского государственного университета. 2023. № 2. С. 3–11. DOI [10.18101/1994-0866-2023-2-3-11](#). EDN [UUEQWD](#).
20. *Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.* Представления молодежи о будущем страны в проекции культуры // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 39–52. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](#). EDN [HMLFLO](#).
21. *Левашов В. К., Гребняк О. В., Новоженкина О. П.* Образы будущего в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, цифровые инновации и социально-политические ожидания // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 104–120. DOI [10.17213/2075-2067-2021-2-104-120](#). EDN [SETQMU](#).
22. *Бойков В. Э.* Ценностные ориентации россиян как фактор интеграции и дезинтеграции общества // Социология власти. 2009. № 7. С. 29–41. EDN [KZCTGR](#).
23. *Вилков А. А.* Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 101–107. DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107](#). EDN [OJUWVV](#).
24. *Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А.* Представления студенческой молодежи о смыслах образования: социокультурные особенности саморегуляции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 44–69. DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.3](#). EDN [RVEXBB](#).

Поступила: 07.10.2023. Доработана: 05.04.2024. Принята: 11.04.2024.

Сведения об авторах:

Воробьева Ирина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет. Череповец, Россия.

vorobyova-i-n@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [290982](#); ORCID: [0000-0001-5970-051X](#)

Мехова Альбина Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет. Череповец, Россия.

albina_mehova@mail.ru

Author ID РИНЦ: [382916](#); ORCID: [0000-0001-6377-3404](#)

I. N. Vorobeva¹, A. A. Mekhova¹

¹Cherepovets State University. Cherepovets, Russia

MANIFESTATION OF NATIONAL IDENTITY IN THE SOCIO-POLITICAL VALUES OF STUDENT YOUTH

Abstract. The problem of national identity is one of the most controversial, not losing scientific and socio-political relevance for many centuries. National identity is based on a system of value guidelines that unites individuals into a single historical, cultural and social community. The formation of national self-awareness occurs in the process of internalization by an individual of the value system of his country. At the same time, the self-perception of belonging to a certain nation is not predetermined by formal citizenship and is not given once and for all; throughout the life of an individual there is the possibility of choice and change of national identity. This choice is inevitable when the country's value guidelines change. The modern period in Russian history, and indeed the whole world, is a kind of bifurcation point; the values of the globalizing world, the so-called Western values, come into conflict with traditional Russian values. For the preservation of Russian national identity, the choice of young people is of particular importance. The future of the country depends on what value guidelines form the basis of the national self-determination of today's Russian youth. The article presents the results of a study of the relationship between socio-political values and the choice of national identity of Russian students. It is not by chance that students are identified as the object of observation. As the avant-garde, the most educated part of young people with high ambitions and a desire for social independence, students are the most receptive to change. For the analysis, empirical data from a study by the Center for Political Science of the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS "Students of Russia: civic culture and life strategies" were used. Using the method of factor analysis, based on the results of an empirical study, three basic types of identity were identified: "Russian, person of his city", "person of the world, the Internet", "Asian". It has been proven that the prevailing type of student identity is closely related to his socio-political attitudes and guidelines. The types that differ most in their views are "Russian, person of the city" and "person of the world, the Internet." The first type is characterized by pronounced positive assessments of Russia's situation on the world stage, optimistic forecasts for the development of both the economy and the development of the country as a whole in 10-15 years. Representatives of this type see the main national idea in the unity of the peoples of Russia in order to revive the country as a great power. Representatives of the "person of the world, Internet" type are characterized by less positive assessments of the present and future of Russia. The main national idea for them is to create a legal and modern democratic state, the path of development is a free market economy. Among the values, such concepts as human rights, freedom and democracy are more significantly represented. But the most important difference between the second type is the pronounced migration sentiment.

Keywords: national identity, socio-political attitudes, student youth, factor analysis

For citation: Vorobeva I. N., Mekhova A. A. Manifestation of national identity in the socio-political values of student youth. *Science. Culture. Society.* 2024;30(3):114–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.7>

References

1. Erikson E. Identity: youth and crisis. Moscow: Progress; 1996. (In Russ.). ISBN 5-01-004479-X.
2. Tajfel H. Human groups and social categories. Cambridge: Cambridge University Press; 1981. ISBN 978-0521280730.
3. Tajfel H. and Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior. In: Political Psychology. New York: Psychology Press; 2004. P. 276–294. DOI [10.4324/9780203505984-16](https://doi.org/10.4324/9780203505984-16).
4. Berger P., Lukman T. The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge. Moscow: Medium; 1995. (In Russ.). ISBN 5-85691-036-2.
5. Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. Cambridge: Polity Press; 1991. ISBN 978-0-8047-1943-8.
6. Schutz A. The structure of everyday thinking. *Sociological Studies.* 1988;(2):129–137. (In Russ.).

7. Cooley C. H. Human nature and the social order. Moscow: Idea-Press.; 2000. (In Russ.). ISBN 5-7333-0016-7.
8. Mead J. G. Selected works: col. of translations. Moscow: INION RAN; 2009. (In Russ.). ISBN 978-5-248-00476-8.
9. Bauman Z. Migration and identities in the globalized world. *Philosophy & Social Criticism*. 2011;37(4):425–435. (In Russ.). DOI [10.1177/0191453710396809](https://doi.org/10.1177/0191453710396809).
10. Avdeev E. A., Erokhina M. E. Value-semantic basis of the North Caucasus youth identity. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2022;(1):56–65. (In Russ.). DOI [10.52452/18115942_2022_1_56](https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_56).
11. Volkov Yu. G., Kurbatov V. I. Identity conflict: foreign research concepts. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2022;(6):34-40. (In Russ.).
12. Tulaeva S. A., Gladun E. F., Zakharova O. V. Northern indigenous youth: identity construction strategies. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2022;25(1):168–189. (In Russ.). DOI [10.31119/jssa.2022.25.1.6](https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.6).
13. Hobsbawm E. The principle of ethnicity and nationalism in modern Europe. In: Nations and nationalism: col. of art. Moscow: Praxis; 2002. P. 332–347. (In Russ.).
14. Gershtein I. Z., Kazakov M. A. National-state identity: historical evolution of the models and modern typology. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2016;(6):36–42. (In Russ.).
15. Tishkov V. A. Russia's identity: grand challenges. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk*. 2019;89(4):408–412. (In Russ.). DOI [10.31857/S0869-5873894408-412](https://doi.org/10.31857/S0869-5873894408-412).
16. Selezneva A. V. Conceptual and methodological foundations of the political-psychological analysis of political values. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2019;(49):177–192. (In Russ.). DOI [10.17223/1998863X/49/18](https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18).
17. Selezneva A. V. Psychological analysis of political values in contemporary Russian public: generational aspect. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2011;(3):22–33. (In Russ.).
18. Lapin N. I. Traditional and liberal values in modern Russian society. In: Man. Science. Civilization. On the seventieth birthday of Academician V. S. Stepin. Moscow: Canon+; 2004. P. 738-755. (In Russ.). ISBN 5-88373-225-9.
19. Pavlova T. P. National identity: the problem of choosing values. *Bulletin of Buryat State University*. 2023;(2):3–11. (In Russ.). DOI [10.18101/1994-0866-2023-2-3-11](https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-2-3-11).
20. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Youth views about the future of the country in the projection of culture. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):39–52. (In Russ.) DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1).
21. Levashov V. K., Grebnyak O. V., Novozhenina O. P. Images of the future in the consciousness of Russian youth: value orientations, digital innovation and socio-political expectations. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences*. 2021;14(2):104–120. (In Russ.). DOI [10.17213/2075-2067-2021-2-104-120](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-104-120).
22. Boykov V. E. Value orientations of Russian people as a factor of integration and disintegration of the society. *Sociology of Power*. 2009;(7):29–41. (In Russ.).
23. Vilkov A. A. Value and ideological factor of formation of the image of Russia's future among modern youth (regional case). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2022;22(1):101–107. (In Russ.). DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107).
24. Seliverstova N. A., Zubok Yu. A. Ideas about the meanings of education among students: socio-cultural peculiarities of self-regulation. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(1):44–69. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.1.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.3).

Received: 07.10.2023. Corrected: 05.04.2024. Accepted: 11.04.2024.

Information about the authors:

Irina N. Vorobeva, Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies, Cherepovets State University. Cherepovets, Russia. vorobyova-i-n@yandex.ru
ORCID: [0000-0001-5970-051X](https://orcid.org/0000-0001-5970-051X)

Albina A. Mekhova, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Social Technologies, Cherepovets State University. Cherepovets, Russia. albina_mehova@mail.ru
ORCID: [0000-0001-6377-3404](https://orcid.org/0000-0001-6377-3404)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.3.8](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.8)
EDN [NIXMKV](https://nkd.net/ru/19181/nko.2024.30.3.8)
УДК 323.2

А. В. Анищенко¹

¹ Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена выявлению специфики влияния «цифрового» фактора на динамику и трансформацию политической активности современной российской молодёжи. Автор уделяет особое внимание влиянию социальных сетей и цифровых медиа на политическое участие молодого поколения. Сегодня не только усиливается тенденция к появлению многообразных стратегий политической онлайн-деятельности российской молодёжи, но происходят существенные изменения в различных ролевых моделях политического участия, дифференцирующих пассивно вовлечённых «зрителей» и деятельных активистов. Те молодые россияне, которые активно пользуются онлайн-ресурсами в своей общественно-политической деятельности, уже довольно эффективно используют цифровые технологии и способы привлечения новой аудитории, социальной мобилизации, поиска сторонников, координации совместных действий и т.д. Отмечается, что ключевой тенденцией последних лет становится «цифровизация политического участия» молодёжи и распространение феномена политического онлайн-участия. Автор приходит к выводу, что, несмотря на устойчивый рост численности молодых пользователей социальных сетей и потребителей цифровых медиа, возрастание роли этих онлайн-ресурсов как политических факторов, всё же не стоит преувеличивать их значение в процессе политической мобилизации. Трансформация социально-политического контекста и снижение общего уровня протестных настроений в обществе, «успокоение» стихийной мобилизации в «офлайне» непременно приводит и к снижению мобилизационного значения социальных сетей, и к сокращению численности протестно настроенной молодёжи.

Ключевые слова: российская молодёжь, политическое участие, цифровизация, социальные сети, цифровые медиа

Для цитирования: Анищенко А. В. Особенности политического участия российской молодёжи в условиях цифровизации // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 130–141. DOI [10.19181/nko.2024.30.3.8](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.8). EDN [NIXMKV](https://nkd.net/ru/19181/nko.2024.30.3.8).

Введение. Современные цифровые технологии оказывают существенное влияние на расширение спектра практик политического участия по нескольким направлениям. Во-первых, происходит трансформация традиционных форм и моделей политического участия под влиянием цифровых информационно-коммуникационных технологий. В частности, социальные сети и мессенджеры используются как инструменты для организации, мобилизации, реализации тех или иных форм политического участия и гражданско-политического активизма.

Во-вторых, под влиянием развития цифровых информационно-коммуникационных технологий появляются совершенно новые формы и модели гражданско-политического участия [1].

Согласно исследованию ВЦИОМ 2024 года, 8 из 10 россиян (81%) являются активными пользователями цифровых услуг, а наиболее активные из них —

представители молодого поколения¹. Так, общая доля пользователей интернета среди поколения миллениалов² и зумеров³ составляет от 92 до 96%. Таким образом, цифровые технологии сегодня являются неотъемлемым элементом повседневного образа жизни и коммуникации современной российской молодёжи. Открытым остаётся вопрос о специфике влияния «цифрового» фактора на политическую активность молодого поколения.

Российская молодёжь и политика. Как отмечают современные отечественные исследователи, молодёжь в России проявляет больший интерес к участию в политической жизни, в отличие от старшего поколения [2; 3]. При этом электоральный выбор граждан старшего возраста, конечно, остаётся существенным фактором внутренней российской политики. Большая часть молодых россиян начинают знакомство с политикой, когда их возраст составляет 15–18 лет. В последние годы наблюдается тенденция к «омоложению» этой стадии политической социализации и участия — среди участников политических акций в России встречаются подростки в возрасте 12–14 лет. Систематическое знакомство с политическим устройством и функционированием политической системы происходит у подростков в старших классах школы, в частности, на уроках обществознания; своего рода «пик» политического образования у молодых россиян в постсоветский период чаще всего приходится на первые президентские выборы по достижению ими 18-летнего возраста. Это связано с тем, что в России именно выборы главы государства являются наиболее популярным политическим событием как с точки зрения электорального участия (явки), так и общественного интереса. Так, исследователи и госслужащие отмечают, что президентские выборы 2024 года отличались высокой явкой молодёжной части российского электората⁴.

Недавние исследования общественного мнения показывают, что политическая и правовая социализация российской молодёжи находится на достаточно высоком уровне. Так, по данным ВЦИОМ, трое из четырёх молодых людей в России хорошо знают историю своей страны (76%), а формальные законы и правила для российской молодёжи имеют большее значение, чем неформальные: большинство 14–35-летних граждан признают необходимость соблюдать требования Уголовного Кодекса и Конституции РФ, даже если они кажутся не совсем справедливыми или устаревшими, — 78% и 74% соответственно⁵.

Подростки и молодые люди в возрасте от 15 до 20 лет практически не знакомы с политическими реалиями, они лишь в общих чертах различают политико-

¹ Наша цифровая повседневность // ВЦИОМ. 14.05.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost> (дата обращения: 24.05.2024).

² Миллениалами, или Поколением Y, обозначают поколение людей, родившихся в период с начала 1980-х до конца 1990-х годов. См.: Oxford Learner Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/millennial_2 (дата обращения: 24.05.2024).

³ Зумерами, или Поколением Z, обозначают поколение людей, родившихся в период с конца 1990-х до начала 2010-х годов. Одной из отличительных черт этого поколения является активное использование интернета и цифровых технологий. См.: Oxford Learner Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/generation-z> (дата обращения: 24.05.2024)

⁴ Более 1,3 млн молодых россиян впервые проголосовали на президентских выборах // ТАСС. 19.03.2024. URL: <https://tass.ru/politika/20281529>; Выборы Президента – 2024: мотивация избирателей // ВЦИОМ. 18.03.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-prezidenta-rossii-2024-motivacija-izbiratelei> (дата обращения: 24.05.2024).

⁵ Ценности молодёжи // ВЦИОМ. 14.12.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 24.05.2024).

идеологические направления, специфику государственного устройства, политический расклад сил, программы партий, особенности функционирования политической системы. Всё это свидетельствует о том, что способ и условия вовлечения молодёжи в политический процесс в дальнейшем определяют его взгляды, особенности политического сознания и поведения. По мнению О. В. Поповой, сегодня порядка 17% представителей российского молодого поколения ничего не могут сказать о своём желании и готовности участвовать в политике [4]. 59% молодых респондентов заявляют о готовности обращаться в различные государственные учреждения. Среди других популярных видов политической активности, на которые готовы решиться молодые люди, — обращения в общественные и некоммерческие организации (это готовы совершить 30,4% опрошенных), голосование на избирательном участке (23,5% респондентов), участие в законных протестных мероприятиях, забастовках, провластных митингах, массовых демонстрациях (23,4%), готовность обсуждать и распространять в социальных сетях информацию политического характера (22,5%). Наконец, существенно меньшее число молодых респондентов потенциально готовы принимать личное участие в деятельности НКО (15%), несанкционированных протестных акциях (12,3%), деятельности партийных политических организаций (11,2%), финансовой поддержке партий и/или политических кандидатов (5,7%) [4].

Порядка трети представителей российской молодёжи — 29,2% — вообще не участвуют в политической жизни [4, с. 194–195]. Наиболее распространённой формой политического участия у российского молодого поколения является электоральное участие: на выборы ходит 35,9% опрошенных. В государственные органы обращались 20,2% молодёжи; почти каждый шестой представитель молодого поколения (15,7%) распространяет/комментирует политическую информацию или обсуждает темы социально-политического характера в социальных сетях и других новых медиа. 7–10% опрошенной молодёжи имеют опыт участия в легальных массовых политических акциях: забастовках, демонстрациях, политических митингах. Более 8% молодых людей принимали участие в деятельности общественных организаций, а 7,1% имели опыт обращения в такие организации. 5% российской молодёжи в той или иной форме работали на политические партии или принимали участие в их мероприятиях, а 4,4% — были участниками несанкционированных протестных митингов и иных акций. Менее 2% молодых россиян оказывали финансовую поддержку политическим деятелям и их проектам.

Стоит отметить, что низкий уровень политического участия молодёжи характерен не только для современной России, но и для многих зарубежных стран. В частности, последние десятилетия в Великобритании, Франции и Германии наблюдается нестабильная динамика электорального участия молодых граждан. Так, в Великобритании с конца 1990-х годов фиксируется самый низкий уровень электорального участия молодёжи среди развитых европейских стран (на 20% ниже, чем во Франции, и на 30% ниже по сравнению с Германией) [5]. На французских выборах разного уровня с конца 1970-х годов наблюдается высокая доля абсентеистов среди молодёжи, а, к примеру, на выборах президента Франции 2017 года в голосовании приняли участие лишь трое из десяти зарегистрированных в качестве избирателей молодых граждан [6]. Пожалуй, наиболее высокий показатель электорального участия молодёжи среди развитых государств сегодня наблюдается в Германии: в 2000–2010-е годы в выборах стабильно принимали участие от 60 до 70% избирателей в возрасте от 18 до 29 лет [7].

Интернет и политическая активность молодежи. О. В. Попова приходит к любопытным выводам о взаимосвязи источников политической информации и форм политической активности молодого поколения россиян. Так, к примеру, молодые люди, которые выбирают телевидение в качестве основного источника информации политического характера, ограничивают свою политическую деятельность электоральным участием. Те же, кто не ограничивается федеральными ТВ-каналами, но регулярно смотрит также местное или региональное телевидение, помимо участия в выборах, склонны обращаться в органы государственной власти и различные общественные организации, либо же — является их сотрудником.

Более широким представляется спектр политических практик российской молодёжи, использующей в качестве источников политической информации другие источники. Так, например, взаимодействие в мессенджерах и на площадках социальных сетей коррелирует с опытом участия молодых людей в деятельности общественных организаций; те, кто отдаёт предпочтение радио, отмечают свой опыт электорального участия, а также работы в политических партиях [8, с. 274–307].

Молодые респонденты, которые получают политическую информацию из онлайн-медиа и социальных сетей, отмечают, что имеют опыт участия в деятельности политических партий и легальных массовых мероприятиях политического характера (митинги, демонстрации и т.д.). В органы государственной власти обращаются молодые россияне, которые потребляют информацию благодаря федеральной печатной прессе; они же отмечают, что ходят на избирательные участки, принимают участие в работе партий и общественных организаций, выходят на санкционированные политические акции. Представители молодёжи, регулярно читающей местную и региональную прессу социально-политической направленности, склонны к совершению таких же политических действий, как и предыдущая группа, за исключением участия в массовых политических мероприятиях. Наконец, любопытно то, что молодые люди, которые читают газеты политических партий и иную агитационную продукцию политического характера, не ходят на выборы, не склонны иметь дело с государственными органами, а также не поднимают политические темы во время коммуникации в социальных сетях [8, с. 274–307].

Среди новых медиа существенной платформой и фактором политической мобилизации молодых россиян являются, в первую очередь, разнообразные социальные сети. Если систематизировать практику использования социальных сетей молодёжью в политических целях, можно выделить следующие этапы в эволюции влияния соцсетей на политическое участие молодых россиян:

- В 2009 году в российском политическом процессе была представлена, главным образом, социальная сеть «ВКонтакте» — доступ к ней имел практически каждый представитель молодого поколения, а сама социальная сеть активно использовалась политическими активистами, представителями некоммерческих организаций, политических сообществ и групп.
- Активизация политического использования новых медиа для мобилизации граждан, особенно молодого возраста, произошла в 2011 году: на первый план выдвинулась социальная сеть Facebook*, с помощью которой происходила мобилизация и рекрутинг участников протестных акций в Москве на Чистых прудах, Болотной площади и проспекте Сахарова.

* Холдинг Meta, куда входит Facebook, 21 марта 2022 года признан экстремистской организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ.

- Весной 2012 года во время массовых протестных акций и многотысячных митингов для организации и координации коллективных действий участники протеста использовали Twitter. Данная социальная сеть использовалась и для координирования совместной деятельности после разгона митинга на Болотной площади, и для последующего мониторинга ситуации со стороны правозащитных организаций.

В то же время следует отметить и определённый положительный, созидательный и консолидирующий потенциал использования социальных сетей среди молодёжи. Так, посещая и вступая в тематические сообщества, изучая новостную ленту, молодые люди приобщаются к актуальной политике и ценностям, которые транслируют те или иные политические субъекты, включая государство. В рамках государственной молодёжной политики, реализуемой сегодня в России, предполагается создание условий для поддержки игровых и медиапрограмм, способствующих патриотическому воспитанию граждан России, активное использование потенциала сети Интернет для работы с молодёжной аудиторией.

В российском сегменте интернета функционируют несколько масштабных просветительских, интерактивных программ и проектов гражданско-патриотической тематики. Стоит отметить такие из них, как «Живая история», «Бессмертный полк», «Волонтеры Победы» и др. Эксперты находят немало преимуществ использования интернет-технологий в системе гражданско-патриотического воспитания по сравнению с традиционными инструментами. Так, О. А. Синюк выделяет следующие возможности интернет-технологий: повышение и стимулирование интереса к информации; активизацию мыслительной деятельности и повышение эффективности воспитания тех или иных качеств личности благодаря интерактивности; моделирование и визуализацию процессов, сложных для демонстрации в реальности, но необходимых для создания полноценного ряда; индивидуализацию воспитания; создание огромного поля для развития креативных способностей, формирования общей и информационной культуры [9].

Анализ влияния новых медиа на политическое участие молодых россиян позволяет дифференцировать данные ресурсы по направлениям их политической специализации: на начальном этапе соцсеть «ВКонтакте» являлась ключевой коммуникационной площадкой; впоследствии для ежедневного взаимодействия на политические темы использовался, главным образом, Twitter и Facebook*; также именно Facebook* стал восприниматься как площадка для публикации записей политического характера и их последующего обсуждения.

На 2024 год лидирующей и по числу пользователей, и по объёму производимого пользовательского контента в России является социальная сеть «ВКонтакте». При этом в общем русскоязычном медиаполе, которое распространяется далеко за пределы Российской Федерации, лидирующей социальной сетью по объёму производимого контента за последние два года стал Telegram⁶.

Цифровизация политического участия и феномен цифрового участия. Сегодня учёные отмечают, что «одной из гипотез прикладного исследования культуры цифрового гражданства и протестного потенциала российской молодёжи

* Холдинг Meta, куда входит Facebook, 21 марта 2022 года признан экстремистской организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ.

⁶ Чёрный В. Социальные сети в России: цифры, тренды, осень 2023 // Brand Analytics. 20.11.2023. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2023> (дата обращения: 24.05.2024).

выступает предположение о том, что цифровое поколение в России существенно дифференцировано по стратегиям гражданских и политических практик онлайн, ролям в цифровых коммуникациях протестного характера» [10]. Исследователи подтверждают свой тезис рядом данных.

Сопоставление и сравнение различных форм политической активности российской молодёжи демонстрирует, по словам Е. В. Бродовской и Т. Хуанга, более высокий уровень вовлеченности представителей молодого поколения в онлайн-форматы политического участия по сравнению с практиками в офлайн. Так, 29,1% опрошенных молодых россиян заявляют о своём интересе к онлайн-ресурсам органов государственной власти, электронным сервисам государственных услуг. 27,8% молодых респондентов состоят или регулярно просматривают онлайн-сообщества социальных сетей, посвящённые тем или иным политическим темам. 26,1% – являются активными пользователями электронных ресурсов оппозиционных политиков и политических сил [10, с. 6–7].

Данные результаты отражают некоторую специфику использования российской молодёжью новых медиа и онлайн-ресурсов, а именно — стремление использовать разнообразные источники политической информации, широкий охват таких источников, отсутствие фиксированных политико-идеологических рамок и границ, обуславливающих выбор и потребление контента политического характера [11]. Так, 7,9% молодых людей используют социальные сети, чтобы рекрутировать добровольцев для последующего участия в мероприятиях политического характера. 7,4% молодёжи являются блогерами, которые создают текстовый и визуальный контент, посвящённый разной политической проблематике. 5,2% молодых респондентов являются модераторами онлайн-сообществ и групп политического направления в социальных сетях. Также чуть более 5% опрошенных используют цифровые площадки для сбора материальных ресурсов на определённые политические цели.

Учёные отмечают, что сегодня не только усиливается тенденция к появлению многообразных стратегий политической онлайн-деятельности российской молодёжи, но происходят существенные изменения в различиях ролевых моделей политического участия, дифференцирующих пассивно вовлечённых «зрителей» и деятельных активистов [10]. Те молодые граждане, которые активно пользуются онлайн-ресурсами в своей общественно-политической деятельности, уже довольно эффективно используют цифровые технологии и способы привлечения новой аудитории, социальной мобилизации, поиска сторонников, координации совместных действий и т.д. В то же время почти половина (45,3%) российской молодёжи стремится дистанцироваться и отгородиться от информационного потока политического характера с помощью социальных сетей и различных медийных онлайн-ресурсов.

Что касается офлайн-реальности, то в ней сегодня не наблюдается столь активного и разнообразного политического участия молодых россиян. Результаты социологических исследований 2019 года фиксируют тенденции схожие с показателями 2016 года. Электоральное участие по-прежнему является наиболее распространённой формой политического участия российской молодёжи: 61,5% из них голосуют на выборах. На втором месте политических активностей офлайн — подготовка и подписание различных петиций, просьб, обращений политического характера (этим занимается 35,5% молодых людей). 13% опрошенных принимали участие в избирательных кампаниях, агитируя за кандидатов и партии; также 13% заявили о своём участии в политических акциях, собра-

ниях, протестных митингах. Доля молодых людей, состоящих в тех или иных организациях и формальных сообществах политической направленности, относительно невелика. 10% представителей российской молодёжи являются членами общественных организаций; 6,8% — политических партий, представленных в Государственной Думе; 4,9% опрошенных находятся в статусе сторонников указанных партий. 5,3% молодых людей являются членами политических партий, не представленных в парламенте, а 6,5% — сторонники данных партий. Любопытно, что парламентские и непарламентские политические партии имеют практически одинаковое число членов и сторонников среди российской молодёжи. Также, как видно по результатам соцопроса, молодые люди стремятся, главным образом, к реальным политическим действиям, нежели к работе на партийном поприще.

Стоит отметить, что внедрение технологий дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в российский электоральный процесс позволило увеличить явку молодых избирателей. Так, например, на президентских выборах 2024 года треть всех проголосовавших на платформе ДЭГ составили онлайн-избиратели в возрасте от 18 до 35 лет⁷.

Также результаты исследования Е. В. Бродовской и Т. Хуанг показывают, что «молодые российские пользователи являются “группой-мишенью”, основным адресатом протестного контента в онлайн-пространстве» [10, с. 9]. 26,8% представителей российской молодёжи отмечают, что еженедельно или чаще они сталкиваются в новых медиа — преимущественно в социальных сетях — с призывами принять участие в политических акциях протестного характера. 48,4% также заявили, что сталкиваются с подобными сообщениями, но видят их реже, чем раз в неделю. Таким образом, усиление масштабов протестной политической мобилизации среди российской молодёжи в пространстве новых медиа может быть связано, помимо прочего, с высокой интенсивностью потоков политической информации протестного характера.

В репертуаре протестных сообщений, адресованных молодёжи в информационном пространстве цифровых медиа, доминируют следующие темы (в скобках указана доля молодых респондентов, которые сталкивались с сообщениями данной тематики):

- ущемление прав и ограничение свободы граждан (48,3%);
- тема коррупции в России (46,7%);
- нарушения в ходе проведения выборов и/или подсчёта голосов (36,8%);
- несправедливые постановления и решения органов исполнительной власти, в том числе правительства (36,4%);
- ограничение свободы (цензура) в интернете (32,9%).

Исследователи справедливо отмечают, что протестная онлайн-повестка адаптирована под ценностные установки как раз молодого поколения: в ней почти не заявлены темы справедливого распределения материальных благ, низкой заработной платы, пенсий и другие острые социальные вопросы — онлайн-повестка фиксируется, главным образом, на постматериалистических ценностях [10].

Больше трети (32,5%) молодых россиян говорят, что они равнодушны к политическому контенту протестного характера в социальных сетях: они стремятся пропустить такую информацию не углубляясь в детали. Доля тех молодых

⁷ Явка избирателей на платформе ДЭГ составила 94% // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. 17.03.2024. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/49836/> (дата обращения: 24.05.2024).

людей, кому, напротив, подобный контент представляется интересным, выше: 36,7% молодёжи стараются вникнуть в подробности протестной повестки. При этом доля тех, кто предпринимает какие-либо действия после ознакомления с информацией протестного характера, составляет 12,1%, из которых 5,1% связываются с автором (организатором) и узнают о необходимой помощи, 4,7% стараются найти неравнодушных сторонников среди знакомых, а 2,3% — участвуют в обязательном порядке. Е. В. Бродовская и Т. Хуанг в этой связи говорят о наличии нескольких «протестных» типов молодых россиян: «зрители» — 50,8%, «вовлечённые» — 37%, «активисты» — 7%, «лидеры» — 5,1%» [10, с. 11].

Как видно, интернет стал и средой протестной активности российской молодёжи, и фактором её формирования, развития, функционирования, а сетевизация в значительной степени увеличивает численность вовлечённых в протест граждан, что повышает шансы на успех и результативность кампании [12]. Многочисленные преимущества интернета как инструмента организации протестных действий делают его незаменимым и обязательным в использовании общественными активистами.

Как отмечают в своём исследовании К. Клеман, О. Мирясова и А. Демидов, опыт организации сетевых протестов позволяет говорить о том, что они существенно более эффективны в процессе мобилизации активистов и ресурсов для достижения общей цели, чем протесты, построенные по традиционным методам работы [13, с. 83]. Коллективные действия граждан представляют собой организационные структуры, не имеющие жёсткой иерархии, избавленные от лишних управленческих звеньев и демонстрирующие высокую эффективность коммуникации [14, с. 37].

Мобилизация и коммуникация в сетевом протесте осуществляются посредством таргетированного взаимодействия, культуры сотрудничества, «плоской» иерархии, личной мотивации и вовлеченности активистов. Мобилизацию понимают как коллективное действие, инициированное, как правило, социально-политическим конфликтом [15, с. 3]. Мобилизация реализуется через объединение сообществ для достижения целей [16, с. 146]. Также мобилизация рассматривается как процесс происходящих в обществе изменений, так как под этим следует понимать реакцию социума — инициируемую либо самим обществом, либо властью.

Помимо социальных сетей, мобилизующую функцию выполняют сегодня различные интернет-площадки и новые цифровые технологии. Так, краудсорсинг, будучи технологическим инструментом для вовлечения большого количества людей в совместную работу на онлайн-площадке, показывает, что сегодня «облачные» организации могут добиваться результатов в решении тех мобилизационных задач, с которыми привычные структуры справиться не в состоянии. Так, «буквально через несколько часов после поступления сообщений о наводнении на Кубани в 2012 г. в социальных сетях стали возникать группы помощи, в Твиттере начали появляться сообщения с хештэгами “#поможем” и “#крымск”. Координация действий волонтеров происходила в блогах Живого Журнала, а ближе к вечеру первых суток появилась первая краудсорсинговая карта на базе платформы Ушахида». В целом, «сравнивая ситуацию с мобилизацией интернет-пользователей во время пожаров 2010 года... складывалось впечатление, что в российском сетевом обществе уже накопился опыт мобилизации в кризисных ситуациях и процессы создания инструментов кооперации и их использования стали более оперативными» [17, с. 63].

В качестве потенциального инструмента политической мобилизации российской молодёжи можно назвать и такое явление, как краудфандинг (сетевой фандрайзинг). Исследователи подчёркивают, что современные краудфандинговые практики нередко используются субъектами политического процесса для увеличения уровня политического участия, получения материальных ресурсов на решение политических задач. Так, к примеру В. Э. Гончарова и В. П. Елизарова в своей работе [18] проводят анализ подобных кейсов, среди которых применение массового фандрайзинга во время избирательных кампаний Г. Дина и Б. Обамы.

Всё большее значение сегодня приобретают разнообразные онлайн-агрегаторы, на которых размещаются гражданские петиции, открытые письма, жалобы, собираются подписи для решения общественно значимых проблем. Популярность, к примеру, обрёл веб-сайт Change.org, предназначенный для создания онлайн-петиций. Начать кампанию по сбору подписей с целью повлиять на власти или общество может любой человек, независимо от его статуса и местоположения. Сегодня аудитория Change.org, изначально представлявшего собой блог правозащитной тематики, составляет более 30 млн человек. Нередко подобные инструменты активизации политического участия граждан позволяют решить проблемы федерального или местного уровня и оказываются более эффективными с точки зрения информативности ресурсами, чем сайты органов государственной власти.

Говоря о практиках и моделях политического участия российской молодёжи, сформировавшихся под влиянием цифровых технологий, нельзя обойти вниманием и такой характерный исключительно для цифровой эпохи феномен, как «слактивизм». Под ним понимается «фейковый активизм, в котором реальное действие подменяется исключительно кликами, лайками или репостами, т.е. демонстрацией участия, а не реальным участием» [19, с. 407–408]. Исследователи обратили серьёзное внимание на проблему слактивизма в 2000–2010-х годах, и сразу эта проблема была признана фактором ограничения возможностей медиаактивизма в плане мобилизации сторонников. Основной вывод этих исследований заключается в том, что не стоит переоценивать значение Интернета (в частности, социальных сетей) как площадки для реализации инициатив, ведь, несмотря на рост доступности технологий, которые могут упростить деятельность активистов и сделать её более эффективной, снижение транзакционных издержек инициативности может компенсироваться несерьёзным отношением граждан к участию [20].

Заключение. Несмотря на устойчивый рост численности молодых пользователей социальных сетей и потребителей цифровых медиа, возрастание роли этих онлайн-ресурсов как политических факторов всё же не стоит преувеличивать их значение в процессе политической мобилизации. Трансформация социально-политического контекста и снижение общего уровня протестных настроений в обществе, «успокоение» стихийной мобилизации в «офлайне» непременно приводит и к снижению мобилизационного значения социальных сетей, и к сокращению численности протестно настроенной молодёжи.

Социальные сети и другие форматы новых медиа сами по себе не являются политическими агентами и факторами динамики молодёжного политического участия в России — они лишь инструмент и ресурс, который, как мы показали выше, используется в рамках специализированной организованной работы. В этой связи крайне важно не только исследовать «инструментальную» сторону политического использования социальных сетей, но и анализировать,

кто и с какими целями это делает [17, с. 57–67]. Как и в случае традиционных средств массовой информации и нецифровых форм коммуникации, за практикой применения ресурса социальных сетей в политике всегда стоят организованные группы, использующие онлайн-инструменты для формирования собственной политической повестки и её транслирования целевой аудитории.

В то же время онлайн-технологии предоставляют современным гражданам, в том числе молодёжи, большие коммуникационные, информационные и организационные ресурсы. Использование социальных сетей и мессенджеров стало в 2010-е – начале 2020-х гг. неотъемлемым элементом политического участия в России и других странах. Данная тенденция будет лишь усиливаться и принимать новые формы в контексте дальнейшего развития информационно-коммуникационных технологий.

Библиографический список

1. Анищенко А. В. Феномен цифрового политического участия: формы, модели и существенные аспекты // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 18–27. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.2). EDN [ARPCQCF](https://arpcqcf.com).
2. Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Политическое сознание и поведение современной молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2023. Т. 16, № 1. С. 80–94. DOI [10.31660/1993-1824-2023-1-80-94](https://doi.org/10.31660/1993-1824-2023-1-80-94). EDN [RKBNKE](https://rkbnke.com).
3. Любарев А. Е. Активность избирателей на федеральных, региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации // ВВ: Проблемы общества и политики. 2013. № 8. С. 138–209. DOI [10.7256/2306-0158.2013.8.8778](https://doi.org/10.7256/2306-0158.2013.8.8778). EDN [RWWZQJ](https://rwwzqj.com).
4. Попова О. В. Приоритетные источники политической информации и политические практики российской молодежи // Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве : Сб. науч. трудов XXXVI Международного Харакского форума (Ялта, 15–17 мая 2019). Симферополь : Ариал, 2019. С. 191–200. EDN [IJJNNC](https://ijjnn.com).
5. Kimberlee R. H. Why don't British young people vote at general election? // Journal of Youth Studies. 2002. Vol. 5, No. 1. P. 85–98. DOI [10.1080/13676260120111788](https://doi.org/10.1080/13676260120111788).
6. Шакурова Н. Е. Актуальные тенденции электоральной активности молодежи в государствах Европы // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 4(18). С. 81–91. EDN [AZAZYZ](https://azazyz.com).
7. Баранов А. В. Сравнительный анализ целей и направлений электоральной политики Европейского Союза и Российской Федерации в отношении молодежи // Historia Provinciae – журнал региональной истории. 2017. Т. 1, № 3. С. 39–51. DOI [10.23859/2587-8344-2017-1-3-3](https://doi.org/10.23859/2587-8344-2017-1-3-3). EDN [ZQIVWH](https://zqivwh.com).
8. Малькевич А. А. Новые медиа в политическом процессе России. Пятигорск : РИ-А-КМВ, 2023. 368 с. ISBN 978-5-6049937-9-8. EDN [RRPSXS](https://rrpsxs.com).
9. Синюк О. А. Организация воспитательной работы в школе с использованием информационно-коммуникационных технологий // Эксперимент и инновации в школе. 2010. № 5. С. 56–59. EDN [MZIKKJ](https://mzikkj.com).
10. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5(153). С. 3–18. DOI [10.14515/monitoring.2019.5.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01). EDN [GGAGUX](https://ggagux.com).
11. Княшева Ю. Б., Муращенков С. В. Социально-политические риски гражданского участия российской молодежи в условиях цифровизации общества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 3. С. 108–121. DOI [10.28995/2073-6339-2023-3-108-121](https://doi.org/10.28995/2073-6339-2023-3-108-121). EDN [HZHNAQ](https://hzhnaq.com).
12. Соколов А. В., Палагичева А. В. Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте // Политическая наука. 2020. № 3. С. 266–297. DOI [10.31249/poln/2020.03.12](https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.12). EDN [EDJBAO](https://edjba.com).
13. Клеман К. М., Мирясова О. А., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М. : Три квадрата, 2010. 688 с. ISBN 978-5-94607-139-0. EDN [QPQZCZ](https://qpqcz.com).

14. Усачева О. А. Сети гражданской мобилизации // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 35–42. EDN [PGSAZP](#).
15. Яницкий О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6(338). С. 3–12. EDN [PBTUIB](#).
16. Кремль Т. В. Политическая мобилизация: объекты и субъекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5. С. 146–149. EDN [RPXODR](#).
17. Филатова О. Г. Интернет-технологии политической мобилизации в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10, № 4. С. 57–67. EDN [VEIDXF](#).
18. Гончаров В. Э., Елизаров В. П. Казус Навального: сетевой фандрайзинг как инструмент политической мобилизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7, № 4. С. 168–182. EDN [ONIEOB](#).
19. Бронников И. А., Горбачев М. В. Политическая коммуникация в изменяющемся мире: теория и практика. М. : Издательство Московского Университета, 2022. 540 с. ISBN 978-5-19-011761-5.
20. Rotman D., Vieweg S., Yardi S. [et al.]. From slacktivism to activism: Participatory culture in the age of social media // Proceedings of the International Conference on Human Factors in Computing Systems. Vancouver, BC, Canada, 2011. P. 819–822. DOI [10.1145/1979742.1979543](#).

Поступила: 04.06.2024. Принята: 10.07.2024.

Сведения об авторе:

Анищенко Александр Викторович, аспирант,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. Москва, Россия.
aav030585@mail.ru

A. V. Anishchenko¹

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS. Moscow, Russia

FEATURES OF POLITICAL PARTICIPATION OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. The article is devoted to identifying the specifics of the influence of the “digital” factor on the dynamics and transformation of political activity of modern Russian youth. The author pays special attention to the role of social networks and digital media on the political participation of the younger generation. Today, not only is the trend towards the emergence of diverse strategies for online political activity of Russian youth increasing, but significant changes are taking place in the differences in role models of political participation that differentiate passively engaged “viewers” and active activists. Those young Russians who actively use online resources in their socio-political activities are already quite effectively using digital technologies and ways to attract a new audience, social mobilization, finding supporters, coordinating joint actions, etc. It is noted that the key trend in recent years has been the “digitalization of political participation” of young people and the spread of the phenomenon of online political participation. The author concludes that despite the steady growth in the number of young users of social networks and consumers of digital media, the increasing role of these online resources as political factors should not be exaggerated in the process of political mobilization. The transformation of the socio-political context and the decrease in the general level of protest moods in society, the “calming down” of spontaneous mobilization in the “offline” certainly leads to a decrease in the mobilization value of social networks, and to a reduction in the number of protest-minded youth.

Keywords: Russian youth, political participation, digitalization, social networks, digital media

For citation: Anishchenko A. V. Features of political participation of Russian youth in the context of digitalization. *Science. Culture. Society*. 2024;30(3):130–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.8>

References

1. Anishchenko A. V. The phenomenon of digital political participation: forms, models and essential aspects. *Science. Culture. Society*. 2023;29(4):18–27. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.2).
2. Rozhkova L. V., Dubina A. Sh. Political consciousness and behavior of modern youth. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2023;16(1):80–94. (In Russ.). DOI [10.31660/1993-1824-2023-1-80-94](https://doi.org/10.31660/1993-1824-2023-1-80-94).
3. Lyubarev A. E. Voter turnout of federal, regional and municipal elections in the Russian Federation. *NB: problemy politiki i obshchestva*. 2013;(8):138–209. (In Russ.). DOI [10.7256/2306-0158.2013.8.8778](https://doi.org/10.7256/2306-0158.2013.8.8778).
4. Popova O. V. Priority sources of political information and political practices of Russian youth. In: Political space and social time: Truth and falsehood in politics and art : Coll. of scientific papers of the XXXVI International Harak Forum (Yalta, May 15-17, 2019). Simferopol: Arial; 2019. P. 191–200. (In Russ.).
5. Kimberlee R. H. Why don't British young people vote at general election? *Journal of Youth Studies*. 2002;5(1):85–98. DOI [10.1080/13676260120111788](https://doi.org/10.1080/13676260120111788).
6. Shakurova N. E. Current trends in the electoral activity of young people in Europe. *Citizen. Elections. Authority*. 2020;(4):81–91. (In Russ.).
7. Baranov A. Comparative analysis of objectives and trends in the electoral policy of the European Union and the Russian Federation in relation to youth. *Historia provinciae – the journal of regional history*. 2017;1(3):38–50. (In Russ.). DOI [10.23859/2587-8344-2017-1-3-3](https://doi.org/10.23859/2587-8344-2017-1-3-3).
8. Malkevich A. A. New media in the Russian political process. Pyatigorsk: RIA-KMV; 2023. P. 274–307. (In Russ.). ISBN 978-5-6049937-9-8.
9. Sinyuk O. A. Organization of educational work at school using information and communication technologies. *Ekspерiment i innovatsii v shkole*. 2010;(5):56–59. (In Russ.).
10. Brodovskaya E. V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest among Russian youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(5):3–18. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2019.5.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01).
11. Kinyasheva Yu. B., Murashchenkov S. V. Sociopolitical risks of civic participation of the Russian youth in the conditions of digitalization of society. *RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations"*. 2023;(3):108–121. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6339-2023-3-108-121](https://doi.org/10.28995/2073-6339-2023-3-108-121).
12. Sokolov A. V., Palagicheva A. V. Mobilization and demobilization in a network political protest. *Political science (RU)*. 2020;(3):266–297. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2020.03.12](https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.12).
13. Clement K. M., Miryasova O. A., Demidov A. From philistines to activists. Emerging social movements in modern Russia. Moscow: Tri kvadrata; 2010. (In Russ.). ISBN 978-5-94607-139-0.
14. Usacheva O. A. Civilian mobilization networks. *Social Sciences and Contemporary World*. 2012;(6):35–42. (In Russ.).
15. Yanitzky O. N. Mass mobilization: problems of theory. *Sociological Studies*. 2012;(6):3–13. (In Russ.).
16. Kremen T. V. Political mobilization: objects and subjects. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2013;(5):146–149. (In Russ.).
17. Filatova O. G. Internet technologies in political mobilization of modern Russia. *Political expertise: POLITEX*. 2014;10(4):57–67. (In Russ.).
18. Goncharov V. E., Elizarov V. P. The Navalny campaign: the network fundraising as a tool for political mobilization. *Political expertise: POLITEX*. 2011;7(4):168–182. (In Russ.).
19. Bronnikov I. A., Gorbachev M. V. Political communication in a changing world: theory and practice. Moscow: Moscow University Press; 2022. (In Russ.). ISBN 978-5-19-011761-5.
20. Rotman D., Vieweg S., Yardi S. [et al.]. From slacktivism to activism: Participatory culture in the age of social media. In: Proceedings of the International Conference on Human Factors in Computing Systems. Vancouver, BC, Canada, 2011. P. 819–822. DOI [10.1145/1979742.1979543](https://doi.org/10.1145/1979742.1979543).

Received: 04.06.2024. Accepted: 10.07.2024.

Information about the author:

Alexander V. Anishchenko, Postgraduate Student,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS. Moscow, Russia.
aav030585@mail.ru

Научная статья
DOI 10.19181/nko.2024.30.3.9
EDN HTUCLK
УДК 325.14

Г. И. Гаджимурадова¹, К. О. Сумин¹
¹ МГИМО МИД России. Москва, Россия

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В США

Аннотация. В статье представлена трансформация миграционной политики США и анализ её влияния на расклад сил в президентской кампании 2024 года. Избирательная кампания 2024 года в США характеризуется значительными различиями между основными партиями и их электоратом, а также акцентом на ключевых экономических и иммиграционных вопросах, которые разделили американское общество. Основным донором рабочей силы для США является Мексика, она же является воротами для нелегальной миграции из стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Почти за всё время существования иммиграционная политика страны показывает, что миграция играет важную роль в развитии американского общества. Проблема нелегальной миграции существовала всегда и продолжает существенно влиять на социально-экономическое развитие страны. Современная стратегия США в области иммиграции сочетает преемственность с мерами ограничения, одновременно стремясь адаптировать миграционные потоки к экономическим нуждам страны. В статье даётся анализ влияния миграционной политики на политический ландшафт США во время предвыборной кампании 2024 года. Миграционная политика в США сегодня является инструментом ведения политической борьбы и «сведения счётов». Особое влияние на предстоящие выборы будут иметь нелегальные иммигранты из стран Латинской Америки, поэтому характерной чертой предвыборной кампании 2024 года является межпартийная борьба за латиноамериканский электорат в купе с ужесточением миграционной политики. Авторы уделяют внимание причинам трансформации миграционной системы США и дают свой прогноз на исход выборов в стране при определённых условиях.

Ключевые слова: иммиграция, нелегальная иммиграция, депортация, президентская кампания, миграционная политика, США

Для цитирования: Гаджимурадова Г. И., Сумин К. О. Миграционная политика как фактор влияния на президентские выборы в США // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 142–154. DOI 10.19181/nko.2024.30.3.9. EDN HTUCLK.

Введение. Миграция является неотъемлемой частью мировой истории и оказывает значительное влияние на экономическое, социальное и политическое развитие стран. Нельзя не согласиться, что «мир в своих исторических изменениях стал более динамичным, прагматичным и в некоторых проявлениях даже циничным, что ставит перед человечеством множество порой трудноразрешимых задач, которые охватывают все сферы жизни человека: от материальных до духовно-нравственных» [1, с. 5]. В последние десятилетия миграционные потоки стали более разнообразными и сложными, что связано с изменением глобальной геополитической ситуации, экономическими трансформациями и климатическими изменениями. В докладе World Migration Report 2024 подчёркивается, что миграция, несмотря на политические и социальные вызо-

вы, остаётся важным инструментом для решения многих проблем, с которыми сталкиваются страны по всему миру¹.

По данным Международной организации по миграции (МОМ), количество международных мигрантов продолжает расти, достигнув 281 миллиона человек в 2020 году, что составляет 3,6% мирового населения². Важной особенностью современной миграции является увеличение числа вынужденных переселенцев, чья миграция вызвана конфликтами, природными катастрофами, социально-политической нестабильностью и проч. Например, в 2022 году количество людей по всему миру, проживающих в условиях вынужденного перемещения, составило 117 млн человек, включая 71,2 млн внутренних переселенцев.

Одним из ключевых аспектов миграции является её влияние на политические процессы в странах, особенно в т.н. «демократических системах». В последние годы миграция становится важным элементом политических дебатов и предвыборных кампаний, в том числе и в США. Вопросы миграции, включая нелегальную миграцию, активно используются политиками для мобилизации электората и формирования общественного мнения. Нелегальная иммиграция, в частности, стала центральной темой предвыборных кампаний в США, породив горячие споры и поляризацию общества. Согласно данным миграционной службы США, страна продолжает оставаться одним из основных направлений для иммигрантов со всего мира. При этом значительное количество иммигрантов проживает в США нелегально, что вызывает серьёзные дебаты относительно безопасности, проблем в экономике и социальной интеграции. Незаконная иммиграция оказывает давление на системы здравоохранения, образования и социальной защиты, что усиливает потребность в эффективных миграционных реформах³.

Одни страны стремятся к большей открытости и интеграции иммигрантов, в то время как другие усиливают меры по контролю и ограничению миграционных потоков. Например, в Европе наблюдается усиление миграционного контроля на фоне роста антимиграционных настроений, тогда как в некоторых странах, таких как Канада и Австралия, продолжается активная политика привлечения иммигрантов, особенно это касается высококвалифицированных кадров.

В докладе World Migration Report 2024 также подчёркивается важность международного сотрудничества и разработка согласованных подходов к управлению миграцией. В условиях глобализации и усиления взаимозависимости стран, эффективное управление миграцией требует координации усилий на международном уровне, что включает разработку общих стандартов и обмен лучшими практиками⁴.

Таким образом, иммиграция, включая незаконную иммиграцию, остаётся важным фактором, влияющим на политическую и социально-экономическую ситуацию в странах. В контексте предстоящих президентских выборов в США, вопросы миграции играют ключевую роль в формировании политической повестки и стратегии кандидатов. Анализ текущих миграционных потоков позво-

¹ World Migration Report 2024 // IOM UN Migration. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/msite/wmr-2024-interactive/> (accessed: 03.05.2024).

² McAuliffe M., Triandafyllidou A. (eds). World migration report 2022. IOM, 2021. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/> (accessed: 10.05.2024).

³ Yearbook of Immigration Statistics // US Department of Homeland Security, Office of Immigration Statistics. 2008. URL: <https://ohss.dhs.gov/topics/immigration/yearbook/2008> (accessed: 13.05.2024).

⁴ World Migration Report 2024 // IOM UN Migration. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/msite/wmr-2024-interactive/> (accessed: 03.05.2024).

ляет лучше понять вызовы и возможности, а также разработать более эффективные и справедливые подходы к управлению миграционными процессами.

Степень исследованности темы. Исследование вопроса незаконной миграции в США привлекает внимание учёных и аналитиков по всему миру. Среди отечественных авторов стоит выделить таких учёных, как Н. Ю. Кудеярова, которая отмечает, что «напряжённость на границе между Мексикой и Америкой за последние годы вышла на новый уровень и усугубляется тем, что значительно усилилась интернационализация миграционного потока»⁵. Как пишет Н. Е. Петровская, «вопросы иммиграционной политики занимают традиционно одно из ключевых мест в жизни США. Иммигранты представляют, как вызовы, так и новые возможности для экономики принимающей страны» [2, с. 277]. Дипломат В. В. Попов в своей статье справедливо замечает, что «в недавнем прошлом США представляли собой “плавильный котёл”, в котором из представителей разных народов выковываются американские граждане. Сегодня обостряются конфликты между представителями различных этнических групп: между белыми, афроамериканцами, латиноамериканцами и азиатами»⁶. И. П. Цапенко подчёркивает, что «численность иммигрантов из Мексики, стран Центральной Америки (ЦА) и Карибского бассейна (КБ) в США возросла за последние 30 лет почти в 2,5 раза: с 8,5 млн в 1990 г. до 16 млн в 2000 г. и 21 млн в 2020 г. (наиболее массовые категории составляют выходцы из Мексики, Сальвадора, Кубы, Доминиканской Республики и Гватемалы)» [3, с. 106]. Большой интерес в области исследования миграционной политики США представляют работы Г. К. Никольской [4], М. В. Даниловой [5], О. А. Фроловой [6], С. В. Васильева [7] и др.

Среди зарубежных авторов D. S. Massey [8] останавливается на проблеме увеличения численности работников иностранного происхождения, нелегально въезжающих в Соединённые Штаты. J. Durand, D. S. Massey, E. A. Parrado рассматривают новый этап современной мексиканской миграции в США [9], D. S. Massey, J. Durand, N. J. Malone [10] подчёркивают, что Соединённые Штаты продолжают сопротивляться интеграции рынков труда двух стран. Вместо того чтобы ослабить ограничения на мексиканскую рабочую силу, Соединённые Штаты милитаризовали свою границу и приняли ограничительную новую политику лишения иммигрантов избирательных прав. D. Spener [11], в свою очередь, в своей книге *Clandestine Crossings* анализирует действия мексиканских иммигрантов из рабочего класса, которые в начале XXI века тайно въезжают в Соединённые Штаты с помощью платных проводников, известных как койоты. Опираясь на этнографические наблюдения за условиями пересечения границы в приграничных районах Южного Техаса, а также на интервью с мигрантами, койотами и сотрудниками пограничных служб, он подробно описывает, как мигранты и койоты работали вместе, чтобы избежать задержания американскими правоохранительными органами при пересечении границы. При этом он стремится развеять многие мифы, которые искажают

⁵ Кудеярова Н. Мексикано-американская граница: кризис навсегда? // РСМД. 03.02.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/meksikano-amerikanskaya-granitsa-krizis-navsegda/#short> (дата обращения: 14.06.2024).

⁶ Попов В. В. Алчность западных держав делает миграцию острейшей проблемой // РСМД. 27.07.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/alchnost-zapadnykh-derzhav-delaet-migratsiyu-ostreyshey-problemy/> (дата обращения 02.06.2024).

общественные дебаты о нелегальной иммиграции в США. W. Cornelius [12] в своей статье делает попытку дать оценку стратегии контроля над «нежелательной» иммиграцией, которая реализуется правительством США с 1993 года. J. Durand и D. S. Massey в своей работе «Evolution of the Mexico-U.S. Migration System: Insights from the Mexican Migration Project» [13] провели анализ эволюции миграционной системы между двумя государствами с XIX по начало XXI века.

Подводя итог, можно отметить, что по мнению приведённых зарубежных авторов, нынешняя эпоха характеризуется репрессиями в отношении иммигрантов без документов и их детей-граждан США, продолжающимся режимом массового задержания и депортации и одновременной вербовкой мексиканских рабочих для эксплуатации по краткосрочным временным визам. Авторы разделяют общую точку зрения на миграцию между Мексикой и США, сходясь во мнении, что ужесточение миграционной политики и пограничного контроля в США не снижает масштабы миграции, а, напротив, усиливает нелегальную миграцию. Эти меры часто приводят к тому, что мигранты остаются в США на более длительный срок, поскольку возвращение домой становится слишком рискованным и затратным. Все авторы подчёркивают, что миграционные вопросы, особенно связанные с нелегальной миграцией, активно политизируются и используются в предвыборных кампаниях для мобилизации избирателей. Такая риторика может усиливать ксенофобские настроения и существенно влиять на общественное мнение.

Трансформация миграционной политики США. Иммиграционная политика США прошла через несколько этапов развития, отражающих изменения в экономической и социально-политической жизни страны. В течение более чем двухсотлетней истории США, иммиграционное законодательство адаптировалось к новым вызовам и потребностям, что позволило сформировать одну из самых сложных и многоуровневых систем в мире.

Так, первый этап развития иммиграционной политики США (XVIII – середина XX века), характеризуется формированием законодательства, направленного на ограничение и контроль миграционных потоков. Основная цель заключалась в стимулировании определенных групп иммигрантов и недопущение въезда в страну нежелательных лиц. Одним из первых актов, регулирующих иммиграцию, стал «Акт о гражданстве» 1790 года, который устанавливал, что только свободные белые лица могли получить гражданство. Это исключало из процесса натурализации большую часть азиатских мигрантов. В 1882 году был принят «Акт об исключении китайцев», который стал первым примером этнической дискриминации в американской истории. Закон запрещал иммиграцию китайцев и превращал их в нелегальных иммигрантов, проживающих в стране без законных на то оснований⁷.

«Иммиграционный закон» 1917 года ввёл тест на грамотность для всех иммигрантов старше 16 лет и запретил иммиграцию из большинства регионов Азии⁸. В 1924 году был принят «Закон Джонсона-Рида», который установил национальные квоты на иммиграцию, ограничив общее количество въезжаю-

⁷ Chinese Exclusion Act (1882) // National Archives. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/chinese-exclusion-act> (accessed: 18.04.2024).

⁸ The Immigration Act of 1924 (The Johnson-Reed Act) // Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/milestones/1921-1936/immigration-act> (accessed: 18.05.2024).

щих до 150 000 человек в год⁹. Этот закон также ввёл понятие «национальных квот», которые действовали до середины XX века и ограничивали иммиграцию из стран, не входящих в северо-западную Европу.

Во второй половине XX века иммиграционная политика США начала трансформироваться в сторону смягчения ограничений и увеличения иммиграционных потоков. Это было связано с ростом экономических и гуманитарных потребностей американского общества. Одним из ключевых законов этого периода стал «Акт Маккаррана-Уолтера» 1952 года, который снял расовые ограничения на гражданство и установил систему предпочтений для квалифицированных специалистов¹⁰.

В 1965 году был принят «Закон об иммиграции», который отменил систему национальных квот и ввёл новые правила переселения, акцентировав внимание на воссоединении семей и привлечении квалифицированных работников. Это привело к значительному увеличению числа иммигрантов из Азии и Латинской Америки¹¹. В 1986 году принимается «Акт об иммиграционной реформе и контроле», который ввёл санкции для работодателей, нанимающих нелегальных иммигрантов, и предусматривал меры по легализации нелегальных мигрантов, проживавших в стране до 1982 года¹². В результате около 1,6 миллионов нелегальных иммигрантов получили легальный статус.

В 1990 году появился «Закон об иммиграции», который увеличил миграционные квоты и ввёл программу Diversity Visa, направленную на привлечение в США иммигрантов из стран с низким уровнем иммиграции. Этот закон способствовал увеличению культурного разнообразия в стране¹³.

С начала XXI века и после террористических атак 11 сентября 2001 года иммиграционная политика США стала более жёсткой. Были приняты меры по усилению пограничного контроля и борьбе с нелегальной миграцией. В 2002 году был создан Департамент внутренней безопасности (DHS), который объединил функции по контролю границ и иммиграции.

Современная иммиграционная политика США продолжает эволюционировать в условиях глобализации и новых вызовов. Президент Дональд Трамп сделал иммиграцию одним из ключевых пунктов своей предвыборной кампании, связав её с угрозами национальной безопасности. Его администрация предприняла ряд жёстких мер для сокращения как легальной, так и нелегальной иммиграции. Важные меры включают законопроект RAISE, направленный на сокращение численности легальных иммигрантов, политику нулевой терпимости в отношении мексиканских иммигрантов-нелегалов и строительство стены на границе с Мексикой.

Несмотря на заявленное неприятие политики предшественников, многие меры Трампа повторяют аспекты предыдущих иммиграционных стратегий. К примеру, политика нулевой терпимости и усилия по депортации нелегальных иммигрантов перекликаются с подходами, использовавшимися в середине XX века.

⁹ Immigration Act of 1924 (Johnson-Reed Act) // Immigration History. URL: <https://immigrationhistory.org/item/1924-immigration-act-johnson-reed-act/> (accessed: 18.04.2024).

¹⁰ Immigration and Nationality Act of 1952 (The McCarran-Walter Act) // Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/milestones/1945-1952/immigration-act/> (accessed: 18.05.2024).

¹¹ Immigration and Nationality Act of 1965 (Hart-Celler Act) // Immigration History. URL: <https://immigrationhistory.org/item/hart-celler-act/> (accessed: 20.04.2024).

¹² Immigration Reform and Control Act (IRCA) // Immigration History. URL: <https://immigrationhistory.org/item/1986-immigration-reform-and-control-act/> (accessed: 20.04.2024)

¹³ S.358 – Immigration Act of 1990 // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/101st-congress/senate-bill/358> (accessed: 20.05.2024).

Влияние испаноязычных американцев на политические процессы США (на примере президентских выборов 2020 г.). Испаноязычные американцы сыграли заметную роль в политике США, особенно на президентских выборах 2020 года. В течение XXI века страна пережила значительные демографические сдвиги, в результате которых испаноязычное население стало крупнейшим этническим меньшинством, сместив афроамериканцев на второе место. По данным Pew Research Center, к 2022 году численность испаноязычного населения достигла 63,6 миллиона человек, что составляет более 19% населения США. В 1970 году этот показатель был всего 5%¹⁴. Американские эксперты прогнозируют, что к 2045 году латиноамериканская диаспора может составить почти четверть населения США¹⁵. Белое население страны перестанет быть доминирующим большинством, что окажет значительное влияние на политическую, экономическую и культурную составляющие американского общества.

Быстрый рост латиноамериканской общины приводит к увеличению их электорального влияния. Тем не менее, явка на выборы среди данной этнической группы традиционно была низкой. Следует отметить, что низкая явка обусловлена следующими факторами: испаноязычная община долгое время оставалась относительно небольшой и не осознавала важности своего голоса; по сравнению с другими этническими группами латиноамериканская является самой молодой в США, что также влияет на их политическую активность.

Важным аспектом является то, что политическая активность испаноязычных избирателей тесно связана с политикой ведущих партий в США — Демократической и Республиканской. Хотя латиноамериканцы традиционно поддерживали Демократическую партию, демократы, в свою очередь, не всегда уделяли должное внимание их вопросам. На данный момент нельзя утверждать, что латиноамериканцы отдают явное предпочтение какой-либо одной партии. Для получения серьёзной поддержки испаноязычных избирателей обеим партиям необходимо сосредоточиться на их экономическом положении, доступе к медицинским услугам, проблеме расового неравенства и увеличении преступлений на расовой почве. Следует также учитывать, что латиноамериканский электорат неоднороден; политические взгляды и партийные предпочтения испаноязычных избирателей зависят от страны их происхождения, места рождения, правового статуса, штата проживания и гендерных факторов.

Авторы сайта Poll Call подчёркивают, что пандемия коронавируса особенно сильно ударила по испаноязычному населению США. Латиноамериканцы чаще других этнических групп сталкивались с ограниченным доступом к медицинской помощи, и в 2018 году 25% из них не имели медицинской страховки, что серьёзно отразилось на их положении во время пандемии COVID-19. Экономические трудности также усилились: 72% латиноамериканцев испытывали финансовые проблемы, что вдвое превышало показатель среди белого населения. Кроме того, 56% семей потеряли доход, а 63% столкнулись с неоплачиваемыми отпусками, увольнениями или сокращением рабочих часов¹⁶.

¹⁴ Krogstad J. M., Passel J. S., Moslimani M. [et al.]. Key facts about US Latinos for national Hispanic heritage month // Pew Research Center. 22.09.2023. URL: <https://pewrsr.ch/3LAfN6m> (accessed: 20.04.2024).

¹⁵ Frey W. H. The US will become 'minority white' in 2045, Census projects // Brookings Institution. 14.03.2018. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-us-will-become-minority-white-in-2045-census-projects/> (accessed: 27.06.2024).

¹⁶ Chavez N. 'There's no such thing as the Latino vote.' 2020 results reveal a complex electorate // CNN Politics. 9.11.2020. URL: <https://www.cnn.com/2020/11/09/politics/latino-voters-florida-texas-arizona> (accessed: 01.05.2024).

Как пишет Guardian, президентские выборы 2020 года стали переломным моментом для испаноязычного электората. В выборах 2020 года проголосовали рекордные 20,6 млн испаноязычных американцев. Для сравнения, в 2016 году проголосовали 13 млн из 27,3 млн испаноязычных избирателей¹⁷. Латиноамериканские избиратели оказали значительное влияние на результаты выборов 2020 года. Джо Байден получил 66% голосов испаноязычных избирателей, а Дональд Трамп — 32%. В таких ключевых штатах, как Невада и Аризона, поддержка испаноязычного населения стала решающим фактором для победы Байдена, тогда как во Флориде и Техасе эта группа избирателей способствовала успеху Трампа¹⁸.

Латиноамериканская община США стала самым крупным этническим меньшинством, а их электорат стремительно расширяется и начинает играть ключевую роль в политических процессах страны. Президентские выборы 2020 года продемонстрировали значительное увеличение политической активности испаноязычных избирателей. Влияние латиноамериканских избирателей на политические процессы США будет усиливаться в будущем, и их поддержка может во многом определить исход президентских выборов.

Влияние иммигрантов из Латинской Америки на выборы 2024 года. Говоря о латиноамериканском электорате на выборах 2024 года, следует отметить, что в последние годы наблюдается стабильный рост числа испаноязычного жителей в США. Разговоры о том, что демократы способствуют бесконтрольной иммиграции латиноамериканцев, чтобы увеличить численность своего электората, является преувеличением. Основной рост числа иммигрантов за последние три года представлял собой реакцию на практическое закрытие южной границы в 2020 году из-за пандемии COVID-19. Приток иммигрантов свыше одного миллиона в год не ведёт к аналогичному приросту латиноамериканских избирателей, поскольку процесс получения гражданства занимает месяцы и годы, и не все иммигранты его получают. Вместе с тем проблема иммиграции является значительным фактором на выборах, особенно, если говорить о нелегальной иммиграции. Оценка нелегальной иммиграции как «очень серьёзной проблемы» выросла с 45% в 2020 году до 61% в настоящее время. Это мнение более распространено среди республиканцев (91%) по сравнению с демократами (41%)¹⁹. Таким образом, латиноамериканский «фактор» играет важную роль в избирательном процессе, и проблемы, связанные с иммиграцией, существенно влияют на политические настроения и выборы в США.

Избирательная кампания 2024 года проходит в условиях острого социально-политического раскола в США. Усилилась политическая поляризация между консерваторами, доминирующими в Республиканской партии, и либералами, господствующими в среде демократов. Это привело к обострению межпартийных противоречий и увеличению напряжённости в обществе. Уровень на-

¹⁷ Rocha Ch., Beltrán C., Clealand D. [et al.]. What is the future for Latino voters in the US? // The Guardian. 10.11.2020. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/nov/10/what-is-the-future-for-latino-voters-in-the-us-five-experts-weigh-in> (accessed: 05.06.2024).

¹⁸ Gates C. On the brink of a new civil war: New national survey highlights fragility of American democracy, stark partisan divides // Notre Dame News. 03.11.2022. URL: <https://news.nd.edu/news/on-the-brink-of-a-new-civil-war-new-national-survey-highlights-fragility-of-american-democracy-stark-partisan-divides/> (accessed: 05.06.2024).

¹⁹ Monmouth Univ Poll – National: 6 in 10 See Illegal Immigration as Very Serious Problem. 26.02.2024. URL: https://www.monmouth.edu/polling-institute/reports/monmouthpoll_us_022624/ (accessed: 05.06.2024).

пряжённости настолько высок, что в СМИ появились обсуждения возможности гражданской войны. По данным Института Гэллапа (Gallup), более 90% опрошенных считают, что возрастают риски «политического насилия», и 43% американцев (включая 53% республиканцев и 38% демократов) полагают, что в США возможно развязывание новой гражданской войны²⁰.

Основные тенденции таковы: демократы придерживаются культурного либерализма и глобализма, в то время как республиканцы склоняются к культурному консерватизму, протекционизму и неизоляционизму. Две трети американцев считают, что страна движется в неправильном направлении, что подчёркивает растущее недовольство и недоверие к правительству и политической линии демократов. Демократическая партия опирается на этнические, расовые, религиозные и гендерные меньшинства. Численность членов этих общин, имеющих право голоса, выросла на 7 млн человек с 2020 года и составляет около 35% всех американских избирателей²¹. По данным издания Politico, латиноамериканцы составляют 15% электората демократов, чернокожие — 14%, азиаты — 6%. Поддержка среди белых избирателей составляет около 50%. В свою очередь, Республиканская партия преимущественно состоит из белых избирателей (86%), включая англо-саксонских протестантов (WASPs) и евангелистов (33%). Белые составляют около 43% электората республиканцев²². Рабочий класс («синие воротнички») в большей степени поддерживает республиканцев, более половины рабочего класса голосует за них. Белые евангелисты и протестанты составляют значительную часть электората республиканцев.

Как пишут в своём исследовании С. М. Рогов и Н. В. Рогова, «иммиграция является значительной проблемой для избирателей. 52% американцев считают её важной, причём 70% республиканцев и 37% демократов видят её как приоритетный вопрос. Политика администрации Байдена в области иммиграции вызывает недовольство у 80% американцев. Вопросы нелегальной иммиграции особенно актуальны, так как оценка нелегальной иммиграции как «очень серьёзной проблемы» выросла с 45% в 2020 году до 61% в 2024 году» [14].

Миграционная политика демократической администрации. Говоря о миграционной политике администрации Байдена, стоит отметить, что за первые три года было принято 535 иммиграционных постановлений, что больше, чем было принято за все четыре года администрации Трампа. Эти меры включают восстановление уровня легальной иммиграции, расширение гуманитарной защиты и введение новых процедур на границе с целью стимулирования легальных въездов и ограничения нелегальных пересечений границы. Несмотря на предпринятые меры, администрация Байдена сталкивается с критикой из-за кризиса на южной границе. В 2022 и 2023 годах количество нелегальных пересечений границы достигло рекордных значений. Только 19 декабря 2023 года на границе было зарегистрировано 12 000 мигрантов. С момента вступления Байдена в должность, Служба таможенного и пограничного контроля (CBP)

²⁰ Jones J. M., Saad L. Democrats Lose Ground with Black and Hispanic Adults // Gallup News. 07.02.2024. URL: <https://news.gallup.com/poll/609776/democrats-lose-ground-black-hispanic-adults.aspx> (accessed: 05.07.2024).

²¹ Jones J. Immigration surges to top of most important problem list // Gallup. 27.02.2024. URL: <https://news.gallup.com/poll/611135/immigration-surges-top-important-problem-list.aspx> (accessed: 07.06.2024).

²² Durkin E. Federal spending bill to include \$800M in grants for cities dealing with migrant crisis // Politico. 12.20.2022. URL: <https://www.politico.com/news/2022/12/20/omnibus-spending-bill-migrants-00074785> (accessed: 07.07.2024).

зафиксировала 6,3 млн нелегальных пересечения границы, из которых 2,4 млн человек смогли попасть в страну. Также Байден обещал прекратить использование Title 42, позволяющего ускоренную высылку мигрантов без возможности подачи на убежище, но реалии на местах и судебные разбирательства заставили президента США продолжить его использование. В конце 2022 – начале 2023 годов действие Title 42 было расширено на иммигрантов из Кубы, Гаити, Никарагуа и Венесуэлы. За время действия Title 42 с марта 2020 по май 2023 года было произведено 2,8 млн депортаций. Администрация Байдена ввела новые правила, направленные на стимулирование легальных въездов через пункты пропуска и сокращение нелегальных пересечений границы. В результате доля иммигрантов, пересекающих границу в пунктах пропуска, увеличилась с 4% в 2021 году до 17% в 2023 году. Однако, несмотря на эти меры, количество нелегальных пересечений остаётся высоким, и системы обработки иммигрантов перегружены. Высокий уровень иммиграции оказывает значительное социально-экономическое давление на города и штаты США. В таких городах, как Нью-Йорк, Чикаго и Денвер, расходы на предоставление жилья, медицинских услуг и других ресурсов для иммигрантов исчисляются миллиардами долларов. В вышеперечисленных городах местные власти призывают к ужесточению контроля на границе и критикуют недостаток контроля со стороны федеральных властей.

Администрация Байдена старается активно действовать на урегулирование иммиграционной политики, но сталкивается с серьёзными вызовами на границе и в обеспечении нужд иммигрантов внутри страны. Несмотря на значительные усилия, критика по поводу кризиса на границе продолжает звучать как со стороны республиканцев, так и от членов Демократической партии.

На сегодняшний день в американском политическом дискурсе одной из доминирующих тем является тема борьбы с нелегальной миграцией и контроля над ней. США традиционно представляют собой страну иммигрантов, так как подавляющее большинство граждан либо сами перебрались в страну из других стран и континентов, либо иммигрантами были их предки. Однако, значительно больше американцев называют иммиграцию самой важной проблемой, с которой сталкиваются США. В опросе Gallup за февраль 2024 года, миграция является самой важной проблемой среди американцев²³.

В свою очередь новый кандидат в президенты США от демократической партии, Камала Харрис, пытается принять более активную позицию по разрешению иммиграционной проблемы. Так, на митинге в Атланте в июле 2024 года новый кандидат в президенты заняла позицию, незнакомую большинству демократов: акцентировала внимание на своей работе на границе как в качестве генерального прокурора штата Калифорнии, так и в качестве вице-президента. В ходе её кампании была запущена новая реклама, ориентированная на проблему иммиграции: «Камала Харрис борется за исправление нашей сломанной иммиграционной системы. Дональд Трамп пытается остановить её». Данная позиция является одной из стратегических решений её кампании. В то же время республиканцы акцентируют внимание на том, что именно Харрис была ответственной за решение пограничного конфликта во время президент-

²³Jones J. M., Saad L. Democrats Lose Ground with Black and Hispanic Adults // Gallup News. 07.02.2024. URL: <https://news.gallup.com/poll/609776/democrats-lose-ground-black-hispanic-adults.aspx> (accessed: 05.07.2024).

ского срока Джо Байдена. В 2021 году, после назначения Харрис ответственной за миграционную политику, было зарегистрировано более 1,7 миллиона задержаний на границе, что является самым высоким показателем за последние десятилетия. В некоторых центрах количество задержанных превышало допустимую вместимость в несколько раз. Например, в марте 2021 года в одном из центров в Техасе было размещено более 4 000 человек, хотя его вместимость составляла всего 250 человек.

Однако, стоит отметить, что испаноговорящее население уже играет немаловажную роль в выборах 5 ноября. Соединённые Штаты станут страной меньшинств в ближайшем будущем. К 2060 году на неиспаноязычных белых уже будет приходиться менее половины населения. Традиционно латиноамериканцы поддерживали на выборах Демократическую партию. Однако, на сегодняшний день Демократическая партия теряет поддержку среди данного электората. Байден прибыл в Белый дом при поддержке шести из десяти латиноамериканцев, которые участвовали в выборах, но есть сомнения, что нынешний кандидат может рассчитывать на такую же поддержку на новых выборах. В это же время Трамп, несмотря на свою суровую антииммигрантскую риторику, а иногда и открытую расистскую, завоевал популярность среди избирателей в испаноязычном сообществе, которые традиционно поддерживали демократов большинством голосов. В 2016 году за него проголосовали только 28% латиноамериканцев. В 2020 году это было 38%. В 2024 году республиканец получил бы 46% поддержки, что на 6% больше, чем бывший кандидат от демократической партии²⁴. Согласно опросу, подготовленному The New York Times в начале марта, 60 миллионов латиноамериканцев знают, что они представляют собой «избирательные трофеи». Каждые четыре года кандидаты озвучивают список обещаний, которые, как правило, исчезают по истечении срока полномочий. Байден в первый день своего пребывания в должности пообещал крупнейшую за последние десятилетия амнистию для иммигрантов в США, но не выполнил обещания. Теперь предвыборная кампания демократов направлена на то, чтобы не потерять голоса латиноамериканских избирателей. «Есть только один выбор, и ваш голос делает разницу», — говорится в нескольких рекламных роликах демократов на испанском и английском языках. Другой вариант существует, его зовут Трамп, и хотя он обещает самую масштабную депортацию в истории страны, он является кандидатом миллионов латиноамериканцев, являющихся приверженцами консервативных взглядов.

Заключение. Как пишет Л. Н. Гарусова, «со второй половины XX в. и по сей день американское законодательство становилось более лояльным, что привело к значительному росту численности иммигрантов» [15, с. 113]. Это приводит к тому, что мигранты остаются в США на более длительный срок, поскольку возвращение домой становится слишком рискованным и затратным. Поэтому в условиях глобализации и растущей взаимозависимости стран, эффективное управление миграцией требует координации усилий на международном уровне и разработки общих стандартов, что включает обмен лучшими практиками и международное сотрудничество.

²⁴ Medina J. Trump's Support Among Latinos Grows, New Poll Shows // The New York Times. 2.03.2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/03/02/us/politics/trumps-support-among-latinos-grows-new-poll-shows.html> (accessed: 05.07.2024).

В случае с США мы являемся свидетелями того, что миграционная ситуация становится инструментом для ведения политической борьбы. Вопросы миграции, особенно связанные с нелегальной миграцией, активно политизируются и используются в предвыборных кампаниях для мобилизации избирателей. Такая риторика может усиливать ксенофобские настроения и существенно влиять на общественное мнение. Ключевые политические партии, обвиняя друг друга в проведении неправильной миграционной политики, демонстрируют либо неспособность в разрешении проблемы нелегальной миграции, либо используют данную проблему только для заработка политических очков. Стоит отметить, что за последние годы в США миграционный вопрос стал ключевым в политической повестке. Демократическая партия потеряла доверие среди весомого числа граждан, в то время как республиканцы, сделав акцент на критике миграционной политики нынешней администрации, выигрывают на их фоне. Если Камала Харрис не сможет убедить граждан в том, что администрация Байдена сделала всё возможное для разрешения миграционного вопроса, то кандидат от Республиканской партии, Дональд Трамп, имеет все шансы на победу в грядущих выборах.

Библиографический список

1. *Гаджимурадова Г. И.* Миграционные тренды в эпоху глобальных перемен // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 4–8. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1). EDN [ASIFNT](https://edn.asifnt.ru).
2. *Петровская Н. Е.* Экономические проблемы иммиграции в США // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9, № 4(33). С. 277–280. DOI [10.26140/anie-2020-0904-0065](https://doi.org/10.26140/anie-2020-0904-0065). EDN [WGRKRP](https://edn.wgrkkrp.ru).
3. *Цапенко И. П.* Миграционная политика США в отношении государств североамериканского континента // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14, № 5. С. 101–129. DOI [10.24833/2071-8160-2021-5-80-101-129](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-101-129). EDN [NIHCBN](https://edn.nihcbn.ru).
4. *Никольская Г. К.* Модель реализации американской иммиграционной политики в XXI веке // Международная экономика. 2022. № 7. С. 522–533. DOI [10.33920/vne-04-2207-05](https://doi.org/10.33920/vne-04-2207-05). EDN [NVOYPQ](https://edn.nvoypq.ru).
5. *Данилова М. В.* Влияние иммиграционных процессов на характеристику субъектов образовательного пространства США: анализ современных детерминант // Проблемы современного образования. 2019. № 2. С. 89–96. EDN [ZMETDN](https://edn.zmetdn.ru).
6. *Фролова О. А.* Вопрос миграционного регулирования в президентской кампании США 2016 г.: исторический аспект и современность // Русская политология. 2017. № 1(2). С. 56–62. EDN [ZFTZHХ](https://edn.zftzhx.ru).
7. *Васильев С. В.* Иммиграционная политика США в двусторонних отношениях с Мексикой в начале XXI в. // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. № 4. С. 5–13. EDN [SMKPFJ](https://edn.smkpfj.ru).
8. *Massey D.* Backfire at the Border: Why enforcement without legalization cannot stop illegal immigration // Trade Policy Analysis. 2005. № 29. URL: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/tpa-029.pdf> (accessed: 07.06.2024).
9. *Durand J., Massey D. S., Parrado E. A.* The new era of Mexican migration to the United States // The Journal of American History. 1999. Vol. 86, № 2. P. 518–536. DOI [10.2307/2567043](https://doi.org/10.2307/2567043).
10. *Massey D. S., Durand J., Malone N. J.* Beyond smoke and mirrors: Mexican immigration in an era of economic integration. New York : Russell Sage Foundation, 2002. 199 p. ISBN 0871545896.
11. *Spener D.* Clandestine crossings: Migrants and coyotes on the Texas-Mexico border. Ithaca : Cornell University Press, 2009. 298 p. ISBN 9780801475894.
12. *Cornelius W. A.* Controlling 'unwanted' immigration: Lessons from the United States, 1993–2004 // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2005. Vol. 31(4). P. 775–794. DOI [10.1080/13691830500110017](https://doi.org/10.1080/13691830500110017).
13. *Durand J., Massey D. S.* Evolution of the Mexico-US migration system: Insights from the Mexican migration project // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2019. Vol. 684(1). P. 21–42. DOI [10.1177/0002716219857667](https://doi.org/10.1177/0002716219857667).

14. *Рогов С. М., Рогова Н. В.* Первый этап избирательной кампании в США. Март 2024 // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 3. DOI [10.18254/S207054760030461-4](https://doi.org/10.18254/S207054760030461-4). EDN [IRULZE](https://edn.ru/IRULZE).
15. *Гарусова Л. Н.* Эволюция иммиграционной политики США: фактор нелегальной миграции // Россия и АТР. 2020. № 1(107). С. 104–117. DOI [10.24411/1026-8804-2020-10008](https://doi.org/10.24411/1026-8804-2020-10008). EDN [TERHPS](https://edn.ru/TERHPS).

Поступила: 31.07.2024. Доработана: 29.08.2024. Принята: 02.09.2024.

Сведения об авторах:

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России.

Москва, Россия. gadzhimuradova7@gmail.com

Author ID РИНЦ: 293234; ORCID: 0000-0003-3080-1813

Сумин Кирилл Олегович, магистрант МГИМО МИД России. Москва, Россия.

kirill-su0@mail.ru

ORCID: 0009-0000-5433-8937

G. I. Gadzhimuradova¹, K. O. Sumin¹

¹ MGIMO University. Moscow, Russia

MIGRATION POLICY AS A FACTOR INFLUENCING THE USA PRESIDENTIAL ELECTION

Abstract. The article presents the transformation of US migration policy and analyzes its impact on the balance of power in the 2024 presidential election campaign. The 2024 election campaign in the US is characterized by significant differences between the major parties and their voters, as well as an emphasis on key economic and immigration issues that have divided American society. Mexico is the main labor donor to the US, and it is also a gateway for illegal migration from Latin America and Southeast Asia. Almost all the time of the existence of the United States, the immigration policy of the country shows that migration plays an important role in the development of American society. The problem of illegal migration has always existed and continues to have a significant impact on the socio-economic development of the country. The current U.S. immigration strategy combines continuity with restrictive measures, while seeking to adapt migration flows to the economic needs of the country. The article analyzes the impact of migration policy on the U.S. political landscape during the 2024 election campaign. Migration policy in the United States today is a tool for conducting political struggle and “settling scores”. Illegal migrants from Latin American countries will have a particular impact on the upcoming elections, so a characteristic feature of the 2024 election campaign is a cross-party struggle for the Latin American electorate, coupled with tougher migration policies. The authors draw attention to the reasons for the transformation of the US migration system and give their forecast regarding the outcome of elections in the country under certain conditions.

Keywords: migration, illegal migration, deportation, presidential campaign, migration policy, USA

For citation: Gadzhimuradova G. I., Sumin K. O. Migration policy as a factor influencing the USA presidential election. *Science. Culture. Society*. 2024;30(3):142–154. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.9>

References

1. Gadzhimuradova G. I. Migration trends in the era of global change. *Research Result. Sociology and management*. 2022;8(1):4–8. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1).
2. Petrovskaya N. E. Economic problems of immigration to the United States. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2020;9(4):277–280. (In Russ.). DOI [10.26140/anie-2020-0904-0065](https://doi.org/10.26140/anie-2020-0904-0065).

3. Tsapenko I. P. US Migration Policy Towards the States of the North American Continent. *MGIMO Review of International Relations*. 2021;14(5):101–129. (In Russ.). DOI [10.24833/2071-8160-2021-5-80-101-129](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-101-129).
4. Nicolskaya G. K. The American model for the implementation of immigration policy in the XXI century. *The World Economics*. 2022;(7):522–533. (In Russ.). DOI [10.33920/vne-04-2207-05](https://doi.org/10.33920/vne-04-2207-05).
5. Danilova M. V. The impact of immigration processes on the characteristics of the subjects of the educational space of the united states: an analysis of modern determinants. *Problems of Modern Education*. 2019;(2):89–96. (In Russ.).
6. Frolova O. A. The issue of migration regulation in the US presidential campaign of 2016. Historical aspect and modernity. *Russian Political Science*. 2017;(1):56–62. (In Russ.).
7. Vasilyev S. V. USA immigration policy in US-Mexico bilateral relations at the beginning of the 21st century. *Electronic supplement to "Russian Juridical Journal"*. 2014;(4):5–13. (In Russ.).
8. Massey D. Backfire at the Border: Why enforcement without legalization cannot stop illegal immigration. *Trade Policy Analysis*. 2005;(29). Available at: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/tpa-029.pdf> (accessed: 07.06.2024).
9. Durand J., Massey D. S., Parrado E. A. The new era of Mexican migration to the United States. *The Journal of American History*. 1999;86(2):518–536. DOI [10.2307/2567043](https://doi.org/10.2307/2567043).
10. Massey D. S., Durand J., Malone N. J. Beyond smoke and mirrors: Mexican immigration in an era of economic integration. New York: Russell Sage Foundation; 2002. ISBN 0871545896.
11. Spener D. Clandestine crossings: Migrants and coyotes on the Texas-Mexico border. Ithaca: Cornell University Press; 2009. ISBN 9780801475894.
12. Cornelius W. A. Controlling 'unwanted' immigration: Lessons from the United States, 1993–2004. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2005;31(4):775–794. DOI [10.1080/13691830500110017](https://doi.org/10.1080/13691830500110017).
13. Durand J., Massey D. S. Evolution of the Mexico-US migration system: Insights from the Mexican migration project. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2019;684(1):21–42. DOI [10.1177/0002716219857667](https://doi.org/10.1177/0002716219857667).
14. Rogov S. M., Rogova N. V. The first stage of the US 2024 election campaign. *Russia and America in the 21st Century*. 2024;(3). (In Russ.). DOI [10.18254/S207054760030461-4](https://doi.org/10.18254/S207054760030461-4).
15. Garusova L. N. The evolution of US immigration policy: the factor of illegal migration. *Russia and the Pacific*. 2020;(1):104–117. (In Russ.). DOI [10.24411/1026-8804-2020-10008](https://doi.org/10.24411/1026-8804-2020-10008).

Received: 31.07.2024. Corrected: 29.08.2024. Accepted: 02.09.2024.

Information about the authors:

Gyulnara I. Gadzhimuradova, Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Head of the Department of Demographic and Migration Policy at MGIMO University,
Moscow, Russia. gadzhimuradova7@gmail.com
ORCID: [0000-0003-3080-1813](https://orcid.org/0000-0003-3080-1813)

Kirill O. Sumin, Master of Arts, MGIMO University. Moscow, Russia.
kirill-su0@mail.ru
ORCID: [0009-0000-5433-8937](https://orcid.org/0009-0000-5433-8937)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.3.10](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.10)
EDN [VWLSVD](https://www.edn.ru/VWLSVD)
УДК 329

Е. В. Зверев^{1,2}

¹ Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. Москва, Россия

² Аналитический центр при Правительстве РФ. Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЭЛЕКТОРАТА ЛЕВЫХ ПАРТИЙ В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА

Аннотация. Статья посвящена анализу политической ситуации в Европейском Союзе, фокусируясь на изменениях в поддержке левых партий в контексте глобальных вызовов. Рассматриваются трансформации в электоральных предпочтениях граждан ЕС, вызванные экономическими и политическими потрясениями и международными конфликтами. Основное внимание уделяется потенциалу радикальных левых популистских партий. Анализ показывает, что традиционные левые партии теряют поддержку из-за недостаточно радикальных предложений, что приводит к фрагментации их электората. Радикализация политических настроений рассматривается как серьёзный вызов, поскольку радикальные движения менее предсказуемы и могут создать политическую нестабильность в регионе. В связи с этим перед аналитиками встаёт вопрос о возможных изменениях политического расклада, что особенно важно в условиях напряжённых международных отношений и санкционного давления на Россию. Автор подчёркивает необходимость понимания политических изменений и прогнозирования их последствий для разработки эффективных электоральных прогнозов. Рассмотрены основные итоги выборов в Европарламент 2024 года, их влияние на избирательные предпочтения и изменения в политическом ландшафте ЕС. Проанализированы теоретические подходы и эмпирические исследования ведущих отечественных и зарубежных учёных в области изучения партийных систем, что позволяет оценить текущие и будущие тренды в европейской политике. Работа также затрагивает вопросы объединения левых сил в противостоянии правым партиям, а также возможные сценарии развития политической ситуации в Европейском парламенте и её влияние на международные отношения и межгосударственное взаимодействие.

Ключевые слова: Европейский Союз, левые партии, популистские партии, электоральные предпочтения, политический кризис, экономический кризис, международные конфликты, политическая фрагментация, традиционные левые, политическая стабильность

Для цитирования: Зверев Е. В. Особенности социальной структуры электората левых партий в странах Евросоюза // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 155–168. DOI [10.19181/nko.2024.30.3.10](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.10). EDN [VWLSVD](https://www.edn.ru/VWLSVD).

Введение. Современный мир сталкивается с беспрецедентными кризисами. Сложная международная политическая обстановка, экономический спад, вызванный множеством факторов, и последствия пандемии COVID-19 оказывают серьёзное влияние на глобальную стабильность, включая страны Европейского Союза. Острота проблем, с которыми сталкиваются европейские государства, часто ставит под вопрос устойчивость существующего политического порядка. Эти глобальные политические и экономические процессы усиливают запрос граждан Европы на социальные и политические реформы, необходимые для преодоления текущего кризиса.

Массовые протесты, охватившие страны Европейского Союза в 2022 и 2023 годах, ярко демонстрируют, как экономические кризисы и снижение до-

верия к властям способствуют радикализации общества. Протестные акции, организованные в основном представителями левого политического крыла и профсоюзами, были сосредоточены на экономических требованиях, что подчёркивает серьёзные негативные последствия кризиса для различных социальных слоёв. Радикализация, вызванная кризисными явлениями, представляет особую опасность, так как радикальные движения менее предсказуемы и часто действуют вне рамок традиционной идеологии. В отличие от традиционных левых партий, которые предлагают более ясные и структурированные решения, радикальные группы могут приводить к нестабильности и усугублению существующих проблем. Это делает рост популярности радикальных идей тревожным сигналом, указывающим на необходимость серьёзного пересмотра подходов к управлению экономическими и социальными процессами в Европе.

В этой связи перед социальными и политическими аналитиками встаёт вопрос о возможной смене власти между политическими фракциями в органах управления Европейского Союза, особенно в Европарламенте. Рост популярности правоориентированных политических партий на одной чаше весов и углубление экономического и политического кризиса с другой стороны, вызывает закономерный вопрос: сможет ли описанное состояние нестабильности привести к росту популярности левых политических партий и способствовать усилению их влияния в политической жизни Европы? Эта проблема становится особенно важной в условиях напряжённых отношений между Россией и странами Запада, а также на фоне беспрецедентного санкционного давления на Россию. Учитывая опасность радикализации и её непредсказуемые последствия, определение возможных направлений развития политической ситуации в ЕС и прогнозирование изменений в политическом раскладе приобретают особую актуальность. Это позволит разработать более эффективные стратегии для межгосударственного взаимодействия.

Для ответа на эти вопросы важно понять структуру и характеристики электората левых партий в странах Евросоюза, а также его идеологические предпочтения. Исследование изменений в составе электората левых политических сил поможет оценить эффективность их агитационной политики, применяемых политических стратегий и определить их электоральный потенциал на несколько будущих электоральных циклов.

Обзор литературы. Работы, посвящённые проблематике политических партий, можно разделить на несколько основных групп. Первую группу составляют фундаментальные работы ряда авторов, сосредоточенных на общетеоретических вопросах изучения политических партий и партийных систем, среди которых М. Дюверже [1], С. Липсет, С. Роккан [2] и другие. Анализ материалов по структуре, составу и деятельности политических партий можно найти в работах И. С. Новожиновой и Г. Г. Дилигенского [3] и др. Стоит упомянуть труды российского исследователя Э. Г. Задорожнюк [4], посвящённые непосредственно проблемам трансформации левых политических партий в странах Европы. Современной европейской партийно-политической системе посвящены работы таких исследователей как А. В. Авилова [5], Л. О. Бабынина, А. Л. Дунаев, А. Д. Щербакова, Е. В. Ананьева [6], Е. В. Дрожжина и В. Я. Швейцер [7]. Гендерная специфика в рамках кризиса традиционных политических партий рассмотрена в работах Н. М. Великой, Е. Ю. Берёзки-

ной [8]. Анализу итогов парламентских выборов, подробной характеристике партий, а также трансформации партийно-политической системы посвящены работы Б. П. Гуселетова [9; 10; 11; 12].

Среди зарубежных исследователей необходимо отметить Каса Мудде [13], который анализирует рост и распространение популистских правых партий в Европе, предлагая понятие «радикального правого популизма». Трансформации политических партий и партийных систем в Европе, уделяя особое внимание динамике популизма, исследует в своих текстах Даниэле Карамани [14]. Также внимания заслуживают работы Ганс-Петера Крисси [15], Сары Хоболт и Джеймса Тилли [16], в работах которых исследуется влияние глобализации и транснациональных процессов на партийные системы Западной Европы, а также то, как партии используют европейскую интеграцию в своей политике и как это влияет на электоральные результаты и партийные стратегии. Кризис представительства в европейских партийных системах анализирует в своих работах Питер Майр [17].

Эмпирическая база в данной работе представлена вторичным анализом данных следующих исследований:

- European Commission, Brussels, Eurobarometer, замеры 2019, 2022 и 2024 годов¹.
- European Parliament Election Study, Voter Study. GESIS Data Archive, замеры 2009 и 2019 годов².

Для лучшей интерпретации данных нами были взяты два замера: 2009 и 2019 года, для анализа изменений в течении трех электоральных циклов. На момент подготовки статьи данные за 2024 год ещё не опубликованы, поэтому в нашем анализе мы будем опираться на результаты предыдущих электоральных циклов. В 2009 году проанализированы только традиционные левые партии, поскольку группа популистских радикальных левых партий на тот момент ещё не обособилась так однозначно в отдельную политическую группу, транслирующую отличные от традиционных левых идеи и выступающие в конфронтации с ними. В 2019 году проведён анализ данных с разделением политических партий на группы традиционных и популистских. Для этого мы отобрали из общего списка партий, упомянутых в опросе, те, которые соответствовали нашим критериям: самоидентификация партии, декларируемые в её программных и уставных документах идеологические приоритеты, а также членство партии в определённой фракции Европарламента. На основе этих критериев партии были классифицированы как традиционные или популистские.

Результаты исследования. В данном тексте под «левыми» партиями мы понимаем политические организации, которые в своих программных документах или в ходе политической агитации заявляют о приверженности социалистическим и социал-демократическим идеям. Для анализа мы выделяем три ключе-

¹ European Commission, Brussels. Eurobarometer (2019), ZA7602, <https://doi.org/10.4232/1.14381>; Eurobarometer (2022), ZA7902, <https://doi.org/10.4232/1.14010>; Flash Eurobarometer (2024), <https://doi.org/10.4232/1.14348> (accessed: 18.07.2024).

² Egmond M, Brug W., Hobolt S. [et al.]. European Parliament Election Study 2009, Voter Study. ZA5055, <https://doi.org/10.4232/1.12732>; Schmitt H., Hobolt S., Brug W. [et al.]. European Parliament Election Study 2019, Voter Study. ZA7581, <https://doi.org/10.4232/1.13846> (accessed: 18.07.2024).

вых критерия, по которым политическая партия может быть отнесена к левому спектру без необходимости использования более детализированной шкалы. Первый критерий — самоидентификация партии как левой в политическом пространстве. Второй — наличие в программных и уставных документах идеологических установок, которые можно классифицировать как левоориентированные. Третий — членство партии в определённой фракции Европарламента, что также определяет её идеологическую позицию.

Прежде чем перейти к анализу, важно отметить, что левые партии в Европе представляют собой неоднородную группу. В данном тексте мы разделяем их на две основные категории, которые станут основой нашего анализа: традиционные и популистские левые партии.

Традиционные левые партии придерживаются умеренного социализма, социал-демократии и левоцентризма, поддерживая умеренную рыночную экономику. В качестве фракции в Европарламенте, представляющей традиционные левые партии, мы рассматриваем Progressive Alliance of Socialists and Democrats (S&D). Они стремятся к социальному равенству через реформы в рамках существующей политической и экономической системы. Их политика направлена на достижение справедливого перераспределения ресурсов, защиту прав рабочих и поддержку социального государства. Традиционные левые партии стремятся работать в рамках установленных демократических институтов и имеют долгую историю участия в правительственных коалициях. Примеры таких партий включают Социал-демократическую партию Германии, Социал-демократическую партию Австрии, Французскую Социалистическую партию и т.п.

В отличие от них, *популистские левые партии* строят свою идеологию на утопических социальных проектах и выступают против более умеренной и компромиссной политики, характерной для традиционных левых. Фракцией в Европарламенте, в составе которой присутствуют данные политические партии, является The Left in the European Parliament (The Left). Популистские левые партии предлагают более радикальные изменения, зачастую опираясь на антиэлитистские и антиглобалистские риторики. Эти партии критикуют не только капитализм, но и умеренные левые партии за их компромиссы с системой. Они склонны предлагать более радикальные меры, такие как национализация ключевых отраслей экономики или выход из международных соглашений, которые, по их мнению, ущемляют права граждан. Также они чаще используют протестные методы, опираются на массовую мобилизацию и прямые действия, направленные против существующего политического порядка. Их деятельность часто сопровождается критикой неолиберальных реформ и глобальных экономических структур, таких как Евросоюз или МВФ. В качестве примеров можно указать такие политические партии как Podemos (Испания), Левые (Die Linke, Германия), Непокорённая Франция и другие.

До начала крупных экономических и политических потрясений, а также пандемии COVID-19, правая повестка занимала лидирующие позиции среди жителей ЕС. Мы провели вторичный анализ данных европейского исследования «Евробарометр», сравнив результаты замеров 2019, 2022 и 2024 годов. В ходе этого анализа были выявлены наиболее актуальные проблемы, которые волнуют население Европы (см. табл. 1).

Таблица 1

ТОП–5 актуальных проблем в Европе по годам

2019	2022	2024
Иммиграция	Окружающая среда и изменение климата	Война в Украине
Экономическая ситуация	Энергоснабжение	Иммиграция
Влияние ЕС в мире	Иммиграция	Международная ситуация
Окружающая среда	Влияние ЕС в мире	Рост цен/инфляция/ стоимость жизни
Состояние государственных финансов государств-членов	Растущие цены/ инфляция/ стоимость жизни	Окружающая среда и изменение климата

Источник: составлено автором на основе данных Eurobarometer³.

Результаты анализа показывают, что в 2019 году население Европы склонялось к поддержке правых партий, уделяя основное внимание проблемам иммиграции и рискам, которые, по их мнению, иммигранты могут представлять для их стран. Однако к 2022 году ситуация изменилась: Европа, как и остальной мир, столкнулась с серьёзными кризисами, и жители Евросоюза стали выделять в качестве главных проблем экологические и экономические вопросы. Особенно заметна острота экономических проблем в 2022 году, вместо общей категории, связанной с экономикой, на первый план вышли конкретные аспекты — доступность энергоресурсов и рост цен на них, а также увеличение цен, инфляция и стоимость жизни. Проблема иммиграции опустилась с первого на третье место, что указывает на возросшую актуальность повестки, поддерживаемой левыми партиями. В 2024 году жители Евросоюза стали всё больше беспокоиться о проблемах международных отношений, что связано с затянувшимся конфликтом на Украине и неспособностью действующих органов власти найти эффективное решение. На фоне этой ситуации вновь обострилась проблема иммиграции, что возвращает актуальность правой повестке, которая традиционно делает акцент на эти вопросы. В то же время экономические проблемы сохраняют высокий уровень актуальности для населения, что указывает на сложную и многослойную природу нынешнего кризиса.

Безусловно, повышение актуальности экономических вопросов в 2022 году и рост значимости международных проблем в 2024 году напрямую связаны с последствиями кризиса, который затронул и страны Европейского Союза. Данные «Евробарометра» показывают, что неудовлетворённость населения состоянием экономики значительно возросла. Более того, ряд показателей, таких как состояние национальной и европейских экономик, демонстрируют уверенный рост неудовлетворённости на протяжении последних 5 лет. Особенно заметен рост негативных оценок в отношении национальных экономик стран-членов ЕС (см. табл. 2).

³ European Commission, Brussels. Eurobarometer (2019), ZA7602, <https://doi.org/10.4232/1.14381>; Eurobarometer (2022), ZA7902, <https://doi.org/10.4232/1.14010>; Flash Eurobarometer (2024), <https://doi.org/10.4232/1.14348> (accessed: 18.07.2024).

Таблица 2

**Уровень неудовлетворённости жителей ЕС экономической ситуацией
(оценка отдельных показателей), %**

Показатель	2019	2022	2024
Национальная экономика	47	54	64
Европейская экономика	31	36	43
Личная работа	23	27	24
Финансовое положение	29	32	30
Трудоустройство	49	51	53

Источник: составлено автором на основе данных Eurobarometer⁴.

Электоральные результаты левых политических партий на общеевропейских выборах. Динамика электоральной поддержки демонстрирует очевидную тенденцию снижения популярности левых политических партий. Если в 1994 году на выборах в Европарламент фракция S&D получила поддержку более трети избирателей, то в последующие годы изменения в партийной политике традиционных левых, неопределённость и неконструктивность их позиций по ряду важных вопросов, стоящих перед Евросоюзом, а также отказ от некоторых программных положений, привели к значительной потере их идентичности и, как следствие, к утрате поддержки среди потенциального электората (см. табл. 3).

Таблица 3

Результаты S&D и The Left на выборах в Европарламент 1994–2024 годов, %

Фракция	1994	2009	2014	2019	2024
S&D	34,90	25,00	25,43	20,51	18,89
The Left	4,94	4,76	6,92	5,46	6,39

Источник: составлено автором на основе открытых источников⁵.

Отметим, что кризисные события, такие как пандемия COVID-19, начались уже после выборов в Европарламент и не оказали значительного влияния на уровень поддержки левых фракций. В свою очередь доля сторонников традиционных левых продолжает снижаться, что подтверждают результаты выборов в Европарламент 2024 года, на которых S&D не набрала и пятой доли мест. Радикальные левые партии, несмотря на относительно низкий процент мест в Европарламенте, демонстрируют устойчивый рост на протяжении нескольких электоральных циклов. Первый заметный скачок произошёл на выборах 2014 года, когда к левому альянсу присоединились несколько популистских партий, таких как испанская Podemos. Второй рост наблюдался на выборах 2024 года, что, вероятно, связано с переходом части электората от традиционных левых партий к более радикальному крылу, которое предлагает более решительные ответы на текущие экономические и социальные вызовы.

Ряд политических аналитиков считают, что популистские левые партии смогли трансформировать европейские партийные системы, в особенности на национальном уровне. Подтверждением служат успехи ряда популистских радикальных левых партий на национальных выборах, например партия Podemos в Испании под руководством Пабло Иглесиаса (получившая третье место

⁴ Там же.

⁵ European election results // European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/en> (accessed: 20.07.2024).

в 2016 году на выборах в парламент Испании)⁶. Поэтому перед исследователями возникает ключевой вопрос — сформировали ли левые популисты новый электорат или произошло фрагментирование сторонников левого крыла между традиционными партиями и радикальными популистами.

Согласно данным «Евробарометра» (см. табл. 4), практически треть всех опрошенных, в ответе на вопрос об определении положения их позиции в политических координатах, отнесли себя скорее в сторонники левоориентированной политики. Более того, в настоящий момент число тех, кто отнёс себя к левому крылу выше, чем сторонников политики правого толка.

Таблица 4

Распределение политических предпочтений жителей Евросоюза, %

Политические предпочтения	2019	2022	2024
Левые	26,6	29,0	29,0
Центристы	35,5	36,1	38,0
Правые	22,5	23,6	23,0
Затрудняюсь ответить	15,3	11,2	10,0
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено автором на основе данных Eurobarometer⁷.

Исходя из всего вышперечисленного мы можем сделать вывод, что происходящая трансформация в мировой политической и экономической сферах начинает формировать со стороны населения ЕС новый запрос — на социальную поддержку государства и социально-ориентированную экономику, что может оказать влияние на уровень электорального потенциала левых партий в Европе и изменить распределение фракций на выборах в Европарламент в будущем.

Таблица 5

Сторонники традиционных и популистских левых партий в разрезе возрастных групп, 2009 и 2019 гг., %

Возрастные категории	2009		2019	
	Традиционные партии	Традиционные партии	Популистские партии	Популистские партии
18–24	5	8	11	11
25–39	15	20	26	26
40–54	29	26	29	29
55–64	26	20	22	22
65+	23	26	21	21
Всего	100	100	100	100

Источник: составлено автором по данным European Parliament Election Study 2009, 2019⁸.

Примечание: В 2009 году рассматриваются только традиционные левые партии, поскольку группа популистских радикальных левых партий на тот момент ещё не обособилась однозначно в отдельную политическую группу.

⁶ Congreso de los Diputados. URL: <https://www.congreso.es/es/grupos/composicion-en-la-legislatura> (accessed: 20.07.2024).

⁷ European Commission, Brussels. Eurobarometer (2019), ZA7602, <https://doi.org/10.4232/1.14381>; Eurobarometer (2022), ZA7902, <https://doi.org/10.4232/1.14010>; Flash Eurobarometer (2024), <https://doi.org/10.4232/1.14348> (accessed: 18.07.2024).

⁸ Egmond M, Brug W., Hobolt S. [et al.]. European Parliament Election Study 2009, Voter Study. ZA5055, <https://doi.org/10.4232/1.12732>; Schmitt H., Hobolt S., Brug W. [et al.]. European Parliament Election Study 2019, Voter Study. ZA7581, <https://doi.org/10.4232/1.13846> (accessed: 18.07.2024).

Анализ данных, представленных в таблице 5, позволяет сделать вывод, что традиционные левые партии пользовались наибольшей поддержкой среди граждан ЕС среднего и предпенсионного возраста. В то время как молодёжь проявляла меньший интерес к поддержке левых политических сил. Основной электоральной группой, поддерживающей традиционные левые партии, были граждане в возрасте от 40 до 54 лет. Таким образом, в 2009 году основой электората левых партий были люди среднего и старшего возраста.

Иная ситуация складывается в 2019 году. В этот период уже сформированы как отдельная группа популистские радикальные левые партии, которые начинают идти вразрез с идеологическими установками традиционных левых. Более того, по результатам, представленным в таблице 5 можно наблюдать, что популистские левые делят с традиционными левыми большую часть основных возрастных групп, составляющих их электорат. Таким образом мы можем говорить об оттоке определённого количества сторонников традиционных левых в более радикальное крыло.

Кроме того, помимо получения части электората традиционных левых, левые популисты начинают привлекать новую группу сторонников — молодёжь. Молодые избиратели всё чаще отдают предпочтение радикальным левым популистам, а не их традиционным альтернативам. Этот сдвиг в поддержке указывает на изменения в политических предпочтениях молодого поколения, которое ищет более решительных и радикальных решений в ответ на текущие социальные и экономические вызовы.

Уже на этом этапе можно наблюдать процесс фрагментации электората европейских левых, вызванный отделением радикальных популистов от более умеренных левых сил. Это может привести к усилению конкуренции между левыми партиями за поддержку избирателей, особенно среди молодёжи, и затруднить консолидацию левого политического спектра на фоне растущей популярности более радикальных идей. В долгосрочной перспективе эта фрагментация может существенно изменить расстановку сил в левом лагере, влияя на стратегии и результаты будущих выборов.

Таблица 6

Сторонники традиционных и популистских левых партий в зависимости от статуса занятости, 2009 и 2019 гг., %

Статус занятости	2009		2019	
	Традиционные партии	Традиционные партии	Популистские партии	Популистские партии
Самозанятый	8	7	9	
Трудящийся	41	48	49	
Учащийся	5	6	9	
Домохозяин/ка	8	2	7	
Пенсионер	36	31	21	
Безработный	10	5	13	
Иное	4	4	7	

Источник: составлено автором по данным European Parliament Election Study 2009, 2019⁹.

⁹ Там же.

В таблице 6 представлены результаты анализа сторонников традиционных и популистских левых на основании их «рабочего статуса». В 2009 году основная масса сторонников традиционных левых приходилась на работающее население и пенсионеров. Подобная же ситуация складывается для традиционных левых в 2019 году. При этом у левых популистов ниже уровень поддержки со стороны пенсионеров, при этом выше доля в остальных категориях, что подтверждает озвученную ранее мысль об омоложении электората радикальных левых популистов. Пенсионеры в меньшей степени оказывают поддержку радикальным популистам, в то время как молодёжь более охотно принимает сторону левых популистов, чем их традиционных коллег по политическому крылу.

Анализируя занятость сторонников левых партий в странах Евросоюза, можно заметить перетекание электората от традиционных левых к популистам, особенно среди работников сферы услуг. В 2009 году наибольшую поддержку традиционные левые партии получали от работников как промышленности, так и сферы обслуживания. Однако к 2019 году предпочтения работников промышленности разделились между традиционными левыми и популистами, в то время как сотрудники сферы услуг в основном поддерживали левыми популистов. Это изменение можно объяснить тем, что работники сферы услуг в целом представляют собой более молодую группу, чем представители промышленности. Поэтому они, вероятно, более склонны к поддержке радикальных популистских идей. Таким образом, наблюдаемая смена предпочтений в сторону популистов среди работников сферы услуг отражает их стремление к более радикальным и решительным политическим решениям. Нами был также проанализирован вопрос о том, как на основе самоопределения респонденты относили себя к тому или иному социальному классу. В 2009 году сторонники традиционных левых — рабочий и средний класс, при условии, что рабочий класс был наиболее крупным ядром в электорате традиционных левых.

Таблица 7

Электоральные предпочтения жителей ЕС в разрезе социального положения, 2019 г., %

Социальное положение	Традиционные	Популистские
Рабочий класс	17	25
Низ среднего класса	20	26
Средний класс	49	47
Верха среднего класса	13	7
Высший класс	3	2
Другое	2	1

Источник: составлено автором по данным European Parliament Election Study, 2019¹⁰.

Данные таблицы 7 демонстрируют распределение сторонников традиционных левых и популистов среди представителей различных социальных классов. Среди электората традиционных левых основное ядро теперь составляют представители среднего класса, в то время как для популистов довольно существен-

¹⁰ European Parliament Election Study 2019, Voter Study. ZA7581, <https://doi.org/10.4232/1.13846> (accessed: 18.07.2024).

ной группой поддержки выступают рабочие. Таким образом, мы можем предположить, что влияние изменения партийной политики традиционных левых, движение их в более умеренном ключе, согласие с существующей ситуацией в экономической сфере, привело к изменению ключевого ядра электората. Теперь основой сторонников являются представители среднего класса. Тогда как один из наиболее уязвимых классов — рабочий, — стал перемещаться в сторону радикальных популистов, поскольку именно на рабочем классе сильнее всего сказываются последствия экономического и политического кризисов, что делает среди них запрос на кардинальные социальные изменения все более актуальным.

На основании проведённого вторичного анализа может быть создан портрет электората традиционных и радикальных левых. Это позволит определить, на какие группы в данный момент опирается то или иное направление в левом крыле.

Портрет основного ядра сторонников традиционных левых партий в Евросоюзе включает жителей предпенсионного и пенсионного возраста, обладающих стабильным материальным положением и относящихся к среднему классу. Эта группа в настоящее время менее подвержена влиянию кризисных явлений по сравнению с представителями более низких социальных слоёв. Это связано с тем, что традиционные левые партии, следуя своей умеренной политике, менее акцентируют внимание на острых социальных и экономических проблемах, что делает их поддержку более устойчивой среди обеспеченных слоёв населения. Также люди старшего поколения имеют более устойчивую связь с традиционными левыми партиями. Они могут видеть в этих партиях защитников социальных гарантий и прав. Традиционные левые могут ассоциироваться с достижениями социальной политики, пенсионного обеспечения и системы здравоохранения.

Портрет основного ядра сторонников радикальных популистских левых партий представляет собой граждан среднего возраста или молодёжи, работающих в промышленности или сфере обслуживания и относящихся к рабочему классу с относительно низким уровнем материального обеспечения. Эти группы населения особенно чувствительны к последствиям экономических кризисов, что делает радикальную повестку наиболее привлекательной для них. Традиционные левые партии не могут полностью удовлетворить их запросы, так как требования этих слоёв населения более радикальны, чем те идеи, которые продвигают умеренные левые. Поэтому при ухудшении материального положения и снижении стабильности представители данной группы будут всё более перетекать в электорат левых популистов. Периферией же их электората является часть работающего среднего класса, который в случае ухудшения своего материального положения может сместиться в своих политических предпочтениях в более радикальное крыло.

Выводы. Исходя из проведённого анализа, можно заключить, что левые популисты разделяют часть электората с традиционными левыми, что означает фрагментацию потенциальных сторонников левого крыла между направлениями разной степени радикальности. Помимо этого, часть электората популистов — те жители ЕС, что раньше не выступали с поддержкой левых партий. Таким образом, левые популисты имеют два источника пополнения потенциального электората — переход части сторонников от умеренных левых, а также

формирование совершенно нового электората в рамках новой актуальной повестки.

По итогам исследования можно отметить действительный рост экономической и международной повестки в странах Евросоюза, на которую опираются как раз представители левоориентированных политических партий. При этом, в силу более умеренной повестки, традиционные левые партии не в полной мере отвечают запросу европейского общества на решение возникших острых проблем на фоне кризиса и сложной международной обстановки, что способствует оттоку электората.

Безусловно, экономическая повестка наиболее близка слоям населения с низким материальным положением и уровнем жизни. Таким образом мы можем предположить, что наиболее мобилизованными группами сторонников левых партий будут именно незащищённые слои – рабочий класс, сотрудники промышленности и сферы обслуживания с низким уровнем благосостояния. Именно они, по нашему мнению, аккумулируют максимум поддержки для движений и партий левого крыла в будущем. Но как мы наблюдали из анализа, данные слои населения составляют ядро именно радикальных левых популистов, а не традиционных политических партий, потому что именно радикальные популисты предлагают конкретные решения для сложившейся ситуации в Европе.

Заявленное снижение уровня поддержки будет вызвано продолжением фрагментации электората, при которой наиболее пострадавшие от кризисных проявлений граждане вероятнее отдадут свой голос за левых популистов, что существенно снизит уровень поддержки традиционных левых партий в европейском парламенте. Таким образом, сильного усиления левого крыла на выборах в Европейский парламент ожидается, но произойдёт транзит потенциальных сторонников между умеренной и более радикальной направленностями левых политических партий. Объединение левых популистов и традиционных левых партий могло бы стать мощной основой для противостояния правым политическим силам, усиливая позиции левых на политической арене Европы. Однако на данный момент их раздельное существование приводит к фрагментации электората. Этот раскол ослабляет влияние левых партий в целом, поскольку различные группы избирателей распределяют свою поддержку между умеренными и радикальными левыми, вместо того чтобы консолидировать её в рамках единой политической силы. В условиях растущего политического и экономического напряжения в Европе такой раскол может играть на руку правым партиям, ослабляя возможности левых эффективно реализовывать свой политический потенциал.

Библиографический список

1. Дюверже М. Политические партии / Пер. с фр. Л. А. Зимина. М. : Академический Проект, 2000. 538 с. ISBN 5-8291-0096-7. EDN [RRKAAZ](#).
2. Lipset S. M., Rokkan S. Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives. New York : Free Press, 1967. 554 p. ISBN 978-0029191507.
3. Новоженова И. С., Дилигенский Г. Г. Французская социалистическая партия в 70-е годы: Внутрипартийные течения. М. : Наука, 1989. 190 с. ISBN 5-02-008980-X.
4. Задорожнюк Э. Г. Воспоминания о будущем. Социал-демократия Восточной Европы в первой половине 1990-х // Свободная мысль. 1996. № 12. С. 11–20.
5. Авилова А. В. Италия: метаморфозы популизма // Год планеты : Ежегодник ИМЭМО РАН. М. : Идея-Пресс, 2019. С. 257–266. EDN [HGYAIY](#).

6. Трансформация партийных систем и демократий в странах Запада: аналитический доклад / Л. О. Бабынина, А. Л. Дунаев, А. Д. Щербакова [и др.]. М. : ИВ РАН, 2014.
7. Швейцер В. Я., Дрожжина Е. В. Европеистика: партийно-политические исследования // Современная Европа. 2017. № 4(76). С. 90–97. EDN ZULYUJ.
8. Великая Н. М., Берёзкина Е. Ю. Особенности женского представительства в законодательных органах власти Европы: левые против популистов // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № S2. С. 8–23. DOI [10.19181/nko.2022.28.2S.1](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.1). EDN HBDIZD.
9. Гуселетов Б. П. Трансформация партийно-политической системы ЕС накануне евровыборов–2024 // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 3. С. 34–45. DOI [10.20542/0131-2227-2024-68-3-34-45](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-3-34-45). EDN XICCYU.
10. Гуселетов Б. П. О роли европартий в формировании общеевропейского политического пространства // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 5. С. 34–45. DOI [10.20542/0131-2227-2023-67-5-34-45](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-5-34-45). EDN VLGBXV.
11. Гуселетов Б. П. Итоги парламентских выборов во Франции и их влияние на российско-французские отношения // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 8–21. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.1). EDN VUUYIQ.
12. Гуселетов Б. П. Становление института общеевропейских политических партий // Современная Европа. 2020. № 4(97). С. 133–143. DOI [10.15211/soveurope42020133143](https://doi.org/10.15211/soveurope42020133143). EDN AUZDCB.
13. Mudde C. The populist radical right: A pathological normalcy // West European Politics. 2010. Vol. 33, № 6. P. 1167–1186. DOI: [10.1080/01402382.2010.508901](https://doi.org/10.1080/01402382.2010.508901).
14. Caramani D. The Europeanization of politics: The formation of a European electorate and party system in historical perspective. New York : Cambridge University Press, 2015. DOI [10.1017/CBO9781316340035](https://doi.org/10.1017/CBO9781316340035).
15. West European politics in the age of globalization: Contents / H. Kriesi, E. Grande, R. Lachat [et al.]. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2008. 448 p. DOI [10.1017/CBO9780511790720](https://doi.org/10.1017/CBO9780511790720).
16. Hobolt S. B., Tilley J. Blaming Europe? Responsibility without accountability in the European Union. Oxford, UK : Oxford University Press, 2014. 208 p. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199665686.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199665686.001.0001).
17. Mair P. Ruling the void: The hollowing of western democracy // New Left Review. 2006. № 42. P. 25–51.

Поступила: 01.08.2024. Принята: 09.09.2024.

Сведения об авторе:

Зверев Евгений Витальевич, аспирант, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; аналитик, Аналитический центр при Правительстве РФ.

Москва, Россия.

zvarevevgeniy@rambler.ru

E. V. Zverev^{1,2}

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS. Moscow, Russia
² Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Moscow, Russia

PECULIARITIES OF THE SOCIAL STRUCTURE OF THE ELECTORATE OF LEFT-WING PARTIES IN THE EU COUNTRIES

Abstract. The article is devoted to the analysis of the political situation in the European Union, focusing on changes in support for left-wing parties in the context of global challenges. Transformations in the electoral preferences of EU citizens caused by economic and political turmoil and international conflicts are considered. The main focus is on the growing popularity of radical left populist parties. The analysis shows that traditional left-wing parties are losing support due to insufficiently radical proposals, which leads to fragmentation of their electorate. Radicalization of political sentiment is seen as a serious challenge, as radical movements are less predictable and can create political instability in the region. In this regard, analysts are faced with the question of possible changes in the political landscape, which is especially important in the context of tense international relations and sanctions pressure on Russia. The author emphasizes the need to understand political changes and forecast their consequences in order to develop effective electoral forecasts. The article considers the main results of the 2024 European Parliament elections, their impact on electoral preferences and changes in the EU political landscape. The theoretical approaches and empirical studies of leading domestic and foreign scholars in the field of studying party systems are analyzed, which allows us to assess current and future trends in European politics. The work also touches upon the issues of uniting left-wing forces in opposition to right-wing parties, as well as possible scenarios for the development of the political situation in the European Parliament and its impact on international relations and interstate interaction.

Keywords: European Union, left-wing parties, populist parties, electoral preferences, political crisis, economic crisis, international conflicts, political fragmentation, traditional left, political stability

For citation: Zverev E. V. Peculiarities of the social structure of the electorate of left-wing parties in the EU countries. *Science. Culture. Society*. 2024;30(3):155–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.10>

References

1. Duverger M. Les partis politiques. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2000. (In Russ.). ISBN 5-8291-0096-7.
2. Lipset S. M., Rokkan S. Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives. New York: Free Press; 1967. ISBN 978-0029191507.
3. Novozhenova I. S., Diligensky G. G. The french socialist party in the 70s: Intraparty currents. Moscow: Nauka; 1989. (In Russ.). ISBN 5-02-008980-X.
4. Zadorozhnyuk E. G. Memories of the future. Eastern European social democracy in the first half of the 1990s. *Svobodnaya mysl'*. 1996;(12):11–20. (In Russ.).
5. Avilova A. V. Italy: metamorphosis of populism. In: Year of the Planet: Yearbook of IMEMO. Moscow: Ideya-Press; 2019. P. 257–266. (In Russ.).
6. Babynina L. O., Dunayev A. L., Shcherbakova A. D. [et al.]. Transformation of party systems and democracies in Western countries: analytical report. Moscow: IV RAN; 2014. (In Russ.).
7. Schweitzer V. Ya., Drozhzhina E. V. European studies: Party and political research. *Contemporary Europe*. 2017;(4):90–97. (In Russ.).
8. Velikaya N. M., Berezkina E. Y. How do women are represented in the European legislative assemblies: comparative analysis of the left and populist political parties' practices. *Science. Culture. Society*. 2022;28(2S):8–23. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.2S.1](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.1).
9. Guseletov B. P. Transformation of the EU political party system on the eve of the 2024 European election. *World Economy and International Relations*. 2024;68(3):34–45. (In Russ.). DOI [10.20542/0131-2227-2024-68-3-34-45](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-3-34-45).

10. Guseletov B. P. On the role of Europarties in the formation of a pan-European political space. *World Economy and International Relations*. 2023;67(5):34–45. (In Russ.). DOI [10.20542/0131-2227-2023-67-5-34-45](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-5-34-45).
11. Guseletov B. P. Results of the parliamentary elections in France and their impact on Russian-French relations. *Science. Culture. Society*. 2022;28(3):8–21. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.1).
12. Guseletov B. P. Establishment of the institution of pan-European political parties. *Contemporary Europe*. 2020;(4):133–143. (In Russ.). DOI [10.15211/soveurope42020133143](https://doi.org/10.15211/soveurope42020133143).
13. Mudde C. The populist radical right: A pathological normalcy. *West European Politics*. 2010;33(6):1167–1186. DOI: [10.1080/01402382.2010.508901](https://doi.org/10.1080/01402382.2010.508901).
14. Caramani D. The Europeanization of politics: The formation of a European electorate and party system in historical perspective. New York: Cambridge University Press; 2015. DOI [10.1017/CBO9781316340035](https://doi.org/10.1017/CBO9781316340035).
15. Kriesi H., Grande E., Lachat R. [et al.]. West European politics in the age of globalization: Contents . Cambridge, UK: Cambridge University Press; 2008. DOI [10.1017/CBO9780511790720](https://doi.org/10.1017/CBO9780511790720).
16. Hobolt S. B., Tilley J. Blaming Europe? Responsibility without accountability in the European Union. Oxford, UK : Oxford University Press, 2014. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199665686.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199665686.001.0001).
17. Mair P. Ruling the void: The hollowing of western democracy. *New Left Review*. 2006;(42):25–51.

Received: 01.08.2024. Accepted: 09.09.2024.

Information about the author:

Evgeniy V. Zverev, Postgraduate Student, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS; Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Moscow, Russia. zverevgeniyy@rambler.ru

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

сетевой научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30 июня 2021 г.

Соучредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Общественная российская академия социальных наук
Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1

Главный редактор:

Виктор Константинович Левашов

Ответственный секретарь:

Оксана Валерьевна Гребняк

Журнал «Наука. Культура. Общество» включён в базу РИНЦ и перечень ВАК.

ISSN 2713-0681

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте
<https://www.journal-scs.ru>

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал
«Наука. Культура. Общество» обязательна.

2024. Том 30. № 3. Дата выхода в свет: 30.09.2024.

Адрес редакции: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1

Тел.: +7 499 530-27-32. E-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru